

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1881.

(Годъ двадцать второй).

МАРТЪ. — № 3.

Содержаніе:

	Страницы
I. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (въ рускомъ переводѣ) О градѣ Божіемъ, книга девятая	61—14
II. Введеніе въ исторію нравственности и нравственныхъ ученій. (Факторы исторіи—эстетическій, интеллектуальный и индустріальный). <i>М. А. Олесничука</i>	252—281
III. Взглядъ древнихъ римлянъ на загробную жизнь по эпитафическимъ даннымъ. <i>Н. М. Дроздова</i>	287—327
IV. Отчетъ церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовн. Академіи за 1880 г. <i>Н. И. Петрова</i>	329—351
V. Двадцатилѣтіе журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ (1860—1879 гг.). <i>И. Н. Королькова</i>	357—361

Въ приложеніи:

VI. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской Академіи (24 октября 1880 г.).	49— 91
VII. Объявленіе.	I—II

„Труды Кіевской дух. Академіи“ выходятъ по прежней программѣ

Цѣна 7 рубл. съ пересылкою.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчака-Новицкаго, Михайловская улиц., собственный домъ

1881.

ВЪ 1881 ГОДУ ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ издаются

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости,

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ официальный**, Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственные распоряженія, относящіеся къ Кіевской епархіи, мѣстные административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неофициальный**, мѣстные церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательныя письменныя памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе,

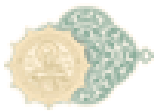
Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцахъ любви, вѣры и упованія христіанскаго и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи,

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступныя большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.—Изъ твореній бл. Іеронима въ настоящемъ, 1881 г. будутъ издаваться его знаменитыя толкованія на ветхозавѣтныя книги; изъ твореній бл. Августина—его знаменитѣйшее твореніе—о градѣ Божіемъ.

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной Академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе, — „Епархіальныя Вѣдомости“); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“), и 3, научнаго образованія богословскаго („Труды Кіевской духовной Академіи“).

„Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить *еженедѣльно* въ четвертку, въ два столбца, не менѣе одного листа въ

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Сказавъ въ предыдущей книгѣ, что культъ демоновъ слѣдуетъ отвергнуть, такъ какъ они сами же даютъ много оснований считать ихъ за злыхъ духовъ, бл. Августинъ въ настоящей книгѣ выступаетъ противъ тѣхъ, которые вводятъ между демонами различіе, въставляя однихъ изъ нихъ добрыми, другихъ злыми. Опровергнувъ это различіе, онъ доказываетъ, что положеніе ходатая за людей, съ ижею доставить имъ блаженство, можетъ приличествовать одному только І. Христу, а отнюдь не какому либо демону.

ГЛАВА І.

На чемъ остановилось предыдущее разсужденіе, и что осталось разсмотрѣть въ данномъ вопросѣ.

Нѣкоторые думали, что есть боги и добрые, и злые; нѣкоторые же, будучи о бogaхъ лучшаго мнѣнія, высказывались объ нихъ съ такимъ уваженіемъ и похвалами, что не осмѣливались считать кого либо изъ нихъ злымъ. Тѣ, по мнѣнію которыхъ одни изъ боговъ добры, а другіе злы, именемъ боговъ называли и демоновъ; хотя и боговъ, гораздо впрочемъ рѣже, называли демонами: такъ что у Гомера находятъ имя демона усвоеннымъ даже Юпитеру, считающемуся царемъ и главою боговъ. Тѣ же, по мнѣнію которыхъ боги все добры и добротою своею далеко превосходятъ людей, слывающихъ за людей добрыхъ, приходятъ въ справедливое смущеніе предъ такими дѣйствіями демоновъ, отрицать которыхъ не могутъ, и полагая, что этихъ дѣйствій ни въ какомъ случаѣ не могли совершать боги, которые, по ихъ представленію, все добры, принуждены при-

знать различіе между богами и демонами: такъ что все, что въ злыхъ дѣлахъ или расположеніяхъ душевныхъ, которыми невидимые духи обнаруживаютъ свою силу, имъ справедливо не нравится, все это они считаютъ дѣломъ демоновъ, а не боговъ. Но такъ какъ этихъ же самыхъ демоновъ они представляютъ такими посредниками между богами и людьми (въ непосредственное общеніе съ человѣкомъ не входитъ, говорятъ, ни одинъ богъ), которые передаютъ богамъ желанія людей, а людямъ—на ихъ желанія волю боговъ; и такъ какъ мнѣніе это принадлежитъ первостепеннымъ и извѣстнѣйшимъ изъ философовъ, платоникамъ, съ которыми, какъ съ наилучшими, мы рѣшились войти въ изслѣдованіе вопроса—полезно-ли въ дѣлѣ пріобрѣтенія блаженной жизни, имѣющей наступить по смерти, почитаніе многихъ боговъ: то въ предыдущей книгѣ мы и возбудили вопросъ о томъ, какимъ образомъ демоны, услаждающіеся такими вещами, какихъ отвращаются и которыя осуждаютъ люди добрые и благоразумные, т. е. кощунственными, позорными, преступными вымыслами поэтовъ не о человѣкѣ какомъ-либо, а о самыхъ богахъ, и злодѣйскимъ, караемымъ законами неистовствомъ чародѣйствъ,—какимъ образомъ эти демоны, стоящіе якобы къ богамъ въ болѣе дружественныхъ и близкихъ отношеніяхъ, могутъ посредствовать между добродѣтельными людьми и добрыми богами? Оказалось, что это невозможно ни въ какомъ случаѣ.

ГЛАВА II.

Есть-ли между демонами, занимающими сравнительно съ богами низшее положеніе, какая нибудь часть добрыхъ, при помощи коихъ человѣческая душа могла бы достигать истиннаго блаженства.

За тѣмъ настоящая книга, какъ обѣщали мы въ концѣ предыдущей, должна будетъ содержать въ себѣ разсужденіе

не о различіи (если они таковое допускаютъ) между богами, которыхъ они всѣхъ называютъ добрыми, и не о различіи между богами и демонами, изъ коихъ первыхъ они слишкомъ далеко ставятъ отъ людей, а послѣднимъ даютъ мѣсто между богами и людьми, а о различіи между самими демонами; что собственно и относится къ настоящему вопросу. Ибо очень многіе имѣютъ обыкновеніе называть однихъ демоновъ добрыми, другихъ злыми Платоникамъ-ли, или кому-бы тамъ ни было, принадлежитъ это мнѣніе,—оставлять его безъ разсмотрѣнія ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ: чтобы кто нибудь, вообразивъ, что долженъ слѣдовать мнимо добрымъ демонамъ, въ ту пору какъ будетъ стараться и добиваться при помощи ихъ, какъ посредниковъ, соединиться съ богами, которыхъ всѣхъ считаетъ добрыми, чтобы быть съ ними по смерти,—опутанный и обманутый лживостію злыхъ духовъ, не уклонился далеко отъ истиннаго Бога, въ Которомъ одномъ, съ Которымъ однимъ и отъ Котораго одного человѣческая, т. е. разумная и мыслящая, душа бываетъ блаженною.

ГЛАВА III.

Что Апулей приписывалъ демонамъ, за которыми, не отнимая у нихъ разума, онъ не признавалъ никакой добродѣтели.

Какое же различіе между добрыми и злыми демонами? Платоникъ Апулей, рассуждая объ нихъ вообще и говоря очень много о воздушныхъ тѣлахъ ихъ, не сказалъ ничего объ ихъ душевныхъ добродѣтеляхъ, которыми они были бы одарены, если бы были добрыми. Такимъ образомъ, онъ умалчалъ о томъ, что служитъ причиною блаженства, но не могъ умолчать о томъ, что служитъ признакомъ злополучія, признавъ, что умъ ихъ, по которому онъ считаетъ

ихъ существами разумными, не напоенный и не укрѣпленный добродѣтелью, не только не оказываетъ никакого сопротивленія неразумнымъ душевнымъ страстямъ, но и самъ подверженъ своего рода бурнымъ волненіямъ, какъ это свойственно умамъ глупымъ. Вотъ подлинныя слова его: «По большей части изъ этой толпы демоновъ, говоритъ онъ, поэты, не безъ вѣроятности, имѣютъ обыкновеніе выводить въ своихъ сочиненіяхъ боговъ, какъ пылающихъ ненавистью, такъ и дружественно расположенныхъ къ нѣкоторымъ людямъ; этихъ они дѣлаютъ счастливыми и возвышаютъ, а тѣхъ тѣснятъ и унижаютъ. Они и милуютъ, и негодуютъ, и печалются, и радуются, и переживая всяческія состоянія человѣческаго духа, при похожемъ движеніи сердца и колебаніи ума, испытываютъ всѣ страстные волненія помысловъ. Всѣ эти тревоги и бури совершенно чужды богамъ небеснымъ» ¹⁾. Оставляютъ ли эти слова хоть какое нибудь сомнѣніе на счетъ того, что не какія нибудь низшія душевныя способности, а самые умы демоновъ, благодаря которымъ они суть существа разумныя, волнуются, по словамъ Апулея, вихремъ страстей подобно бурному морю? Ихъ нельзя сравнивать даже и съ людьми мудрыми, которые, хотя по условіямъ настоящей жизни и терпятъ такого рода душевныя волненія, такъ какъ отъ нихъ не свободна человѣческая немощь, однако сопротивляются имъ своимъ невозмутимымъ умомъ, не соглашаясь подъ ихъ вліяніемъ одобрить или совершить что-либо такое, что уклонялось бы отъ пути мудрости и закона правды. Ихъ можно сравнить съ людьми глупыми и несправедливыми, на которыхъ они похожи (чтобы не сказать—еще хуже ихъ тѣмъ, что старѣе и несправимѣе въ силу тяготящаго на нихъ наказанія) не тѣлами

¹⁾ Apul. de deo Socratis.

конечно, а правами,—подвержены, какъ выражается Апулей волненію самаго ума своего,—ни одною стороною своего духа не утверждаютъ на истинѣ и добродѣтели, при помощи которыхъ могли бы противостоять мятежнымъ и превратнымъ возбужденіямъ духа.

ГЛАВА IV.

Какъ думаютъ перипатетики и стоики о волненіяхъ, испытываемыхъ душою.

Существуютъ два мнѣнія философовъ о тѣхъ душевныхъ движеніяхъ, которыя греки называютъ *πάθη*, а изъ нашихъ одни, какъ напр. Цицеронъ, волненіями, другіе—возбужденіями, или аффектами, нѣкоторые—какъ бы точнѣе переводя съ греческаго—страстями. Эти волненія, или возбужденія, или страсти, по словамъ нѣкоторыхъ философовъ, испытываетъ и мудрецъ, но онѣ у него обузданы и подчинены разуму, такъ что власть ума налагаетъ на нихъ своего рода законы, которые указываютъ имъ должную мѣру. Держащіеся такого мнѣнія суть платоники или аристотелики, такъ какъ и Аристотель, основавшій школу перипатетиковъ, былъ ученикомъ Платона. Другіе же, какъ напр. стоики, рѣшительно не допускаютъ, чтобы какія бы то ни было страсти испытывалъ мудрецъ. Но Цицеронъ въ книгахъ о конечной цѣли добра и зла доказываетъ, что послѣдніе, т. е. стоики, спорятъ съ платониками или перипатетиками скорѣе изъ-за словъ, чѣмъ изъ-за сущности дѣла: стоики, напри-мѣръ, не хотятъ называть благами благъ тѣлесныхъ и виѣшнихъ, а называютъ удобствами; потому что для человѣка-де нѣтъ другаго блага, кромѣ добродѣтели, какъ искусства—жить хорошо, которое существуетъ только въ душѣ. А тѣ (платоники и аристотелики) и эти блага называютъ простымъ и общепотребительнымъ именемъ благъ, но только

въ сравненіи съ добродѣтелью, какъ нормою правильной жизни. считаютъ ихъ благами малыми и незначительными. Отсюда видно, что какой бы тѣ и другіе ни употребляли терминъ—блага ли или выгоды, подъ этими терминами у нихъ разумѣется одно и то же, и стойки въ этомъ вопросѣ щеголяютъ только новизною словъ. Такъ по моему мнѣнію и относительно вопроса о томъ, испытываетъ ли мудрый душевныя страсти, или же совершенно чуждъ ихъ, стойки спорять скорѣе изъ-за словъ, чѣмъ изъ-за сущности дѣла. Ибо, насколько дѣло касается существа предмета, а не звука словъ, они, по моему мнѣнію, и на этотъ разъ держатся тѣхъ же представлений, какъ платоники и перипатетики.

Опуская для краткости прочее, чѣмъ могъ бы я подтвердить это, укажу только на слѣдующее, очевиднѣйшее. Агеллій, человѣкъ изящнѣйшаго краснорѣчія и обширной и многосторонней учености, въ книгахъ подъ заглавіемъ: «Аттическія ночи», пишетъ ¹⁾, что однажды онъ плылъ на кораблѣ съ нѣкимъ извѣстнымъ философѣмъ—стоикомъ. Этотъ философъ (Агеллій рассказываетъ объ этомъ съ большими подробностями, я же расскажу коротенько), когда поднявшеюся въ воздухъ и на морѣ ужасною бурей карабль начало бросать туда и сюда съ величайшею опасностью, поблѣднѣлъ отъ страха. Это было замѣчено присутствовавшими, которые, не смотря на близость смерти, съ крайнимъ любопытствомъ наблюдали, сохранитъ-ли философъ присутствіе духа. И вотъ когда буря затихла, и увѣренность въ безопасности вызвала говоръ и даже шутки,—одинъ изъ пассажировъ, богатый и расточительный азіатецъ, присталъ къ философу, подсмѣиваясь надъ тѣмъ, что тотъ струсиль и поблѣднѣлъ, тогда какъ онъ-де оставался въ виду гро-

¹⁾ Lib. XIX, cap. 1.

жившей гибели безстрашнымъ. Но философъ привелъ отвѣтъ соправителю Аристиппа, который, въ подобныхъ обстоятельствахъ услышавши отъ точно такого же человѣка точно такія же рѣчи, сказалъ: „тебѣ за душу негоднѣйшаго бездѣльника не стоило конечно тревожиться; но я за душу Аристиппа долженъ былъ бояться“. Когда этотъ отвѣтъ заставилъ богача удалиться, Агеллій, не съ цѣлію уколоть, а изъ любви къ знанію, спросилъ философа, что было причиною его испуга. Желая научить человѣка, одушевленнаго искреннимъ стремленіемъ къ знанію, философъ тотчасъ же досталъ изъ своего дорожнаго мѣшка книгу стоика Епиктета, содержаніе которой согласно было съ основными положеніями Зенона и Хризиппа, извѣстныхъ намъ за главныхъ представителей стоической школы. Изъ этой книги, говоритъ Агеллій, онъ прочиталъ, что, по ученію стоиковъ, когда мысленные образы, называемые ими фантазіями, возникновеніе и время возникновенія которыхъ въ нашемъ умѣ не зависятъ отъ нашей воли, идутъ отъ предметовъ страшныхъ и ужасныхъ: то они неизбѣжно волнуютъ умъ и мудраго; такъ что на короткое время онъ и блѣднѣетъ отъ страха, и подвергается скорби, какъ страстямъ, предваряющимъ дѣятельность ума и разсудка. Но изъ этого-де не слѣдуетъ, чтобы въ его умѣ образовалось дурное расположеніе, одобреніе или сочувствіе злу. Послѣднее они представляютъ состоящимъ во власти его, и различіе между душою мудраго и душою глупаго, съ ихъ точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, что душа глупаго поддается страстямъ и подчиняетъ имъ умъ свой; тогда какъ душа мудраго, хотя и претерпѣваетъ ихъ по необходимости, непоколебимо однако сохраняетъ въ своемъ умѣ истинное и неизмѣнное представленіе о томъ, чего надлежитъ разумнымъ образомъ желать или избѣгать. Вотъ что припоминаетъ Агеллій изъ прочитаннаго въ книгѣ Епиктета, что говорилъ и думалъ Епиктетъ съ точки зрѣнія стоиковъ.

Я изложилъ это какъ умѣлъ,—хотя и не такъ хорошо, какъ Агеллій, но по крайней мѣрѣ короче, и, думаю, яснѣе, чѣмъ онъ.

Если это такъ, то между мнѣніемъ стойковъ и другихъ философовъ о страстяхъ и волненіяхъ духа нѣтъ или почти нѣтъ различія: и тѣ и другіе одинаково не допускаютъ ихъ господства надъ умомъ мудраго. И стоики говорятъ, что мудрый не подверженъ страстямъ и волненіямъ, потому можетъ быть, что эти страсти и волненія не омрачаютъ никакимъ заблужденіемъ и не подвергаютъ никакой опасности его мудрость, благодаря именно которой онъ и мудръ. Но онѣ возникаютъ и въ душѣ мудраго, хотя не нарушаютъ ясности его мудрости,—возникаютъ подъ впечатлѣніемъ того, что стоики называютъ выгодами или невыгодами и чему не хотятъ дать имени блага или зла. Въ самомъ дѣлѣ, не придавай упомянутый философъ ни малѣйшей цѣны тому, потерей чего угрожало ему кораблекрушеніе, какъ напр. жизни и тѣлесному здоровью,—опасность та не устрасила бы его до такой степени, что заставила его выдать себя блѣдностію. Между тѣмъ, онъ въ одно и тоже время могъ и испытывать смятеніе, и твердо сохранять въ своемъ умѣ представленіе о томъ, что жизнь и тѣлесное здоровье, потерю которыхъ угрожала ему страшная буря, не составляютъ такого блага, которое обладающихъ имъ людей дѣлало бы добрыми, какъ дѣлаетъ ихъ такими справедливость. А что стоики говорятъ, что эти блага слѣдуетъ называть не благами, а выгодами, то это споръ изъ-за словъ, а не изслѣдованіе сущности дѣла. Какая въ самомъ дѣлѣ важность въ томъ, точнѣе ли эти вещи называть благами или выгодами, когда и стоикъ блѣднѣетъ и пугается не менѣе, чѣмъ перипатетикъ, въ виду опасности потерять то, что не одинаково съ послѣднимъ называется, но одинаково съ нимъ цѣнить? Вѣдь оба они, еслибы угрожающая этимъ благамъ или выгодамъ

опасность понуждала ихъ къ безчестному или злодѣйскому поступку, такъ что иначе они не могли бы сохранить ихъ за собою, — оба они конечно сказали бы, что предпочитаютъ скорѣе лишиться того, что служить къ поддержанію природы тѣла въ цѣлости и здоровьи, нежели совершить такое, что было бы нарушеніемъ справедливости. Такимъ образомъ умъ, въ которомъ твердо держится подобное понятіе, не допускаетъ никакимъ волненіямъ, хотя бы они и возникали въ низшихъ частяхъ души, имѣть надъ собою преобладающую силу вопреки разуму; напротивъ того онъ самъ господствуетъ надъ ними, и своимъ несочувствіемъ, а еще болѣе сопротивленіемъ имъ устанавливаетъ царство добродѣтели. Такимъ описываетъ Энея и Виргилій, когда говоритъ:

„Слезы напрасныя льются, но умъ остается спокойнымъ“¹⁾.

ГЛАВА V.

О томъ, что страсти, волнующія души христіанъ, не къ пороку влекутъ, а служатъ къ упражненію добродѣтели.

Въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимости подробно и обстоятельно показывать, какъ учить объ этихъ страстяхъ божественное Писаніе, содержащее въ себѣ христіанское ученіе. Умъ оно подчиняетъ управленію и руководству Бога, а страсти ограниченію и обузданію ума, такъ чтобы онѣ обращались на пользу справедливости. За тѣмъ въ примѣненіи ученія къ жизни у насъ вопросъ не о томъ, гнѣвается-ли умъ благочестивый, печалится-ли, страшится-ли, а о томъ, что возбуждаетъ его гнѣвъ, что вызываетъ его печаль, чего онъ страшится. Я не знаю, станетъ-ли кто-нибудь послѣ здраваго размысленія порицать его за то, что онъ гнѣвается

¹⁾ Aeneid. 4.

на грѣшника, чтобы исправить его, печалится о несчастномъ, чтобы помочь ему, страшится за находящагося въ опасности, чтобы онъ не погибъ? Стоики вѣдь порицають обыкновенно и милосердіе; но было бы во много разъ почтеннѣе, если бы вышеупомянутый стоикъ былъ тронутъ милосердіемъ въ человѣку, нуждающемуся въ помощи, нежели поддался страху кораблекрушенія. Гораздо лучше, человѣчнѣе и съ благочестивыми чувствами сообразнѣе высказывается Цицеронъ въ похвалѣ Цезарю, когда говорить: «Изъ твоихъ добродѣтелей удивительнѣе и привлекательнѣе милосердія нѣтъ ни одной» ¹⁾. А что такое милосердіе, какъ не своего рода состраданіе нашего сердца чужому несчастію,—состраданіе, вынуждающее насъ являться съ своею помощью, если то для насъ возможно? Подобное (сердечное) движеніе подчиняется разуму, когда милосердіе проявляется съ сохраненіемъ справедливости,—когда или подается помощь нуждающемуся, или оказывается прощеніе раскаивающемуся. Цицеронъ, этотъ превосходный ораторъ, называетъ его безъ всякаго колебанія добродѣтелью,—между тѣмъ какъ стоики не стыдятся считать порокомъ: хотя (какъ это знаемъ мы изъ книги знаменитѣйшаго стоика Епиктета, написанной въ духѣ началъ Зенона и Хризиппа, извѣстныхъ за представителей стоической школы) и они допускаютъ этого рода страсти въ душѣ мудраго, котораго стараются представить свободнымъ отъ всѣхъ пороковъ. Отсюда слѣдуетъ, что и стоики не считаютъ ихъ пороками, когда онѣ возникаютъ въ мудромъ не располагая его ни къ чему противному умственной доблести и разуму, и что у перипатетиковъ или платониковъ, и у стоиковъ мнѣніе одно и тоже; но, какъ замѣчаетъ Туллій, ²⁾ словопреніе издавна дѣлаетъ грековъ страстными любителями болѣе

¹⁾ Orat. pro Ligario.

²⁾ In 1 de Oratore.

спора, чѣмъ истины. Впрочемъ, это еще не устраняетъ въ проса о томъ, не относится-ли къ несовершенству настоящей жизни то, что мы даже и во всѣхъ добрыхъ своихъ дѣйствіяхъ испытываемъ подобнаго рода душевныя движенія Ангелы святые не испытываютъ, напримѣръ, ни гнѣва, когда наказываютъ тѣхъ, кто подлежитъ наказанію съ ихъ стороны въ силу вѣчнаго божественнаго закона, ни состраданія, когда являются на помощь къ несчастнымъ, ни страха, когда спасаютъ тѣхъ изъ находящихся въ опасности, которыхъ любятъ. Обычное человѣческое слововыраженіе примѣняетъ и къ нимъ названія этихъ страстей; но примѣняетъ ради нѣкотораго сходства въ дѣйствіяхъ, а не съ цѣлю указать на несовершенство ихъ душевныхъ движеній. Такъ и самъ Богъ, хотя по Писанію и гнѣвается, однако не подлежитъ никакой страсти. Ибо подъ гнѣвомъ Его разумѣются карательныя дѣйствія, а не возмущенное душевное состояніе.

ГЛАВА VI.

Какими страстями, по сознанію Апулея, волнуются демоны, которые, какъ онъ утверждаетъ, служатъ для людей представителями предъ богами.

Отложивши пока этотъ вопросъ о святыхъ ангелахъ, посмотримъ, какимъ образомъ демоны, представляющіе собою, по словамъ платониковъ, посредниковъ между богами и людьми, волнуются бурей страстей. Если бы демоны подвергались движеніямъ этого рода такъ, что умъ ихъ оставался бы при этомъ свободнымъ отъ нихъ и господствовалъ надъ ними, Апулей не сказалъ бы, что они «при похожемъ движеніи сердца и колебаніи ума, испытываютъ всѣ страстныя волненія помышленій». Значить, самый умъ ихъ, т. е. высшая часть души, благодаря которой они суть существа разумныя, и въ которой надъ мятежными страстями низ-

шихъ частей души, умѣряя и обуздывая ихъ, господствовали бы добродѣтель и мудрость, если бы онѣ въ нихъ были—самый, говорю, умъ ихъ волнуется, какъ сознается упомянутый платоникъ, бурей страстей. Такимъ образомъ, умъ демоновъ подверженъ страстямъ вожделѣній, страховъ, гнѣва, и прочимъ того же рода. Какая же, спрашивается, часть ихъ природы свободна и обладаетъ мудростію, благодаря которой бы они были угодны богамъ и служили бы для людей примѣромъ добрыхъ нравовъ, если подверженный порокамъ страстей и ими подавленный умъ ихъ все, что только имѣетъ по натурѣ разумнаго, направляетъ ко лжи и обману тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше овладѣвается желаніемъ вредить?

ГЛАВА VII.

О томъ, что, по утверженію платониковъ, поэты обезславили боговъ, приписавши имъ борьбу противоположныхъ склонностей, тогда какъ это—удѣлъ демоновъ, а не боговъ.

Кто нибудь скажетъ, что не изъ числа демоновъ—вообще, а именно изъ числа демоновъ злыхъ, поэты, не далеко уклоняясь отъ истины, вымышляютъ боговъ любящихъ или ненавидящихъ тѣхъ или иныхъ людей; что о нихъ-то и говоритъ Апулей, что они въ колебаніи ума испытываютъ всѣ страстныя волненія помысленій? Но какъ можемъ мы принять подобное толкованіе, когда, говоря это, онъ описывалъ посредническую между богами и людьми роль демоновъ не нѣкоторыхъ, а всѣхъ вообще, благодаря воздушнымъ тѣламъ ихъ? Вѣдь, по его словамъ, вымыселъ поэтовъ состоитъ въ томъ, что они изъ числа этихъ демоновъ дѣлаютъ боговъ, даютъ имъ имена боговъ и по необузданному поэтическому своеволію приставляютъ ихъ, къ кому

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ, КНИГА 9.

хотятъ, въ качествѣ друзей и враговъ; тогда какъ бо представляютъ чуждыми такихъ демонскихъ нравовъ и ихъ мѣстожительству-небу, и по полнотѣ блаженства. Читая, измышленіе поэтовъ въ томъ, что называютъ богами, кто не боги, и представляютъ ихъ подъ именъ боговъ спорящими между собою изъ-за людей, которыхъ боятъ или ненавидятъ по пристрастію. Тѣмъ не менѣе говоритъ, что измышленіе это не далеко отъ истины; тому что назвавъ именами боговъ не боговъ, они описываютъ демоновъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ.—числа такихъ, по его словамъ, была извѣстная гомеровска Минерва, принимавшая участіе въ посредническихъ собраніяхъ грековъ для удержанія Ахиллеса. Что то была Минерва, это, по его мнѣнію, поэтический вымыселъ; потому Минерву онъ считаетъ богиней и отводитъ ей мѣсто между богами (которые на его взглядъ всѣ добры и блаженны) области высшаго эѳира, вдали отъ смертныхъ. Но что кой нибудь изъ демоновъ покровительствовалъ грекамъ, троянамъ вредилъ, а другой, упоминаемый поэтомъ подъ именемъ Венеры или Марса (не дѣлающихъ ничего подобнаго помѣщаемыхъ Апулеемъ въ небесныхъ обителяхъ), оказывалъ помощь троянамъ противъ грековъ, и что эти демоны вступали между собою въ борьбу за тѣхъ, кого любили противъ тѣхъ, кого ненавидятъ,—это, по его сознанію, сказано поэтами близко къ истинѣ. Ибо подобныя вещи говорили они о тѣхъ, которые, какъ выражается онъ, при добромъ человѣческомъ движеніи сердца и колебаніи испытываютъ всѣ страстныя волненія помышленій, такъ могутъ любить и ненавидѣть не въ силу справедливости по пристрастію, какъ похожія на нихъ народныя партіи зрѣлищахъ любятъ и ненавидятъ бойцевъ со звѣрями и возницъ. Очевидно, философъ платоникъ хлопоталъ томъ, чтобы кто нибудь не подумалъ, будто подобныя ве-

когда онѣ воспѣваются поэтами, творятся не демонами - посредниками, а самими богами, имена которыхъ поэты употребляютъ вымысленно.

ГЛАВА VIII.

Определение платоникомъ Апулеемъ небесныхъ боговъ, воздушныхъ демоновъ и земныхъ людей.

Да не достаточно ли обратить вниманіе на самое опредѣленіе, какое онѣ даетъ демонамъ (а опредѣляя онѣ обнимаетъ ихъ конечно всѣхъ), когда говорить, что демоны по роду животныя, по душѣ—подвержены страстямъ, по уму—разумны, по тѣлу—воздушны, по времени—вѣчны? Въ числѣ этихъ пяти признаковъ онѣ не указалъ рѣшительно ни одного, который можно было бы признать общимъ у демоновъ только съ людьми добрыми, но котораго не было бы у злыхъ. Когда же онѣ нѣсколько болѣе подробно очерчиваетъ людей (о нихъ онѣ говоритъ въ своемъ мѣстѣ, какъ о существахъ низшихъ и земныхъ, послѣ того, какъ говорилъ о богахъ небесныхъ, чтобы, описавши эти два крайніе класса, высшій и низшій, въ третьемъ мѣстѣ сказать о существахъ среднихъ, о демонахъ), онѣ говоритъ: «Итакъ землю населяютъ люди, одаренные разумомъ, обладающіе даромъ слова, безсмертны по душѣ, со смертными членами, съ умомъ легкимъ и безпокойнымъ, съ тѣлами грубыми и тѣжными, съ нравами различными, съ заблужденіями одинаковыми, съ упорною смѣлостію, съ упрямою надеждою, съ трудомъ бесполезнымъ, съ счастіемъ измѣнчивымъ, смертные по-одиночкѣ, но въ цѣломъ родѣ постоянно пребывающіе, преименно измѣняющіеся въ новыхъ и новыхъ поколѣніяхъ, вѣкъ ихъ скоротеченъ, мудрость тупа, смерть быстра, жизнь возбуждаетъ сожалѣнія». —Сказавши здѣсь много такого, что относится къ наибольшей части людей,

развѣ умолчалъ онъ и о томъ, что, какъ ему было извѣстно, принадлежить немногимъ,—о тупой мудрости? Умолчи онъ объ этомъ, онъ не очертилъ бы въ этомъ описаніи человѣческій родъ съ такою замѣчательною обстоятельностью. А когда изображалъ онъ превосходство боговъ, то утверждалъ, что выше всего въ нихъ блаженство, котораго люди ищутъ достигнуть мудростию. Такимъ образомъ, если бы Апулей хотѣлъ представлять нѣкоторыхъ демоновъ добрыми, онъ при описаніи ихъ выставилъ бы на видъ что либо такое, почему можно бы было думать, что у нихъ есть или нѣкоторая доля блаженства, общая съ богами, или какая нибудь мудрость общая съ людьми. Между тѣмъ онъ не упомянулъ о нихъ ничего такого добраго, чѣмъ добрые отличаются отъ злыхъ. Хотя онъ и воздержался отъ болѣе смѣлаго описанія ихъ злобы, изъ опасенія оскорбить не столько ихъ самихъ, сколько ихъ чтителей, среди которыхъ писалъ; однако людямъ здравомыслящимъ далъ понять, какъ они должны думать о демонахъ: потому что боговъ, которыхъ считалъ всѣхъ добрыми и блаженными, онъ представилъ рѣшительно чуждыми ихъ страстей и, какъ выражается, «бурь» ихъ; сопоставилъ же ихъ съ богами только по вѣчности тѣлъ; а по душѣ весьма ясно выставилъ похожими не на боговъ, а на людей,—похожими притомъ не благомъ мудрости, обладателями котораго могутъ быть и люди, а волненіемъ страстей, которыя господствуютъ надъ глупыми и злыми, но которыя мудрыми и добрыми обуздываются такъ, что они скорѣе предпочитаютъ не имѣть страстей вовсе, чѣмъ побѣждать ихъ. Ибо если бы онъ хотѣлъ показать, что демонамъ наравнѣ съ богами принадлежитъ вѣчность не по тѣлу, а по душѣ, онъ не отделилъ бы конечно отъ соучастія въ этомъ и людей, потому что и душа людей вѣчна, какъ думаетъ это безъ сомнѣнія и платоникъ. На этомъ, разумѣется, основаніи, описывая людей, онъ ска-

залъ, что люди безсмертны по душѣ, со смертными членами. Такимъ образомъ если люди не имѣютъ общей съ богами вѣчности потому, что по тѣлу смертны: то и демоны потому ее имѣютъ, что по тѣлу безсмертны.

ГЛАВА IX.

Можетъ-ли посредничество демоновъ снискать человеку благоволеніе небесныхъ боговъ.

Итакъ, что-же это за посредники между людьми и богами,—посредники, при помощи которыхъ люди должны снискивать себѣ благоволеніе боговъ,—когда они вмѣстѣ съ людьми имѣютъ худшимъ то, что въ животныхъ есть лучшее, т. е. душу, а вмѣстѣ съ богами лучшимъ то, что въ животныхъ составляетъ худшее, т. е. тѣло? Вѣдь если животное, т. е. существо одушевленное, состоитъ изъ тѣла и души, а изъ этихъ двухъ душа во всякомъ случаѣ лучше тѣла; если душа даже порочная и слабая лучше тѣла самаго здороваго и крѣпкаго, потому что превосходнѣйшая природа души отъ грязи пороковъ не становится ниже тѣла, подобно тому какъ и запачканное золото цѣнится дороже, чѣмъ самое чистое серебро или свинецъ: то эти посредники между богами и людьми, при помощи которыхъ человѣческое соединяется съ божественнымъ, оказываются съ богами раздѣляющими вѣчное тѣло, а съ людьми порочную душу; какъ будто религія, которая должна по ихъ представленіямъ соединять людей съ богами чрезъ посредство демоновъ, заключается въ тѣлѣ, а не есть дѣло души! Да наконецъ, вслѣдствіе какаго же непотребства, или въ наказаніе за что, эти лживые и обманчивые посредники висятъ, такъ свазать, головою внизъ, такъ что низшую часть животного, т. е. тѣло, раздѣляютъ съ высшими себя, а высшую часть, т. е. душу, съ низшими,—съ небесными богами соединены

частію рабствующею, а частію господствующею раздѣляютъ бѣдствія съ земными людьми? Ибо тѣло—рабъ, какъ говоритъ и Саллюстій: «Повелѣвающее въ насъ душа, подчиняющееся же тѣло ¹⁾». Саллюстій прибавляетъ къ этому: «Одно у насъ обще съ богами, а другое съ безсловесными животными»; но прибавляетъ потому, что говорить о людяхъ, которые, подобно безсловеснымъ животнымъ, имѣютъ тѣло. Демоны же, которыхъ философы поставили между людьми и богами въ качествѣ посредниковъ, хотя и могутъ сказать о душѣ и тѣлѣ: «Одно у насъ обще съ богами, а другое съ людьми»; но будучи, какъ выразился я, какъ бы перевернутыми и повѣшенными головою внизъ, съ блаженными богами раздѣляютъ рабствующее тѣло, а съ злополучными людьми—господствующій духъ,—въ низшей части возвеличены, а въ высшей уничижены. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь и подумалъ, что они раздѣляютъ съ богами вѣчность, потому что никакая смерть не разлучаетъ ихъ души съ тѣлами, подобно земнымъ животнымъ,—на тѣло ихъ во всякомъ случаѣ нужно смотрѣть не какъ на вѣчную колесницу увѣнчанныхъ властію и честію, а какъ на вѣчную темницу осужденныхъ.

ГЛАВА X.

О томъ, что, по мнѣнію Платина, люди менѣе несчастны въ смертномъ тѣлѣ, чѣмъ демоны въ тѣлѣ безсмертномъ.

Плотинъ пользуется извѣстностію, какъ лучше другихъ, по крайней мѣрѣ во времена ближайшія къ намъ, понявшій Платона. Разсуждая о человѣческихъ душахъ, онъ говоритъ: «Милосердый Отецъ сотворилъ для нихъ смертныя узы». Такимъ образомъ въ томъ, что люди по тѣлу смертны, Плотинъ видитъ милосердіе Бога отца, не захотѣвшаго, чтобы люди вѣчно оставались въ бѣдственныхъ условіяхъ насто-

¹⁾ *Sall. in Catil.*

ящей жизни. Такого милосердія не удостоено злочестіе демоновъ: при несчастіи имѣть душу, подверженную страстямъ, они получили тѣло не смертное, какъ люди, а вѣчное. Они были бы счастливѣе людей, если бы съ людьми раздѣляли смертное тѣло, а съ богами блаженный духъ. Могли бы они быть такими же, какъ и люди, если бы наравнѣ съ ними удостоились имѣть вмѣстѣ съ злополучною душою и смертное тѣло; но при томъ лишь условіи, еслибы у нихъ была какая нибудь способность къ благочестію, чтобы они по крайней мѣрѣ въ смерти могли находить успокоеніе отъ бѣдствій. Въ настоящемъ же своемъ состояніи они въ сравненіи съ людьми не только не счастливѣе, обладая злополучною душою, но и гораздо несчастнѣе, какъ заключенные въ вѣчныя оковы тѣла. Никакого преусибіянія въ благочестіи и мудрости, которое могло бы обратить демоновъ въ боговъ, Апулей и не допускалъ, какъ скоро яснѣйшимъ образомъ назвалъ ихъ демонами вѣчными.

ГЛАВА ХІ.

О мнѣніи платониковъ, что души людей по смерти тѣлъ становятся демонами.

Апулей говоритъ, правда, что и души людей суть демоны; что люди становятся Ларами, если жили добродѣтельно, — Лемурами или Ларвами, если жили порочно; богами же Манами называются-де тѣ, о которыхъ съ точностію неизвѣстно, были ли они добродѣтельны или порочны. Но кто, если онъ человѣкъ хоть немножко мыслящій, не пойметъ, какая въ этомъ мнѣніи открывается пропасть для нравственнаго развращенія? Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы люди ни были непотребны, но думая, что они по смерти сдѣлаются Ларвами; или по крайней мѣрѣ богами-Манами, они дѣлаются еще тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе въ нихъ желанія вредить; такъ

какъ имъ дается мысль, что послѣ смерти бѣ нимъ будутъ обращаться даже съ нѣкоторыми жертвоприношеніями, въ видѣ культа, чтобы они причиняли вредъ. Ибо, по словамъ его, Ларвы суть демоны вредные, произшедшіе изъ людей. Впрочемъ, это уже другой вопросъ. Но отсюда, по словамъ его, добрые погречески называются *eûdαιμονες*, — добрыми душами, т. е. добрыми демонами. Онъ подтверждаетъ этимъ мнѣніе, что души людей суть демоны.

ГЛАВА XII.

О трехъ противоположностяхъ, которыми, по мнѣнію платониковъ, различается природа демоновъ и людей.

Но въ данномъ случаѣ у насъ идетъ рѣчь о тѣхъ демонахъ, которыхъ, какъ занимающихъ среднее положеніе между богами и людьми, Апулей опредѣляетъ въ ихъ дѣйствительной природѣ, говоря, что они по роду животныя, по уму разумны, по душѣ подвержены страстямъ, по тѣлу воздушны, по времени вѣчны. — Показавъ передъ тѣмъ различіе по мѣсту и достоинству природы между богами, занимающими высочайшее небо, и людьми, населяющими исподнюю землю, онъ въ заключеніе говоритъ: «Такимъ образомъ вы имѣете два рода живыхъ существъ, рѣзко различая боговъ отъ людей высотой мѣста, непрерывнымъ продолженіемъ жизни, совершенствомъ природы, и не допуская между ними никакого сближенія: ибо и жилища высія отъ низшихъ отдѣлены громаднымъ разстояніемъ; и жизнь тамъ вѣчная и непрерывная, а здѣсь скоропреходящая и короткая, и духовныя способности тамъ возвышены до блаженства, а здѣсь унижены до жалкаго состоянія ¹⁾». Въ этихъ словахъ я нахожу три противоположности, отличающія двѣ крайнія

¹⁾ De deo Socrat.

области природы, высшую и низшую. Ибо первоначально указанные три величественныя особенности относительно боговъ онъ потомъ, хотя и другими словами, повторяетъ, чтобы противопоставить имъ другія три противоположныя черты, взятыя отъ людей. Относящіяся къ богамъ три особенности слѣдующія: возвышенность мѣста, непрерывное продолженіе жизни, совершенство природы. При повтореніи же ихъ другими словами онъ противопоставляетъ имъ другія три противоположности человѣческаго состоянія. Онъ говоритъ: «ибо и жилища высшія отъ низшихъ отдѣлены громаднымъ разстояніемъ» (потому что говорилъ о высотѣ мѣста); «и жизнь тамъ вѣчная и непрерывная, а здѣсь скоропреходящая и короткая» (такъ какъ говорилъ о непрерывномъ продолженіи жизни); «и духовныя силы тамъ возвышены до блаженства, а здѣсь унижены до злополучія» (ибо говорилъ о совершенствѣ природы). Итакъ имъ указаны три особенности въ отношеніи къ богамъ: возвышенность мѣста, непрерывное продолженіе жизни, блаженство; и три противоположности въ отношеніи къ людямъ: низменность мѣста, смертность, злополучіе.

ГЛАВА XIII.

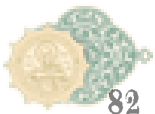
Если демоны не блаженны съ богами, и не злополучны съ людьми; то какимъ образомъ они могутъ занимать средину между богами и людьми, не имѣя съ тѣми и другими общенія.

Изъ этихъ трехъ особенностей, характеризующихъ боговъ и людей, относительно мѣста въ примѣненіи къ демонамъ не можетъ быть никакого спора, такъ какъ Апулей представляетъ ихъ занимающими средину. Между самымъ высшимъ и низшимъ вполнѣ естественно предполагается мѣсто среднее. Большаго вниманія требуютъ остальные двѣ,

относительно которыхъ нужно показать, какимъ образомъ онѣ могутъ быть или чужды демонамъ, или усвоены ими, но усвоены въ такой мѣрѣ, чтобы среднее положеніе демоновъ казалось при этомъ не нарушеннымъ. Чуждыми демонамъ онѣ быть не могутъ. Если демоны суть животныя разумныя, то сказать объ нихъ,—какъ говоримъ о среднемъ мѣстѣ, что оно не есть ни высшее, ни низшее,—сказать, что они ни блаженны, ни злополучны, подобно деревьямъ или животнымъ лишеннымъ смысла и разума, мы не можемъ. Существа, уму которыхъ присущъ разумъ, необходимо должны быть или блаженными, или злополучными. Также точно не можемъ мы сказать и того, что демоны ни смертны, ни бессмертны. Все живущее или живетъ вѣчно, или заканчиваетъ свою жизнь смертію. Самъ Апулей называлъ демоновъ «по времени вѣчными». Итакъ остается допустить, что эти среднія существа имѣютъ одну черту изъ двухъ высшихъ и одну изъ двухъ низшихъ. Ибо если они будутъ имѣть обѣ низшія, или обѣ высшія, они средними не будутъ, но или примкнутъ къ высшимъ существамъ, или низпадутъ въ разрядъ низшихъ. Дѣйствительно, если обѣ эти особенности, какъ показано, не могутъ быть демонамъ чуждыми: то средними существами демоны останутся въ томъ лишь случаѣ, если отъ высшей и низшей стороны будутъ имѣть по одной. Но такъ какъ отъ низшей стороны они не могутъ имѣть вѣчности, которой здѣсь нѣтъ: то эту особенность они имѣютъ отъ стороны высшей; а чтобы положеніе ихъ было дѣйствительно среднимъ, другая особенность, которую они должны имѣть отъ низшей стороны, есть не что иное, какъ злополучіе.

Итакъ, и по мнѣнію платониковъ, высшимъ существамъ, богамъ, принадлежитъ или блаженная вѣчность, или вѣчное блаженство; низшимъ, людямъ, или злополучная смертность, или смертное злополучіе; среднимъ, демонамъ, или зло

получная вѣчность, или вѣчное злополучіе. А тѣ пять признаковъ, которые Апулей соединяетъ въ опредѣленіи демоновъ, не представляютъ ихъ, какъ общалъ онъ, существами средними: три изъ этихъ признаковъ, говоритъ онъ, принадлежать имъ наравнѣ съ нами, именно—что демоны суть существа по роду животныя, по уму разумныя, по душѣ подвержены страстямъ; одинъ принадлежитъ имъ наравнѣ съ богами, тотъ—что они по времени вѣчны; и одинъ ихъ собственный, именно—что они по тѣлу воздушны. Какимъ же образомъ они—существа среднія, когда съ высшими раздѣляютъ одинъ признакъ, а съ низшими три? Кому не видно, насколько они, оставивъ среднее положеніе, склоняются и низпадаютъ къ низшимъ? Можно, впрочемъ, и при этихъ признакахъ представлять ихъ существами средними, такимъ именно образомъ: изъ пяти, указанныхъ Апулеемъ, признаковъ одинъ, т. е. воздушное тѣло, принадлежитъ имъ какъ ихъ отличительный (подобно тому какъ высшія существа, боги, и низшія, люди, имѣютъ въ свою очередь по одному отличительному, боги—эфирное тѣло, люди—тѣло земное); два же общи у нихъ съ остальными, именно—что они существа по роду животныя, а по уму разумныя. Ибо и самъ Апулей, говоря о богахъ и людяхъ, замѣчаетъ: «вы имѣете такимъ образомъ два рода животныхъ». А за тѣмъ они представляютъ боговъ обыкновенно не иначе, какъ существами разумными. Остальные же два признака, именно—что демоны суть существа по душѣ подверженныя страстямъ, а по времени вѣчныя,—изъ которыхъ одинъ они раздѣляютъ съ существами низшими, а другой—съ высшими,—даютъ имъ среднее положеніе, уравновѣшивая его такъ, что оно не поднимается до высшаго и не спадаетъ въ низшее. А это и есть злополучная вѣчность, или вѣчное злополучіе демоновъ. Ибо кто говоритъ, что демоны—существа «по душѣ подверженныя страстямъ», тотъ сказалъ бы, что они и существа «злопо-

лучныя», если бы не боялся ихъ читателей. Съ другой стороны, поелику (какъ признають это и они сами) міръ управляется провидѣніемъ высшаго Бога, а не слѣпою случайностію, то злополучіе демоновъ никогда не было бы вѣчнымъ, если бы не была велика ихъ злоба.

Итакъ, если блаженные правильно называются *eudaimones*, то демоны, которыхъ они помѣщаютъ въ срединѣ между людьми и богами, не суть *eudaimones*. Какое же мѣсто принадлежитъ добрымъ демонамъ, которые, будучи выше людей и ниже боговъ, первымъ бы помогали, а послѣднимъ служили? Въдѣ если они добры и вѣчны, они конечно и блаженны. А вѣчное блаженство не допускаетъ ихъ быть существами средними, потому что слишкомъ уравниваетъ ихъ съ богами и слишкомъ отдѣляетъ отъ людей. Отсюда если добрые демоны бессмертны и блаженны, то усилія ихъ доказать, что они могутъ быть существами средними между бессмертными и блаженными богами и смертными и злополучными людьми, напрасны. Ибо если и то и другое, т. е. блаженство и бессмертіе, они раздѣляютъ съ богами и ничего подобнаго—съ смертными и злополучными людьми, то не скорѣе ли они отдаляются отъ людей и сближаются съ богами, чѣмъ остаются средними между тѣми и другими? Средними существами они были бы въ томъ случаѣ, если бы имѣли, какъ свои собственные, два такихъ признака, которые были бы не оба признаками боговъ, либо людей, а одинъ—признакомъ боговъ, другой признакомъ людей; подобно тому, какъ человѣкъ есть нѣчто среднее между животными и ангелами, именно: такъ какъ животное есть существо неразумное и смертное, а ангелъ—разумное и бессмертное, то человѣкъ есть существо среднее, низшее въ сравненіи съ ангелами и высшее въ сравненіи съ животными, раздѣляющее съ животными смертность, а съ ангелами разумъ, т. е. представляющее собою существо разумно-смертное.

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

Итакъ, если мы ищемъ существо между безсмертно-блаженными и смертно-злополучными среднее, то должны искать такое, которое было бы или смертно-блаженнымъ, или безсмертно злополучнымъ.

ГЛАВА XIV.

Могутъ-ли быть люди, какъ существа смертныя, истинно блаженными.

Но можетъ ли человѣкъ быть и блаженнымъ и смертнымъ—вопросъ между людьми весьма спорный. Одни смотрѣли на настоящее свое положеніе болѣе униженно и не допускали, чтобы человѣкъ могъ быть способнымъ къ блаженству, пока живетъ въ условіяхъ смертной жизни. Другіе напротивъ превозносили себя, и осмѣливались утверждать, что смертные, обладая мудростію, могутъ быть блаженными. Если бы это было такъ, то почему не они скорѣе всего суть существа посредствующія между смертными злополучными и безсмертными блаженными, такъ какъ раздѣляютъ съ безсмертными блаженными блаженство, а съ смертными злополучными—смертность? Вѣдь если они блаженны, то конечно не завидуютъ никому (ибо что злополучнѣе зависти?), и насколько могутъ, содѣйствуютъ смертнымъ злополучнымъ въ приобрѣтеніи блаженства, дабы послѣдніе по смерти могли быть безсмертными и соединиться съ безсмертными и блаженными ангелами.

ГЛАВА XV.

О Посредникѣ между Богомъ и людьми, человекъ Христъ Иисусъ.

Если же люди, доколѣ они смертны, необходимо и злополучны, что гораздо вѣроятнѣе и правдоподобнѣе: то

нужно искать такого посредника, который былъ бы не только человѣкомъ, но и Богомъ, чтобы блаженная смертность этого посредника могла возвести людей изъ смертнаго злополучія къ блаженному безсмертію. Онъ долженъ былъ и сдѣлаться смертнымъ, и въ тоже время остаться не смертнымъ. И Онъ сдѣлался смертнымъ не потому, чтобы божество Слова лишилось силы, а потому, что принялъ на Себя слабость плоти; но и во плоти Онъ не остался смертнымъ, а воскресилъ ее отъ мертвыхъ: потому что посредничество Его тѣ именно и принесло плоды, что сами смертные, ради освобожденія которыхъ Онъ сдѣлался посредникомъ, не остались въ постоянной смерти, хотя и облечены плотію. Для того посреднику между нами и Богомъ и надлежало имѣть преходящую смертность и пребывающее блаженство, чтобы чрезъ преходящее уподобиться подлежащимъ смерти, а чрезъ пребывающее возвести отъ мертвыхъ. Поэтому добрые ангелы не могутъ быть существами, занимающими средину между злополучными смертными и блаженными безсмертными: потому что сами они и блаженны и безсмертны; но могутъ быть такими ангелы злые, такъ какъ они безсмертны съ блаженными и злополучны съ смертными. Противоположность имъ составляетъ благой Посредникъ, который, въ отличіе отъ ихъ безсмертія и злополучія, благоволилъ быть на время смертнымъ и въ ту же пору остался вѣчно блаженнымъ, и такимъ образомъ уничтоженіемъ своей смерти и благостію своего блаженства ниспровергъ этихъ безсмертно-гордыхъ и злополучно-вредныхъ духовъ, чтобъ они тщеславіемъ безсмертія не прельщали къ злополучію, -- ниспровергъ въ тѣхъ, сердца воихъ освободилъ отъ ихъ нечистѣйшаго господства, очистивъ вѣрою въ Себя.

Итакъ, какое же средство долженъ избрать смертный и злополучный, поставленный вдали отъ безсмертныхъ и блаженныхъ, чтобы достигнуть безсмертія и блаженства?

То, что могло бы привлекать его въ безсмертіи демоновъ, бѣдственно; а что могло бы оскорблять въ смертности Христа, того болѣе не существуетъ. Тамъ предметъ опасенія составляетъ вѣчное злополучіе; здѣсь смерть не внушаетъ страха, потому что не могла остаться вѣчною, а заставляетъ любить себя вѣчное блаженство. Посредникъ безсмертный и злополучный является посредникомъ для того, чтобы преградить доступъ къ блаженному безсмертію, такъ какъ препятствующее этому, т. е. злополучіе, остается постоянно; Посредникъ же смертный и блаженный для того и предложилъ себя, чтобы, раздѣливъ смерть, сдѣлать изъ мертвыхъ безсмертныхъ: что доказалъ Онъ на Себѣ своимъ воскресеніемъ, и изъ злополучныхъ—блаженныхъ: ибо блаженнымъ не переставалъ быть никогда. Такимъ образомъ одинъ посредникъ—злой посредникъ, раздѣляющій друзей; другой—Посредникъ благой, примиряющій враговъ. Поэтому же посредниковъ-раздѣлителей много. Ибо блаженное множество дѣлается блаженнымъ чрезъ общеніе съ единымъ Богомъ; лишенное же этого общенія и вслѣдствіе того злополучное множество злыхъ демоновъ, скорѣе препятствующее, чѣмъ помогающее своимъ посредствомъ достиженію блаженства, такъ сказать уже самымъ множествомъ своимъ заграждаетъ себѣ путь къ достиженію единого, дающаго счастье, блага. Чтобы достигнуть этого блага, намъ нуженъ былъ одинъ Посредникъ, а не многіе, и именно Тотъ, чрезъ общеніе съ которымъ мы блаженны, т. е. несотворенное Слово, коимъ сотворено все. Впрочемъ, Онъ—посредникъ не потому, что—Слово: ибо безусловно безсмертное и блаженное Слово безконечно отдалено отъ смертныхъ злополучныхъ; а потому, Онъ Посредникъ, что—человѣкъ. Этимъ самымъ Онъ показалъ, что для достиженія онаго не только блаженного, но и дѣлающаго блаженнымъ, блага мы не должны искать иныхъ посредниковъ, которые бы могли облегчить намъ путь къ

нему; ибо блаженный и подающій блаженство Богъ, сдѣлавшись причастнымъ нашего человѣчества, указалъ намъ путь кратчайшій для приобщенія къ Его божеству. Освобождавая насъ отъ смертности и злополучія, Онъ приводитъ насъ не къ безсмертнымъ и блаженнымъ ангеламъ, дабы чрезъ общеніе съ ними и мы были блаженны и безсмертны, но къ Оной Троицѣ, чрезъ общеніе съ Которою блаженны и сами ангелы. Такимъ образомъ, благоволивши быть въ образѣ раба (Филип. II, 7), умаленнымъ отъ ангелъ (Пс. VIII. 6. Евр. II. 7), Онъ въ образѣ Божіи пребылъ выше ангеловъ, и сталъ путемъ жизни въ преисподней, будучи жизнію для небесъ.

ГЛАВА XVI.

Основательно-ли сказано платониками, будто небесные боги, устраниаясь отъ заразы земной, не входятъ въ общеніе съ людьми, которые снискиваютъ благосклонность боговъ при помощи демоновъ.

Итакъ не вѣрно то, что, по словамъ Апулея, сказалъ Платонъ, будто «ни одинъ богъ не входитъ въ общеніе съ человѣкомъ»¹⁾. Въ томъ, говоритъ онъ, и проявляется главнымъ образомъ ихъ величіе, что они не оскверняются никакимъ соприкосновеніемъ съ людьми. Значитъ онъ признаетъ, что демоны оскверняются; слѣдовательно они не могутъ и очищать тѣхъ, отъ которыхъ оскверняются; а потому одинаково нечисты все: демоны отъ соприкосновенія съ людьми, а люди отъ почитанія демоновъ. Или, если демоны могутъ входить съ людьми въ соприкосновеніе и сношеніе, и въ тоже время не оскверняться; то они лучше боговъ: потому что послѣдніе, если входятъ въ сношеніе съ людьми, оскверняются.

¹⁾ Apuleus, de deo Socratis.

Да въ томъ, говорятъ они, и преимущество боговъ, что никакое соприкосновеніе съ людьми не можетъ осквернять ихъ, какъ поставленныхъ слишкомъ высоко отъ людей. Но самъ же Апулей утверждаетъ, что, по изображенію Платона, высочайшій Богъ, творецъ всего, коего мы называемъ истиннымъ Богомъ, есть тотъ «единый, который не можетъ быть обнять бѣднымъ человѣческимъ словомъ, какъ бы оно ни было краснорѣчиво, даже отчасти; что понятіе объ этомъ Богѣ едва проблескиваетъ, и то лишь по временамъ, для мужей мудрыхъ, когда они силою духа, насколько то возможно, отвлекаются отъ тѣла, — проблескиваетъ подобно блѣдному свѣту, на мгновеніе мерцающему въ глубочайшемъ мракѣ». Если же высочайшій Богъ, по истинѣ высшій всего, хотя и по временамъ только, хотя подобно лишь блѣдному свѣту, на мгновеніе мерцающему въ глубочайшемъ мракѣ, но являетъ нѣкоторое присутствіе свое въ умахъ мудрыхъ, когда они, насколько возможно, отвлекаются отъ тѣла, и при этомъ можетъ не оскверняться: то какимъ же образомъ тѣ боги удалены въ болѣе возвышенное мѣсто якобы съ цѣлю, чтобы соприкосновеніе съ людьми ихъ не оскверняло? Какъ будто тѣ эфирныя тѣла, свѣтомъ которыхъ земля освѣщается настолько, насколько это нужно, суть нѣчто такое, на что нельзя смотрѣть! Если же небесныя свѣтила, которыя всѣ (у Апулея) называются видимыми богами, не оскверняются, когда смотрятъ на нихъ; то не оскверняются и демоны, хотя бы смотрѣли на нихъ изблизи. Но можетъ быть, не оскверняясь отъ зора человѣческихъ глазъ, боги оскверняются отъ звука человѣческаго голоса; и вслѣдствіе того имѣютъ посредниками демоновъ, которые имъ, поставленнымъ вдали отъ людей, дѣлаютъ эти звуки извѣстными, чтобы сами они оставались чуждыми всякой свѣрны? А что сказать объ остальныхъ чувствахъ? Какъ демоны не могутъ оскверняться обоняніемъ,

когда присутствуютъ при испареніяхъ живыхъ человѣческихъ тѣлъ, такъ не могли бы оскверняться и самые боги, если бы при этомъ присутствовали, какъ скоро не оскверняются трупною гарью жертвенныхъ животныхъ. Въ чувствѣ вкуса они не имѣютъ никакой нужды, будучи свободны отъ той необходимости, которой подлежитъ нуждающаяся въ подкрѣпленіи смертность, такъ что голодъ не вынудить ихъ потребовать отъ людей пищи. Осязаніе, положимъ, зависить отъ доброй воли. Но хотя упомянутое соприкосновеніе ближе всего относится къ этому именно чувству, однако, если бы боги захотѣли войти въ сношеніе съ людьми, могли бы входить лишь настолько, чтобы видѣть и быть видимыми, слышать и быть слышимыми. А зачѣмъ бы непременно чрезъ осязаніе? Да и люди не осмѣлились бы пожелать этого, если бы наслаждались созерцаніемъ и бесѣдою боговъ или добрыхъ демоновъ. Да если бы ихъ и взяло такое любопытство, что они захотѣли бы осязать; то какимъ образомъ могъ бы кто нибудь осязать бога, или демона, вопреки ихъ волѣ, когда и воробья можетъ осязать только пойманнаго?

Итакъ боги могли бы входить въ сношеніе съ людьми тѣлеснымъ образомъ, видя ихъ и въ свою очередь предоставляя себя видѣть имъ, разговаривая съ ними и выслушивая ихъ. Но если, какъ я сказалъ, демоны входятъ подобнымъ образомъ въ сношеніе съ людьми и не оскверняются; а боги если входятъ, оскверняются: то демоновъ представляютъ они не подлежащими оскверненію, а боговъ подлежащими. Если же оскверняются и демоны; то что полезнаго для посмертной блаженной жизни могутъ они сдѣлать людямъ, которыхъ оскверненные сами они не въ состояніи очистить, чтобы, какъ чистыхъ, могли соединить съ чуждыми скверны богами, между которыми и людьми они суть посредники? А если они не въ состояніи оказать людямъ этого благодѣянія; то какая людямъ польза въ ихъ дружественномъ по-

средни́чествѣ? Развѣ допустить, что люди по смерти не переходятъ при помощи демоновъ къ богамъ, а живутъ съ демонами вмѣстѣ, оставаясь одинаково оскверненными, и вслѣдствіе того одинаково лишенными блаженства? Или, быть можетъ, кто нибудь скажетъ, что демоны очищаютъ своихъ друзей на подобіе губки или чего нибудь въ этомъ родѣ, такъ что сами дѣлаются тѣмъ грязнѣе, чѣмъ чище какъ бы отъ тренія ихъ становятся люди? Если такъ, то боги, избѣгая близости и соприкосновенія съ людьми, чтобы не оскверниться, входятъ въ сношеніе съ еще болѣе оскверненными демонами. Или боги оскверненныхъ отъ людей демоновъ могутъ очищать и при этомъ не оскверняться, а очищать подобнымъ же образомъ людей и не оскверняться ими не могутъ? Но думать такъ можетъ развѣ тотъ, кто самъ попалъ въ сѣти лживѣйшихъ демоновъ. Затѣмъ, если быть видимымъ и видѣть значитъ подлежать оскверненію: то почему люди видятъ тѣхъ боговъ, которыхъ Апулей называетъ видимыми, т. е. свѣтлѣйшія планеты міра и прочія свѣтила; а демоны, видѣть которыхъ, если они не захотятъ того сами, люди не могутъ, остаются въ большей безопасности отъ этого оскверненія со стороны людей? Если же оскверненіе не въ томъ, чтобы быть видимымъ, а въ томъ, чтобы видѣть; въ такомъ случаѣ считающіе за боговъ свѣтлѣйшія планеты міра должны утверждать, что эти свѣтила не видятъ людей, хотя простираютъ свои лучи до самой земли. Но во всякомъ случаѣ, лучи ихъ, чрезъ какую бы нечистую среду ни приходили, не оскверняются, а боги, если бы вошли въ сношеніе съ людьми, осквернились бы, хотя бы соприкосновеніе оказалось необходимымъ для поданія помощи! Соприкасается же вѣдь земля съ лучами солнца и луны, и свѣта ихъ не оскверняетъ?

ГЛАВА XVII.

Для приобрѣтенія блаженной жизни, состоящей въ общеніи съ высшимъ благомъ, человеку нуженъ не такой посредникъ, какъ демонъ, а такой, каковъ единственн Христосъ.

Удивляюсь, впрочемъ, какъ такіе ученые люди, и мнѣнію которыхъ все тѣлесное и чувственное должно бытъ поставлено ниже въ сравненіи съ безтѣлеснымъ и идеальнымъ, толкуютъ о тѣлесныхъ соприкосновеніяхъ, когда говорятъ о блаженной жизни. Какъ помирить это съ извѣстными словами Плотина: «Нужно бѣжать въ возлюбленнѣйшее отечество, гдѣ отецъ и гдѣ все? Какого же рода, представляетъ онъ, корабль, или путь туда?—Нужно быть подобнымъ Богу».—Итакъ, если каждый тѣмъ ближе становится къ Богу, чѣмъ болѣе дѣлается подобнымъ Ему; то отдаленіе отъ Него есть не что иное, какъ несходство съ Нимъ. Не похожею же на безтѣлесное, вѣчное и блаженное душа человѣческая дѣлается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе пристращается къ временнымъ и преходящимъ вещамъ. Чтобы исцѣлиться отъ этого, намъ нуженъ посредникъ: потому что присущей высочайшему безсмертной чистотѣ не можетъ соответствовать смертное и нечистое, присущее низшему. Но посредникъ нуженъ не такой, который хотя тѣло имѣлъ бы и безсмертное и близкое къ высшимъ существамъ, но имѣлъ бы духъ больной, подобный существамъ низшимъ:—эта болѣзненность побудила бы его скорѣе позавидовать нашему исцѣленію, чѣмъ помочь нашему выздоровленію. Нуженъ посредникъ такой, который, приобщившись намъ смертною тѣла, по безсмертной праведности духа, устраняющей въ отношеніи къ высочайшему значеніе разстоянія мѣсть и придающей только значеніе превосходству подобія, подалъ бы намъ для очищенія и освобожденія по истинѣ божественную помощь.

Какъ неизмѣняемому Богу, Ему во всякомъ случаѣ нечего было бояться оскверненія со стороны человѣка, въ котораго Онъ облечся, или со стороны людей, между которыми Онъ обращался какъ человѣкъ. Не малую въ тоже время важность имѣетъ и то, что своимъ воплощеніемъ Онъ далъ спасительное доказательство, съ одной стороны—что истинное божество не можетъ оскверняться плотію, съ другой—что демоны не должны быть считаемы лучше насъ отъ того, что не имѣютъ плоти. Мы говоримъ о Томъ, о Комъ проповѣдуетъ свящ. Писаніе, говоря: *Ходатай Бога и человековъ, человекъ Христосъ Іисусъ* (1 Тимоѳ. II, 5). Но какъ о Его божествѣ, которымъ Онъ всегда равенъ Отцу, такъ и о Его человѣчествѣ, которымъ Онъ сдѣлался намъ подобнымъ, говорить обстоятельно, насколько позволяютъ намъ наши силы, теперь не у мѣста.

ГЛАВА XVIII.

О томъ, что, предлагая свое посредничество какъ путь къ Богу, лживые демоны стараются только отератить людей отъ пути истины.

Тѣ же ложные и лживые посредники-демоны, которые, благодаря нечистотѣ духовной, множествомъ дѣйствій своихъ проявляютъ свое жалкое состояніе и злобу, но которые въ тоже время, благодаря разстояніямъ тѣлесныхъ мѣстъ и легкости воздушныхъ тѣлъ, стараются отвращать и отклонять насъ отъ духовнаго усовершенствованія,—тѣ посредники не указываютъ намъ пути къ Богу, а напротивъ препятствуютъ вступить на этотъ путь. На самомъ этомъ пути,—пути въ высшей степени ложномъ и исполненномъ заблужденія, котораго не признаетъ путемъ справедливость: потому что къ Богу мы восходимъ не чрезъ тѣлесное возвышеніе, а чрезъ духовное, т. е. чрезъ безтѣлесное уподобленіе Ему,—

на самомъ этомъ тѣлесномъ пути, который друзья демоновъ пролагають чрезъ стихійныя сферы, ставя демоновъ посредствующими между эфирными богами и земными людьми, боги представляются имѣющими ту особенность, что не оскверняются соприкосновеніемъ съ людьми благодаря лишь пространственному разстоянію. Такимъ образомъ выходитъ, что скорѣе демоны оскверняются отъ людей, чѣмъ люди очищаются демонами, и что люди могли бы осквернить самихъ боговъ, если бы не защищала ихъ высота мѣста! Кто же будетъ до такой степени несчастенъ, что станетъ ожидать очищенія для себя на такомъ пути, гдѣ люди представляются оскверняющими, демоны оскверняемыми, боги способными къ оскверненію; а не изберетъ скорѣе такого пути, гдѣ не встрѣчались бы оскверняющіе демоны и гдѣ бы люди очищались отъ скверны не подлежащимъ сквернѣ Богомъ для вступленія въ общество нескверныхъ аягеловъ?

ГЛАВА XIX.

О томъ, что наименованіе демоновъ и у самыхъ читателей ихъ не принимается въ смыслъ чего-либо добраго.

Такъ какъ нѣкоторые изъ демонопочитателей, какъ выразился бы я, къ числу коихъ принадлежитъ и Лабсонъ, утверждаютъ, будто иные называютъ ангелами тѣхъ, кого они называютъ демонами; то, чтобы не показалось, что мы споримъ изъ-за словъ, я нахожу нужнымъ сказать кое что о добрыхъ ангелахъ, которыхъ они не отрицаютъ, но предпочитаютъ называть добрыми демонами, а не ангелами. Мы, слѣдуя Писанію, соображаясь съ которымъ дѣлаемся христіанами, признаемъ ангеловъ частию добрыхъ, частию злыхъ, но добрыхъ демоновъ не признаемъ вовсе. Гдѣ бы въ этихъ книгахъ ни находили мы имя демоновъ, оно означаетъ только злыхъ духовъ. И такое значеніе слова до такой степени

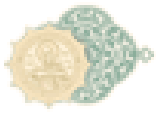

распространено между народами, что даже и изъ тѣхъ, которые называются язычниками и которые чтутъ многихъ боговъ и демоновъ, едвали кто нибудь, какъ бы ни былъ образованъ и ученъ, позволить себѣ сказать въ похвалу даже слугѣ: «ты имѣешь демона»; всякій, кому бы захотѣлъ онъ сказать это, не иначе приметъ его слова, какъ за брань. Эта-то причина и заставляетъ насъ, послѣ оскорбленія слуха столь многихъ, даже почти всѣхъ, привыкшихъ принимать это слово не иначе, какъ въ худую сторону, войти въ разсмотрѣніе сказаннаго предмета, потому что, присоединивъ имя ангеловъ, мы можемъ загладить то оскорбленіе, которое могло быть причиняемо названіемъ демоновъ.

ГЛАВА XX.

О свойствѣ знанія, которое дѣлаетъ демоновъ гордыми.

Впрочемъ, происхожденіе этого имени, если мы обратимся къ божественнымъ книгамъ, представляетъ собою нѣчто весьма достойное изученія. Они называются *δαίμονες*, словомъ греческимъ, и названы такъ отъ знанія. А просвѣщенный Духомъ Святымъ апостолъ говоритъ: знаніе *кичитъ*, а любви *созидаетъ* (1 Коринѣ. VIII, 1). Слова эти нужно понимать не иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что знаніе полезно лишь тогда, когда есть любовь; безъ любви же оно кичитъ, т. е. приводитъ къ гордости безмѣрно напыщенной. Такимъ образомъ, демоны имѣютъ знаніе безъ любви; и потому-то они такъ кичливы, т. е. горды, что старались присвоить себѣ божескія почести и религиозное служеніе, личныя, какъ извѣстно имъ, только истинному Богу, и дѣлаютъ это доселѣ, насколько могутъ и гдѣ могутъ. Какую за тѣмъ силу надъ гордостію демоновъ, по праву владѣвшихъ человѣческимъ родомъ, имѣетъ божественное смиреніе, явившееся въ образѣ раба, этого не знаютъ души людей, над-

менныя нечистотою превозношенія, но на демоновъ похожія гордостію, а не знаніемъ.

ГЛАВА XXI.

*Въ какой мѣрь Господь благоволилъ дать узнать себя
демонамъ.*

Сами же демоны знаютъ это такъ хорошо, что Господу, облеченному слабостію плоти, говорили: *что намъ и тебѣ Иисусе Назарянине? пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ* (Мар. 1, 24, Мѣ. VIII, 29). Эти слова ясно показываютъ, что въ демонахъ было великое знаніе, но не было любви. Они боялись угрожавшаго имъ наказанія отъ Него; но не любили въ Немъ правды. Онъ далъ себя узнать имъ однакоже настолько, насколько пожелалъ; а пожелалъ настолько, насколько было нужно. Далъ узнать себя не такъ, какъ ангеламъ святымъ, которые въ силу того, что Онъ Слово Божіе, участвуютъ въ блаженной вѣчности Его; но далъ узнать себя такъ, какъ надлежало дать узнать, чтобы навести ужасъ на тѣхъ, изъ-подъ тираннической въ своемъ родѣ власти которыхъ Онъ имѣлъ освободить предназначенныхъ къ Его царству и вѣчно-истинной и истинно-вѣчной славѣ. Итакъ Онъ далъ узнать себя демонамъ не тѣмъ, что Онъ есть вѣчная жизнь и непреложный свѣтъ, просвѣщающій благочестивыхъ и очищающій сердца присущю ему вѣрою; а далъ узнать себя нѣкоторыми временными проявленіями своей силы и знаками своего таинственнѣйшаго присутствія, которыя ангельскимъ чувствамъ даже и злыхъ духовъ могли быть болѣе ясны, чѣмъ слабости людской. Приэтомъ, когда одно время Онъ нашелъ нужнымъ пріостановить упомянутыя проявленія своей силы и сокрыть себя нѣсколько болѣе, князь демоновъ усумнился въ Немъ и приступилъ къ Нему съ искушеніемъ, вывѣды-

вая, Христосъ-ли Онъ, —настолько впрочемъ, насколько Самъ онъ дозволилъ искушать себя, дабы въ человѣкѣ, котораго представлялъ Собою, дать намъ примѣръ для подражанія. Послѣ же этого искушенія, когда, какъ написано, служили Ему ангелы,—ангелы конечно добрые и святые, и потому для нечистыхъ духовъ страшные и ужасные,—Онъ болѣе и болѣе давалъ узнавать себя демонамъ величіемъ своимъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался противиться повелѣніямъ Его; хотя слабость плоти въ Немъ могла бы повидимому возбуждать презрѣніе.

ГЛАВА XXII.

Какое различіе между знаніемъ святыхъ ангеловъ и знаніемъ демоновъ.

Для добрыхъ ангеловъ всякое знаніе вещей тѣлесныхъ и временныхъ, которымъ кичатся демоны, не имѣетъ значенія; это не потому, чтобы они вещей этихъ не знали, а потому, что для нихъ дорога любовь Божія, которою они освящаются. Предъ безтѣлесною, непреложною и невыразимою красотою Бога, святою любовію къ которому они пламенѣютъ, они считаютъ маловажнымъ все, что ниже ея и что не она, даже въ томъ числѣ и самихъ себя; такъ что вообще, поколику добры, они наслаждаются лишь тѣмъ благомъ, которое дѣлаетъ ихъ добрыми. Но отъ этого они даже вѣрнѣе знаютъ и это временное и измѣнчивое; потому что въ Словѣ Божіемъ, которымъ сотворено все, они созерцаютъ тѣ основныя причины, по которымъ иное одобряется, иное отвергается, все упорядочивается. Демоны же не созерцаютъ въ Премудрости Божіей этихъ вѣчныхъ и такъ сказать основныхъ причинъ; хотя по нѣкоторымъ, ускользающимъ отъ насъ, признакамъ, предусматриваютъ будущее съ гораздо большимъ умѣньемъ, чѣмъ люди. Иногда они предвѣ-

щаютъ и свои собственныя предположенныя дѣйствія. При этомъ демоны часто ошибаются,—ангелы же никогда. Ибо иное—дѣлать догадки о временномъ и измѣнчивомъ на основаніи временнаго и измѣнчиваго, и съ этимъ сообразовать свою временную и измѣнчивую волю и возможность осуществитъ свои предположенія,—что въ извѣстныхъ условіяхъ попущено демонамъ; а иное—предвидѣть измѣненія времени въ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законахъ Божіихъ, лежащихъ въ Премудрости Божіей, и познавать по общенію Духа Божія волю Божію, также непреложнѣйшую, какъ и могущественнѣйшую всего,—что въ справедливое отличіе дано ангеламъ. Такимъ образомъ послѣдніе не только вѣчны, но и блаженны. Благо же, благодаря которому они блаженны, есть Богъ, которымъ они созданы. Въ общеніи съ Нимъ и въ созерцаніи Его они находятъ неизмѣнное наслажденіе.

ГЛАВА XXIII.

Имя боговъ ложно приписывается богамъ языческимъ, хотя это имя довольно обычно въ божественныхъ Писаніяхъ въ примѣненіи къ ангеламъ святымъ и къ праведнымъ людямъ.

Если этихъ ангеловъ платоники предпочитаютъ называть богами, а не демонами, и къ нимъ причислять тѣхъ боговъ, которые, какъ пишетъ ихъ авторъ и учитель, Платонъ, созданы высшимъ богомъ; пусть называютъ: спорить съ ними изъ-за словъ мы не будемъ. Ибо, если они называютъ ихъ бессмертными въ томъ смыслѣ, что они сотворены высшимъ Богомъ; а блаженными представляютъ не чрезъ себя самихъ, а чрезъ общеніе съ тѣмъ, кѣмъ созданы: то они говорятъ тоже, что и мы, какимъ бы именемъ ихъ ни называли. Что таково мнѣніе платониковъ всѣхъ, или по крайней мѣрѣ лучшихъ, это можно видѣть изъ ихъ сочи-

ній. Да и относительно самаго имени *боги*, которымъ они называютъ этого рода безсмертныя и блаженныя созданія, между ними и нами нѣтъ почти разнорѣчія. И въ своихъ священныхъ книгахъ мы читаемъ: *Богъ боговъ Господь глагола* (Псал. 49, 1). И въ другомъ мѣстѣ: *Исповѣдайтесь Богу боговъ* (Псал. 135, 2). Еще: *Царь великій надъ всѣми боги* (Псал. 95, 5). А гдѣ говорится: *страшенъ есть надъ всѣми боги* (Псал. 95, 4), указывается далѣе, почему такъ сказано. Именно говорится слѣдующее: *якоже вси бози языкъ бѣсове, Господь же небеса сотвори* (Псал. 95, 5). Итакъ—*надъ всѣми боги*, но *боги языкъ*, т. е. надъ тѣми, которыхъ язычники считаютъ за боговъ и которые суть *бѣсове*. Поэтому-то Онъ и *страшенъ*; и подъ вліяніемъ этого-то страха бѣсы говорили Господу: *пришелъ еси погубити насъ*. Въ словахъ же: *Богъ боговъ* нельзя разумѣть Бога бѣсовъ; равно и въ словахъ: *Царь великъ надъ всѣми боги* нельзя разумѣть великаго царя надъ всѣми бѣсами. Тоже самое Писаніе богами именуетъ и людей изъ числа народа Божія: *Азъ рыхъ*, говоритъ оно, *бози есте и сынове вышняго вси* (Псал. 81, 6). Отсюда подъ Тѣмъ, о Комъ сказано: *Богъ боговъ*, можно разумѣть Бога этихъ именно боговъ; а подъ Тѣмъ, о Комъ сказано: *Царь великъ надъ всѣми боги*, великаго Царя надъ этими богами.

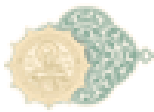
Но намъ могутъ поставить вопросъ: если богами называются люди потому, что они—изъ народа Божія, къ которому Богъ говорилъ чрезъ ангеловъ или людей; то не тѣмъ ли болѣе достойны этого названія тѣ безсмертныя, которые наслаждаются блаженствомъ, коего люди желаютъ достигнуть почитаніемъ Бога? На это мы можемъ отвѣтить, что священное Писаніе не напрасно съ большею ясностію богами называетъ людей, чѣмъ этихъ безсмертныхъ и блаженныхъ, съ которыми сравнятся намъ обѣщано только по воскресеніи. Причина та, чтобы слабость вѣры не дерзнула

кого-нибудь изъ нихъ, въ виду ихъ превосходства, счесть за бога для насъ. Въ отношеніи къ человѣку избѣжатъ этого не трудно. Для того съ большею ясностію люди изъ народа Божія и должны были быть названы богами, чтобъ они знали и твердо вѣровали, что ихъ Богъ есть Тотъ, Коемъ сказано: *Богъ боговъ*; потому что хотя богами называются и тѣ бессмертные и блаженные, которые на небесахъ, однако не называются богами боговъ, т. е. богами людей, живущихъ въ народѣ Божіемъ, коимъ сказано: *Азъ рѣхъ, бози есте*. Поэтому же и Апостолъ говоритъ: *Аще бо и суть глаголемии бози, или на небеси, или на земли; яко же суть бози мнози, и господіе мнози: но намъ единъ Богъ Отецъ изъ Него же вся, и мы у Него: и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся, и мы тѣмъ* (1 Коринѣ. VIII, 5, 6).

Итакъ нечего спорить о названіи, когда самое дѣло ясно настолько, что не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но съ одною оговоркою. Тѣхъ изъ числа этихъ блаженныхъ бессмертныхъ, которые посылались, чтобы возвѣщать людямъ волю Божію, мы называемъ ангелами; они же этого не допускаютъ. Они полагаютъ, что служеніе это отправляется не тѣми, кого они называютъ богами, т. е. бессмертными и блаженными, а демонами, которыхъ они рѣшаются называть только бессмертными, но не блаженными вмѣстѣ, или если бессмертными и блаженными, то во всякомъ случаѣ только добрыми демонами, а не богами, помѣщенными высоко и удаленными отъ соприсношенія съ людьми. Хотя въ данномъ случаѣ споръ также кажется споромъ изъ-за имени, но имя демоновъ до такой степени омерзительно, что мы должны всячески устранить его отъ святыхъ ангеловъ. Покончимъ же настоящую книгу на томъ, что бессмертныя и блаженныя существа, какое бы имя ни носили они, но если они существа сотворенныя и

созданныя, они не суть посредники для злополучныхъ смертныхъ въ дѣлѣ возведенія ихъ къ безсмертному блаженству; потому что разность въ томъ и другомъ раздѣляетъ ихъ. Тѣже посредники, которые съ высшими существами имѣютъ общее безсмертіе, а съ низшими злополучіе,—тѣ, поколику злополучны въ наказаніе за злобу, скорѣе могутъ завидовать намъ въ блаженствѣ, котораго сами не имѣютъ, чѣмъ сообщать его намъ. Друзья демоновъ не могутъ представить никакого уважительнаго доказательства на то, почему бы мы должны были почитать, какъ помощниковъ, тѣхъ, которыхъ должны скорѣе избѣгать, какъ обманщиковъ. О тѣхъ же, кого они считаютъ добрыми и не только безсмертными, но и блаженными, достойными подъ именемъ боговъ почитанія жертвами и жертвоприношеніями, ради полученія блаженной, посмертной жизни,—о тѣхъ, кто бы они ни были и какого бы названія ни были достойны, мы въ слѣдующей книгѣ, при помощи Божіей, покажемъ съ обстоятельностью, что они сами желаютъ, чтобы подобнымъ религіознымъ служеніемъ былъ почитаемъ только единый Богъ, Которымъ они сотворены и чрезъ общеніе съ Которымъ блаженны.

ФАКТОРЫ ИСТОРИИ—ЭСТЕТИЧЕСКИЙ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ.

(Продолженіе *).

Хотя сущность нравственности заключается во внутреннемъ душевномъ расположеніи, но чтобы нравственность не оставалась безплодною, мистическою, она должна воплощаться въ соответствующихъ внутреннему настроеніи внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ пунктѣ нравственная область соприкасается съ *эстетическою*, которая также есть область внѣшнихъ формъ или—точнѣе—идеаловъ. Потомъ изящное, предметъ эстетики, мы ставимъ третьимъ, послѣ нравственнаго, факторомъ исторіи, или четвертымъ въ общемъ счетѣ.

Вслѣдствіе сродства между нравственнымъ и эстетическимъ элементами были періоды и дѣятели въ исторіи развитія нравственнаго сознанія, отождествлявшіе эти два элемента. Въ древнее время смѣшивались эти двѣ области у греческаго народа. Выходя изъ представленія гармоніи бытія, древній грекъ полагалъ нравственную задачу свою въ созданіи прекраснаго; жизнь представлялась ему не столько нравственною борьбою, сколько эстетическою игрою, доставляющею наслажденіе. Идея изящнаго смѣшивалась съ идеею нравственности и у *Платона* (въ неоплатонизмѣ), опирающагося на принципахъ системы *Платона*. Въ новое

*) См. Труды Киев. дух. Академіи за 1880 г. м. октябрь.

время смѣшеніе этихъ идей произведено въ романтической и въ гербартовой школахъ. По *Фризу* (философъ романтической школы) этика есть наука о красотѣ души. Признавая источникомъ или органомъ и метафизическихъ истинъ не мышленіе, подобно представителямъ абсолютнаго германскаго идеализма, а внутренній опытъ и чувство, *Фризь* утверждаетъ, что и нравственное сужденіе, которое, по его мнѣнію, есть сужденіе о духовной красотѣ человѣческихъ дѣйствій, опирается единственно на чувствѣ. *Гербартъ* считаетъ этику частью эстетики. Вся практическая философія у него основывается на эстетическихъ сужденіяхъ. Какъ и эстетическое, нравственное сужденіе есть безкорыстное сужденіе вкуса, производящаго довольство или недовольство извѣстными дѣйствіями и состояніями воли. Вообще, параллель между добрымъ и прекраснымъ часто проводится новѣйшими мыслителями.

Мы съ ясностію увидимъ неосновательность смѣшенія нравственной и эстетической областей, если сопоставимъ основныя понятія о нравственности и объ изящномъ; коль скоро между ними не окажется тождества, то значить нравственное и изящное и не могутъ быть смѣшиваемы.

Въ исторіи эстетики изящное понималось и опредѣлялось различно; но благодаря изслѣдованіямъ *Винкельмана*, *Лессинга*, *Шеллинга*, *Зольгера*, въ особенности *Гегеля* (въ своихъ лекціяхъ объ эстетикѣ представившаго первый полный и стройный курсъ эстетики) и послѣдователей его направленія въ этой области—*Вайсе*, *Тирша*, *Фишера* и др., въ эту область внесенъ надлежащій свѣтъ, и мы теперь имѣемъ возможность дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о сущности изящнаго. Все существующее во вселенной, и въ его цѣлости, и въ его частяхъ, носитъ въ себѣ свою идею, свою мысль (опредѣляющую конечную цѣль его, его назначеніе) и своеобразнымъ образомъ влечется къ тому, чтобы осуществить эту идею. Чѣмъ совершеннѣе извѣстный предметъ или извѣстное существо выражаютъ во внѣ за-

ключенную въ нихъ идею, тѣмъ они прекраснѣе, тѣмъ изящнѣе. Такимъ образомъ изящное есть адекватное выраженіе отвлеченной идеи въ конкретной жизни, содержанія—въ формѣ, сущности—въ явленіи. Но процессъ этотъ можетъ совершиться не иначе, какъ путемъ индивидуализаціи, такъ какъ идея, мысль, есть нѣчто общее, между тѣмъ конкретная жизнь есть индивидуальное явленіе. Значить изящное есть возможно совершенное соотвѣтственное выраженіе въ индивидуальной формѣ общей абстрактной мысли. А такъ какъ, далѣе, намъ неизвѣстна форма существованія чистаго духа, такъ какъ все идеальное, сверхчувственное выясняется для насъ лишь по мѣрѣ того, какъ нагляднымъ образомъ представляется намъ въ чувственныхъ формахъ, такъ какъ мы мыслимъ духовное образно (заимствуя образы изъ видимаго міра) и видимъ только формы чувственнаго міра (поселику духъ развивается на почвѣ природы), то значить прекрасное можетъ быть выражаемо въ семъ мірѣ не иначе, какъ въ чувственномъ образѣ, въ тѣлесной формѣ. Такъ какъ все въ бытіи стремится къ изящному, т. е. къ адекватному выраженію своей идеи, то и въ природѣ, и въ человѣческой жизни мы находимъ довольно прекрасныхъ явленій (особенно въ первой); но такъ какъ настоящія условія существованія въ мірѣ (особенно въ области человѣческой) неполнѣ благопріятны для совершенной (прекрасной) жизни, то и въ природѣ, и особенно въ жизни человѣческой (въ области свободы) мы встрѣчаемъ довольно и неграсивыхъ явленій. Восполнить недостатокъ выраженія природою и человѣческою жизнію изящнаго призвано искусство (изящное); и потому изящное часто называемъ художественнымъ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторые мыслители, и въ числѣ ихъ *Кантъ*, ставили изящное въ природѣ выше изящныхъ произведеній человѣческаго искусства, и въ связи съ этимъ взглядомъ главную задачу искусства полагали въ подражаніи природѣ. Несостоятельность этого взгляда съ ясностію увидимъ, если сравнимъ классическія произведенія искусства съ произведеніями природы. Насколько,

Сила души, которою художникъ творить изящное, есть фантазія; процессъ фантазіи—это та дѣятельность души, которая общее, абстрактное, составляющее содержаніе разсудка и разума, дѣлаетъ нагляднымъ, чувственно-созерцаемымъ, которая сверхчувственный міръ понятій и идей выражаетъ въ индивидуальныхъ тѣлесныхъ образахъ ¹⁾). Таково самое вѣрное понятіе о предметѣ эстетики—объ изящномъ, добытое въ особенности философами-эстетиками гегеліанскаго направленія ²⁾); такое же понятіе каждый изъ насъ необходимо от-

напр., музыкальныя произведенія *Бетховена* или *Моцарта* возвышеннѣе возможныхъ сочетаній звуковъ въ природѣ! Природа дѣйствительно возбуждаетъ въ насъ симпатію и привлекаетъ къ себѣ, производитъ на насъ возвышающее и успокаивающее впечатлѣніе прекраснаго,—производитъ это полнотою заключенной въ природѣ и наглядно представляющей намъ жизни и безыскусственности и свободой, вслѣдствіе которыхъ произведенія природы являются сами себѣ довлѣющими, не связаны внѣшними и чуждыми имъ цѣлями, какъ это бываетъ въ обществѣ людей. Пусть согласились бы мы даже, что природа въ состояніи выражать идею въ болѣе соответствующихъ формахъ, чѣмъ человѣческое искусство (обративши вниманіе напр. на изящество цвѣтовъ, съ тончайшими формами и неуловимыми передѣлами красокъ). Но при всемъ томъ не надобно забывать, что изящное нравится намъ не одною формою своею, но вмѣстѣ и содержаніемъ или идеею, что въ изящномъ существенна не только первая, но и послѣдняя. А содержаніе или идея можетъ быть весьма различнаго достоинства, и въ этомъ отношеніи человѣческое искусство можетъ безконечно, выразится такъ, превосходить природу, изображая личныя отношенія, выражая въ произведеніяхъ своихъ идею свободы и любви, а не безличная только, какъ природа. Если *Кантъ* унижаетъ человѣческое искусство сравнительно съ произведеніями природы, то этотъ взглядъ вытекаетъ изъ духа его философіи и изъ неправильнаго взгляда его на искусство. *Кантъ* не признаетъ за изящнымъ предметнаго значенія и не находитъ въ немъ ничего по содержанію аналогичнаго нравственной жизни и истинѣ. Да и вопросъ—не совершеннѣе ли можетъ быть и форма въ человѣческомъ искусствѣ сравнительно съ природою, т. е. не адекватнѣе ли она можетъ быть содержанію.

¹⁾ На этомъ основаніи нѣкоторые психологи смотрятъ на фантазію, какъ на продолженіе той формирующей силы душевной, которая производитъ образованіе тѣлеснаго организма.

²⁾ По *Гегелю* (его эстетика) изящное есть чувственное проявленіе идеи. Только у *Гегеля*, представителя философскаго идеализма, это опредѣленіе яв-

влечетъ при созерцаніи классическихъ произведеній изящнаго искусства.

Сопоставляя теперь найденное нами понятіе объ изящномъ съ извѣстнымъ уже намъ понятіемъ о нравственности, мы найдемъ между ними существенную разницу. Въ нравственной дѣятельности человѣкъ вступаетъ въ отношеніе къ *абсолютной* цѣли его жизни; и здѣсь играетъ роль воля, а воля составляетъ центръ тяжести человѣческой личности, зерно ея, глубочайшую сущность его „я“; отъ такого или иного отношенія ея къ вѣчной волѣ абсолютнаго существа (Творца) зависитъ истинное достоинство или недостоинство и вѣчная судьба человѣка, какъ нравственнаго существа. Между тѣмъ при созданіи художественнаго произведенія имѣется въ виду, какъ мы видѣли, соразмѣрное (адекватное) выраженіе извѣстной идеи, выбранной художникомъ изъ области нравственной или физической, во внѣшней формѣ, — на этой цѣли, т. е. на гармоническомъ сочетаніи идеальнаго и реальнаго художникъ и останавливается, ею и удовлетворяется; слѣд. цѣль здѣсь относительная, условная въ жизни человѣка, роль играетъ здѣсь эстетическое чувство, которое не стоитъ въ такомъ необходимомъ и непосредственномъ отношеніи къ нравственному достоинству и судьбѣ человѣка, какъ нравственнаго существа, какъ воля и ея рѣшенія. Фантазійи художника предлежитъ цѣлая градація идей для воплощенія ихъ въ чувственныхъ формахъ, — идей предме-

ляется въ слишкомъ отвлеченномъ видѣ. И у многихъ изъ прежнихъ мыслителей древняго и новаго времени даются опредѣленія изящнаго болѣе или менѣе подходящія къ данному нами, только у нихъ болѣе или менѣе односторонне выдвигается въ опредѣленія изящнаго то элементъ идеальный (идея или содержаніе), то элементъ чувственный (чувственная форма); первое у *Платона*, *Плотина*, *Винкельмана*, *Шлегеля*, *Тика*, *Новалиса*, *Зоммера* и др.; второе у *Аристотеля*, *Баумартена*, *Мендельсона*, *Зуммера*, *Майера*, *Гербарта*, *Циммермана* и др. Правильное опредѣленіе изящнаго зависитъ отъ опредѣленія правильнаго отношенія между этими двумя элементами.

товъ и явленій, имѣющихъ различное достоинство по отношенію къ нравственной задачѣ; а такъ какъ въ мірѣ существуетъ зло, то возможно художественное, т. е. адекватное, выраженіе и идеи (или вѣрнѣе—понятія) зла, идеи грѣховныхъ явленій; значить съ чисто-эстетической точки зрѣнія и зло можетъ быть названо изящнымъ явленіемъ, восторгающимъ человѣка, именно тогда, когда оно выражено въ прекрасной, т. е. адекватной формѣ (какъ думалъ еще *Аристотель*),—между тѣмъ какъ воплощеніе грѣховной идеи въ нравственно-практической дѣятельности человѣка, волею его, положительно невозможно (если не хотимъ впасть въ противорѣчіе съ собою, разрушить нравственную природу свою), безнравственно. Конечно, эстетическая точка зрѣнія, какъ увидимъ ниже, должна быть подчиняема нравственной, коль скоро человѣкъ есть личность, заключающая въ себѣ много элементовъ, къ числу которыхъ относятся и эстетическій и нравственный; но служеніе нравственности составляетъ посредственную, вышнюю цѣль художника, прямая же, непосредственная скрывается въ ней самой, въ созданіи художественнаго произведенія и въ удовлетвореніи эстетическаго вкуса; область эстетики есть самостоятельная область (какъ и области этики и логики). Вѣдь наслаждаемся же мы и получаемъ полное удовлетвореніе и при созерцаніи такихъ изящныхъ произведеній ¹⁾, въ которыхъ нравственный элементъ совсѣмъ незамѣтенъ; слѣд. наслаждаемся ими, какъ чисто эстетическими произведеніями. Потому-то нравственность коренится въ совѣсти, нормирующей жизнь человѣка такими законами, которыми опредѣляется различіе добра и зла, дѣятельное слѣдованіе которымъ, т. е. фактическое осуществленіе нравственности, составляетъ непремѣнный долгъ всякаго безъ исключенія человѣка, подчиненіе или неподчиненіе которымъ сопровождается наградой или нака-

¹⁾ Напр. архитектурныхъ, музыкальных; равно и произведеній природы.

заніємъ во внутреннихъ ощущеніяхъ совѣсти. Между тѣмъ органомъ созданія эстетическихъ явленій служитъ фантазія, опирающаяся на законы пропорціональной формировки (созданія гармоническихъ формъ), дающіе начало для различенія прекраснаго и гадкаго. Хотя и эти законы всеобщі, такъ какъ имѣютъ основаніе свое въ природѣ человѣка, но фактическое осуществленіе ихъ въ произведеніяхъ фантазіи не составляетъ непремѣннаго долга человѣка; только развитіе способности постигать изящныя произведенія и воодушевляться ими, проникаться при созерцаніи художественныхъ произведеній тѣмъ, что чувствовалъ при созданіи своихъ произведеній художникъ и заключилъ въ послѣднихъ на всѣ времена, должно быть требуемо отъ всякаго человѣка по мѣрѣ развитія общаго образованія его,—для созданія же художественныхъ произведеній искусства требуется особое дарованіе отъ природы, а потому оно и не составляетъ обязанности всякаго человѣка. Какъ видимъ изъ сказаннаго, весьма важную, существенную роль играетъ въ художественномъ произведеніи внѣшняя форма; между тѣмъ въ нравственномъ актѣ главную роль играетъ внутреннее состояніе человѣка,—оно можетъ даже не обнаруживаться во внѣшнемъ дѣйствіи, можетъ также обнаруживаться и часто обнаруживается въ весьма некрасивой, въ неадекватной формѣ.

Если обратимся къ дѣйствительной жизни, къ исторіи и опыту, то указанное нами различіе нравственной и эстетической областей подтвердится какъ нельзя болѣе. Нравственное образованіе не оказывается необходимымъ спутникомъ эстетическаго, и эстетическое—нравственнаго. Съ одной стороны, встрѣтимъ эстетически-талантливыхъ и даже гениальныхъ людей, создающихъ высокія художественныя произведенія, но нравственное поведеніе которыхъ находится въ противорѣчій съ законами совѣсти; они или высоко-мѣрные эгоисты, или служители чувственной похоти. Или сколько вращается вокругъ насъ такъ называемыхъ „фран-

тиковъ“, которые именно франтики, т. е. люди, желающіе казаться красивыми и красиво вести себя, не заботясь о томъ, что творится по ту сторону красивой оболочки. Съ другой стороны, встрѣтимъ не мало нравственныхъ людей, и даже высоконравственныхъ, но которые не только неспособны создавать высокія художественныя произведенія, но нерѣдко неспособны и наслаждаться изящными произведеніями, или выражать внутреннія движенія своей души въ соотвѣтствующіхъ (адекватныхъ) внѣшнихъ формахъ. Вспомнимъ о деревенскомъ крестьянинѣ, который можетъ быть добръ по душѣ, но не въ состояніи и двухъ шаговъ сдѣлать по правиламъ эстетики.

Но изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, что нравственная и эстетическая области чужды другъ другу, противорѣчать себѣ; объединяющее ихъ (какъ и другіе элементы души и факторы исторіи) начало лежитъ въ единствѣ природы души, и послѣ этого объединенія онѣ находятся во взаимодѣйствіи между собою. Важное значеніе вліянія эстетическаго фактора на нравственный ясно для того, кто работалъ себѣ здоровое понятіе о предметѣ эстетики. Противъ увлеченія эстетическими предметами и явленіями возстаютъ строгіе характеры; и нельзя сказать, чтобы виной тому всегда былъ единственно ихъ ригоризмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эстетиками, или по крайней мѣрѣ кажущимися эстетиками, изящное нерѣдко смѣшивалось и смѣшивается съ пріятнымъ; между тѣмъ еще въ древнее время найдена существенная разница между этими двумя явленіями и признано необходимымъ разграничивать эти два понятія (*Сократомъ*, а еще опредѣленіе *Платономъ*, потомъ *Аристотелемъ*). Сколько встрѣчаемъ вокругъ себя упивающихся эстетическими предметами и явленіями потому, что они льстятъ ихъ чувственности. Даже *Кантъ*, хотя точно разграничиваетъ изящное отъ пріятнаго (и полезнаго), но поставляетъ изящное въ зависимость отъ случайностей нашего личнаго настроенія, ограничиваетъ изящное предѣлами вкуса, дѣй-

ствіемъ его на наше чувство; онъ не находитъ въ немъ ничего предметнаго, не считаетъ его выраженіемъ цѣннаго содержанія мыслительнаго и волящаго отправленія человѣческаго духа. Такой же взглядъ на изящное господствовалъ въ направленіяхъ французской и англійской школъ прошлаго столѣтія. А при такомъ взглядѣ на предметъ эстетики „прекрасное въ природѣ и людяхъ“, говоря словами *Умрици*, „окажется не больше, какъ пріятною добавкою къ полезному и доброду, случайною формою, неимѣющею никакого отношенія къ существу предметовъ...; искусство окажется свободною дѣятельностію извѣстныхъ индивидуумовъ, которой они посвящаютъ себя съ тѣмъ, чтобы въ болѣе прочной и удобной формѣ доставлять себѣ и другимъ то удовольствіе, которое доставляетъ имъ скоропреходящая красота природы“¹⁾. Хотя конечно и отъ изящнаго мы испытываемъ удовольствіе, и при томъ въ высшей степени, но удовольствію этому свойственны всеобщность и необходимость; между тѣмъ удовольствіе, испытанное отъ пріятнаго, отличается характеромъ частнымъ (индивидуальнымъ), чувственнымъ и случайнымъ. Если мы углубимся въ явленіе изящнаго и составимъ себѣ вѣрное, здоровое понятіе о немъ, то найдемъ съ *Гегелемъ*, что изящное есть своеобразная метаморфоза той общей идеи, которая развѣтвляется въ тройцу—истиннаго, добраго и прекраснаго. Слѣд. красота находится въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ истиною и добромъ. а потому и столько же важна и полноправна, какъ и послѣднія. Обьективное значеніе идей истины и добра (блага) въ настоящее время считается фактомъ общепризнаннымъ; никто не сомнѣвается въ томъ, что истина не выдумывается человекомъ, а познается имъ готовою,—что благо существуетъ не въ субъективномъ только сознаніи человѣка, но и реально—какъ въ природѣ (законосообразность, порядокъ, цѣлесооб-

¹⁾ Нравственная природа человѣка, пер. *Голубинскій*, Казань, 1878, стр. 619.

разность), такъ и въ человѣкѣ (императивъ). Такое же объективное значеніе должно принадлежать и принадлежить и идеѣ красоты, и оно съ необходимостію слѣдуетъ изъ даннаго нами выше понятія объ изящномъ. По нашему опредѣленію прекрасное есть адекватное выраженіе въ индивидуальной формѣ общей родовой идеи, лежащей въ основаніи бытія; слѣд. имѣетъ предметомъ своимъ не фантастическое, существующее въ одномъ воображеніи человѣка, а дѣйствительное въ его истинности. Изображая то, что дѣйствительно существуетъ, а не то, что только воображаемо, будучи занято реальнымъ бытіемъ, искусство изображаетъ, какъ мы видѣли, и зло, грѣхъ, слѣд. то, что хотя существуетъ (не воображаемо, а дѣйствительно), но что не должно существовать (должно быть не дѣйствительнымъ, а воображаемымъ); потому оно и зло изображаетъ въ его истинности, т. е. какъ такое, что не должно быть, какъ достойное отверженія, какъ безнравственное, — изображаетъ его въ его ничтожествѣ. Такимъ образомъ и здѣсь искусство остается вѣрнымъ своей идеѣ, совпадающей, какъ мы сказали, съ идеями истины и добра. Безусловное, всесовершенное, отражающееся въ конечныхъ формахъ тварнаго бытія, составляетъ содержаніе и истины, и добра, и красоты, только оно въ различныхъ моментахъ своихъ воспринимается сознающимъ духомъ человѣческимъ и различнымъ образомъ отражается въ немъ въ томъ, другомъ и третьемъ случаяхъ. Въ первомъ случаѣ безусловное, всесовершенное является въ видѣ законовъ бытія; согласіе съ ними явленій физическаго и нравственнаго міра составляетъ содержаніе истины, воспринимаемой и постигаемой человѣкомъ въ отвлеченной формѣ мышленія. Во второмъ случаѣ безусловное, всесовершенное является въ видѣ цѣли бытія; оно противопоставляется тварному бытію въ формѣ требованій, имѣющихъ быть осуществленными, инстинктивными ¹⁾ влеченія-

¹⁾ Слово истиннѣ употреблемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

ми міра фізическаго и свободными стремленіями міра нравственнаго; по мѣрѣ достиженія гармоніи между первымъ (безусловнымъ, всесовершеннымъ) и послѣдними (влеченіями и стремленіями) осуществляется благо. Наконецъ въ третьемъ случаѣ постигаемая мышленіемъ истина и требованія блага представляются законченными, осуществленными, и въ этомъ состоитъ красота, въ области искусства создаваемая силою творческой фантазіи. Значитъ упрекъ заслуживаетъ не истинное, классическое искусство, а кажущееся, романтическое; первое же производитъ весьма благопріятное дѣйствіе на нравственное преуспѣваніе человѣка.

Таковое дѣйствіе ея, указанное еще *Платономъ*, а въ христіанскомъ мірѣ блаж. *Августиномъ*, не трудно замѣтить въ процессахъ и ассимилирующей, и продуктивной нравственной дѣятельности человѣка. Первый процессъ слагается изъ момента познанія нравственныхъ требованій (нравственнаго закона) и изъ момента принятія ихъ къ сердцу, какъ выражаются, т. е. возбужденія въ себѣ симпатіи, любви къ нимъ, охоты и склонности слѣдовать имъ. Въ томъ и другомъ случаѣ конкретное воплощеніе нравственной идеи въ индивидуальной формѣ весьма плодотворно и даже необходимо для успѣшнаго теченія названнаго процесса; необходимость его коренится въ природѣ человѣка; и значитъ „выключающіе изъ высшихъ областей человѣческой жизни чувственныя изображенія не знаютъ существа человѣка“¹⁾. Какъ извѣстно изъ психологіи, понятіе или идея извѣстнаго предмета тѣмъ яснѣе сознается нами и тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на насъ, чѣмъ, съ одной стороны, рѣзче объективируется и чѣмъ, съ другой стороны, нагляднѣе представляется,—такъ какъ человѣкъ не есть чистый духъ, а окруванъ чувственностію. Кому неизвѣстна—и изъ дѣтей и изъ взрослыхъ людей—сила примѣра? Не потрясаютъ ли нашу душу—сильнѣе, чѣмъ абстрактная мораль—драмы великихъ

¹⁾ *Лютардтъ*, Vorträge üb. Moral d. Christenthums, s. 173.

поэтовъ, изображающія побѣдоносную силу добра и неизбѣжную гибель зла? Ненапрасно и Основатель христіанства воплощалъ свое ученіе въ притчахъ. Но изящное, какъ намъ уже извѣстно, представляетъ намъ предметъ въ видѣ не только наглядномъ, образномъ, но и совершенномъ, законченномъ, такъ какъ оно требуетъ гармоніи содержанія и формы, сущности и явленія, идеальнаго и реальнаго. Значитъ оно не только служитъ образцомъ для нравственно-практической дѣятельности, но и образцомъ прекраснымъ, увлекательнымъ, восхитительнымъ; отъ него не только исходитъ импульсъ къ практической дѣятельности, но и импульсъ къ дѣятельности возвышенной, совершенной, достойной человѣка. И въ нравственно-практической дѣятельности своей человѣкъ стремится создавать гармонію своей воли съ требованіями нравственнаго закона, по крайней мѣрѣ въ этомъ состоитъ задача его жизни; но при всемъ усилии своемъ онъ не въ состояніи сдѣлать свою волю совершеннымъ (адекватнымъ) выраженіемъ нравственнаго закона, воля его часто оказывается слабою къ полному осуществленію послѣдняго. Равно въ познавательной дѣятельности разсудокъ нашъ наталкивается на неразрѣшимыя противорѣчія между видимыми явленіями бытія и его сущностью, между телеологіей міра и случайнымъ сдѣпленіемъ событій. Только въ изящныхъ произведеніяхъ искусства и въ соответствующихъ имъ прекрасныхъ явленіяхъ природы эта двойственность сглажена, примирена; явленіе равно здѣсь сущности; реальная форма адекватна идеальной нормѣ. Поэтому изящное въ состояніи служить для нравственной жизни человѣка идеаломъ, такъ какъ представляетъ разрѣшенною ту задачу, разрѣшить которую предлежитъ волѣ человѣка; оно „возбуждаетъ человѣка дать реальное существованіе тому, что представляется ему въ идеальномъ видѣ, эстетическое превратить въ этическое, исполнить въ дѣйствительности то, о чемъ искусство только пророчествуетъ“¹⁾.

¹⁾ *Marquensen*, Grundriss des Systems der Moralphilosophie, aus dem Dänischen, Kiel, 1845, s. 92.

„Пока наступить время исполненія всяческаго“, пишет *Эттингенъ*, „когда физика, по выраженію *Шляйермахера*, сдѣлается этикой, а этика—физикой, такъ какъ долженствующее быть будетъ мыслимо тогда существующимъ уже въ дѣйствительности и на оборотъ,—пока наступить, говоримъ, это время, намъ земнороднымъ удѣлена одна область, какъ чудесный даръ Божій, область, назначеніе которой—такъ сказать пророчески предвосхищать идеалъ совершенства и поставлять его предъ нашимъ предчувствующимъ будущее глазомъ и предъ художнически-творческою фантазіей. Это область эстетики“¹⁾. А такъ какъ, далѣе, прекрасное изображаетъ предъ нами совершенное, изображаетъ то, что само по себѣ въ состояніи вполне удовлетворить насъ, то значить оно не можетъ и не должно служить средствомъ только для цѣли, служить чему нибудь стороннему, внѣшнему; цѣль свою оно заключаетъ въ самомъ себѣ. И отъ художественнаго произведенія дѣйствительно требуется, чтобы оно было самоцѣлью, и требуется по праву, потому что по мѣрѣ того какъ цѣль его переносится во внѣ, оно теряетъ характеръ прекраснаго и становится „полезнымъ“, такъ какъ въ этомъ случаѣ форма его соображается не съ внутреннею идеей его, а съ тою стороннею цѣлью, которой оно служить. Хотя здоровое искусство не можетъ отрѣшиться отъ жизни и не служить интересамъ эпохи, такъ какъ фантазія художника питается идеями своей эпохи, и въ особенности въ настоящее время, въ противоположность искусству романтическому, которое было занято темами отвлеченными, требуютъ отъ искусства, чтобы оно шло объ руку съ вопросами современной жизни, но цѣль служенія интересамъ эпохи оно не высказываетъ, какъ цѣль, послѣдняя только подразумевается, есть цѣль посредственная, не прямая. И въ этомъ, значить, отношеніи изящное искусство служить идеаломъ для нравственной дѣятельности человѣка, для обнаруженій его воли, которыя

¹⁾ D. christl. Sittenlehre, s. 349.

получают нравственное достоинство свое по мѣрѣ того, какъ они мотивируются не внѣшними для воли интересами, ожиданіемъ полезнаго или пріятнаго (хотя и это не исключается), а самою же доброю волей, ея хотѣніями, нормируемыми нравственнымъ закономъ, какъ доказалъ Кантъ ¹⁾.

Вторая психологическая категорія (послѣ ассимиляціи) какъ всякой человѣческой дѣятельности, такъ и нравственной, есть производительность, продукція. Тутъ уже требуется отъ человѣка выступить изнутри себя, проявить волю свою во внѣшней дѣятельности, возвратить усвоенное съ лихвою въ общую сокровищницу бытія и жизни. А область внѣшнихъ формъ, какъ намъ уже извѣстно, есть область эстетики. Значить и тутъ эстетическое образованіе окажетъ услугу нравственному совершенствованію. Каждый человѣкъ обязанъ занять и занимаетъ извѣстное положеніе въ обществѣ. Чтобы выполнить нравственную задачу свою на указанномъ ему Богомъ и людьми мѣстѣ, онъ долженъ быть способенъ къ вѣрному (адекватному) и богатому (много-сложному, многостороннему) проявленію нравственнаго духа своего во внѣ, въ сношеніяхъ своихъ съ другими людьми. Онъ долженъ быть въ состояніи внутреннее благородство и силу характера воплощать въ благородныхъ и внушительныхъ формахъ; пользуясь языкомъ, этою самою глубокою связью между людьми и самымъ важнымъ средствомъ вліянія на другаго, онъ долженъ уметь всегда говорить кстати, т. е. въ свое время, въ своемъ мѣстѣ и надлежащимъ тономъ; во всѣхъ обнаруженіяхъ его личности, во всемъ его поведеніи должно пробиваться нѣчто привлекательное, чарующее; обращаясь къ другимъ съ одними и тѣми же требованіями, съ общими задачами и цѣлями, онъ долженъ быть въ состояніи индивидуализировать общее,

¹⁾ Въ „Метафизикѣ нравовъ“, первые страницы. Но Кантъ поддался односторонности съ своимъ ригористическимъ началомъ нравственности.

примѣнять одно и тоже сообразно состоянію и требованіямъ каждаго ¹⁾. Очевидно, что все это не можетъ быть достигнуто безъ высокаго эстетическаго образованія. А между тѣмъ все это въ высшей степени важно не только для другихъ, съ которыми мы входимъ въ соотношенія ²⁾, но и для насъ самихъ, такъ какъ и для насъ самихъ наша внутренняя жизнь уясняется лишь по мѣрѣ того, какъ она объективируется во внѣшнихъ формахъ, производящихъ обратное вліяніе на нее. Если бы деревенскимъ крестьяниномъ замѣстить важный постъ въ государственной іерархіи, и если бы, предположимъ, онъ (крестьянинъ) обладалъ всѣми знаніями, необходимыми для занимающаго этотъ постъ, и самою лучшею волей, то все таки онъ не въ состояніи былъ бы занимать его по недостатку эстетическаго образованія, сообщающаго умѣнье воплощать знанія и хотѣнія въ соответствующихъ дѣйствіяхъ.

Изъ объясненнаго нами важнаго значенія искусства для высшей жизни человѣческаго духа объясняется историческая связь искусства съ религіей, и на оборотъ—этою связью дается новое подтвержденіе важнаго значенія искусства въ духовной жизни человѣка, потому что „еслибы искусства были не больше, какъ игрой духа, или внѣшнею прикрасою жизни, то эта связь“, по замѣчанію *Лютардта*, „была бы невозможна“ ³⁾. А историческая связь ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Религія есть „древняя родина искусства“ ⁴⁾; она есть „очагъ, съ котораго искусство заимствовало огонь для своего одушевле-

¹⁾ Въ примѣръ поведенія въ обществѣ по правиламъ этики и вмѣстѣ эстетики часто указываютъ на *Фенелона*.

²⁾ „Въ особенности къ дитяти“, пишетъ *Вайтцъ*, „нравственность можетъ быть привита и укрѣплена въ немъ лишь по мѣрѣ того, какъ внутреннему содержанію нравственнаго насгровенія будетъ соответствовать внѣшнее выраженіе и будетъ понято дитятей...“ *Allgem. Pädagogik*, s. 265 и w.

³⁾ *Der Entwicklungsgang der religiösen Malerei*, Vortrag, Leipzig, 1863, s. 4.

⁴⁾ *Лютардтъ*, *Vorträge üb. d. Moral d. Christenthums*, s. 174.

ніа“¹⁾. Архитектура (зодчество), это древнѣйшее изъ пластическихъ (изобразительныхъ) искусствъ, первоначально зародилась на почвѣ языческихъ храмовъ; да и въ новое время она развивалась на почвѣ храмовъ же христіанскихъ. Скульптура (ваяніе, пластика) достигла совершенства въ классическомъ мірѣ, создавая статуи боговъ и полубоговъ. Что живопись, это искусство христіанскаго времени, воплощаетъ во многихъ изъ самыхъ лучшихъ произведеній своихъ идею религіозную—для убѣжденія въ этомъ стоитъ только посѣтить дрезденскую картинную галерею. Менѣе замѣтна связь религіи съ музыкой,—съ одной стороны потому, что музыка достигла совершенства собственно въ новѣйшее время, время, когда элементы жизни человѣческой уже отчетливо выдѣлились другъ отъ друга, а между тѣмъ религіозность (религіозный элементъ) стала упадать; а съ другой стороны—потому, что область музыки есть область чувства, а потому музыка изображаетъ только субъективныя состоянія человѣческаго сердца, есть искусство самое неуловимое для мысли, самое неопредѣленное по предмету ея. Тѣмъ не менѣе кому неизвѣстна связь съ музыкой католическаго и протестантскаго богослуженія, и нашего православнаго—съ пѣніемъ,—кому неизвѣстенъ реkvіемъ и другія музыкальныя произведенія религіознаго характера. Наконецъ поэзія есть искусство всѣхъ временъ; а потому о связи ея съ религіей въ древнемъ мірѣ, когда элементы жизни духа были еще слиты для человѣческаго сознанія, излишне и упоминать, а изъ поэтическихъ произведеній новаго времени достаточно указать на „Божественную комедію“ Данте, на „Потерянный рай“ Мильтона, на „Гамлета“ Шекспира, на „Фауста“ Гёте. Извѣстна также связь церковнаго богослуженія съ драматическимъ театромъ. Въ нѣкоторые періоды исторіи—въ древней Греціи, въ средніе вѣка—богослуженіе и служеніе искусству даже смѣшива-

¹⁾ Лютардтъ, D. Entwicklungsgang d. relig. Malerei, s. 4.

лись, отождествлялись ¹⁾). Изъ этого міроисторическаго явленія съ неопровержимостію слѣдуетъ, что есть какая-то естественная черта, обобщающая эти двѣ области—искусство и религію. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы съ средневѣковымъ католицизмомъ ограничить задачу искусства исключительнымъ служеніемъ религіи, и тѣ художественныя произведенія, которыя имѣютъ объектомъ своимъ чисто мірскіе предметы и явленія, считать суетными, ничтожными. Служа религіи, искусство въ то же время имѣетъ и самостоятельную задачу и самостоятельное право, такъ какъ оно имѣетъ самостоятельное основаніе и начало въ естественной жизни человѣческаго духа. Потому-то есть области или виды искусства (напр. комедія, эпосъ), негармонизирующіе съ священными предметами; потому то, далѣе, исторія искусства есть исторія приобрѣтенія искусствомъ самостоятельнаго значенія и самостоятельнаго права. Но съ другой стороны, мы не оправдываемъ и тенденцію настоящаго времени, усиливающагося „разорвать“, по замѣчанію *Кааниса*, „тѣ элементы жизни, которые Богъ связалъ въ исторіи“, т. е. искусство и религію,—утверждающаго, что „хотя въ началѣ зарождающееся искусство и состояло подъ опекою религіи, но что годилось для начала, то не годится для конца“ ²⁾). Утверждая, повторяемъ, самостоятельность (относительную) искусства, мы въ то же время доказываемъ тѣсное сродство его съ религіей; „мы слишкомъ высококаго мнѣнія объ искусствѣ“, скажемъ словами *Кааниса*, „чтобы границы чисто человѣческой сферы счесть и границами искусства“ ³⁾). Религія состоитъ въ единеніи конечнаго (человѣка) съ безконечнымъ (Богомъ),—между тѣмъ и ис-

¹⁾ Не напрасно *Шляйермахеръ* называетъ языческія религіи религіями эстетическими,—въ противоположность христіанской религіи, какъ религіи этической.

²⁾ *Drei Vorträge* (3. Kunst u. Kirche), Leipzig, 1865, s. 41. 43.

³⁾ *Ibid.*, s. 56.

куство состоитъ въ выраженіи безконечности (идеи) въ конечномъ (матеріи); искусство создаетъ идеалы жизни,—между тѣмъ и въ религіи человѣкъ соединяется съ существомъ, которое является идеаломъ для всѣхъ временъ и народовъ; и искусство и религія имѣютъ отчизну свою въ глубинахъ человѣческаго духа, потому „естественно, если онѣ, столь близко соприкасаясь другъ съ другомъ во внутреннемъ мірѣ человѣка, охотно остаются въ связи и выступая въ міръ явленій“¹⁾. „Возражаютъ“, говоритъ *Каанисъ*, „что религія имѣетъ сѣдалище свое въ сердцахъ,—она состоитъ въ отношеніи сердца къ Богу; слѣдовательно ей нѣтъ дѣла до искусства, которое направлено на выраженіе внутренняго во внѣшнемъ“²⁾. Но мы уже замѣчали, что человѣкъ не есть чистый духъ, что потому природа его требуетъ выраженія всего, происходящаго внутри его, слѣдовательно и религіозныхъ состояній, во внѣшнихъ формахъ, требуетъ символизма; а такъ какъ религіозная идея есть идея самая возвышенная, то потому достоинство религіи требуетъ возможно совершеннаго символическаго выраженія религіозныхъ мыслей, т. е. возможно адекватнаго, возможно прекраснаго. Чѣмъ была бы религія безъ религіознаго культа, и чѣмъ былъ бы религіозный культъ безъ поэзіи, безъ музыки, безъ живописи, безъ ораторскаго искусства, безъ архитектуры, безъ ваянія? Поставляя себя на служеніе религіи, вступая въ отношеніе къ церкви, т. е. избирая для изображенія идею религіозную, искусство празднуетъ самый высокій тріумфъ; потому всѣ роды искусства должны соединиться, чтобы дать должное выраженіе религіозной идеѣ, а всѣ участвующіе въ религіозномъ культѣ обязаны позаботиться объ эстетическомъ образованіи, чтобы быть въ состояніи воспринимать изображаемо въ культѣ и этимъ способомъ возноситься отъ види-

¹⁾ *Лютапфъ*, D. Entwicklungsgang d. relig. Malerei, s. 4,

²⁾ *Drei Vorträge*. s. 42.

маго къ невидимому, отъ матеріи къ идеѣ, отъ формы сущности. Ссылаются на то, что первенствующая христiанская церковь относилась къ искусству отрицательно. I явление это объясняется обстоятельствами тогдашняго времени; съ одной стороны, искусство находилось въ служебнiи языческой религіи и чувственной страсти (не обуздываемое строгою нравственностію), а съ другой стороны церковь переживала тогда періодъ гоненiй и мученичества слѣдовательно не въ состоянiи была и не чувствовала потребности дать идеѣ своей соотвѣтственное внѣшнее выраженіе.

Но возвышая значеніе эстетическаго элемента въ духовной жизни человѣка, мы не должны забывать и большаго опасности, сопряженной съ этимъ элементомъ; положеніе „чѣмъ крѣпче (сильнѣе), тѣмъ полезнѣе (прибыльнѣе), и тѣмъ и опаснѣе“—имѣетъ силу какъ по отношенію къ физическому міру, такъ и по отношенію къ духовному. Опасность эстетической стороны въ жизни человѣка заключается въ легкости злоупотребленiй ею, именно -- въ смѣшенiи изящнаго съ прiятнымъ, и вслѣдствіе этого въ низведенiи искусства въ объектъ наслажденiя только и въ стремленiи исключительно къ наслажденiю прiятнымъ. И при этомъ злоупотребленіе можетъ принять два направленiя. Во первыхъ, въ изящномъ произведенiи, какъ намъ извѣстно, необходимо участіе чувственнаго элемента, и притомъ въ формѣ упоевающей, чарующей ¹⁾, вслѣдствіе чего человѣкъ, столь склонный къ чувственнымъ наслажденiямъ, легко можетъ увлечься чувственностію и заслонить ею воспринимаемую въ чувственной формѣ идею и стать такимъ образомъ служителемъ чувственности; эгимъ путемъ человѣкъ можетъ быть привлеченъ къ самому постыдному служенiю чувственной страсти, а искусство будетъ служить для при

¹⁾ Здѣсь матерія и мысль находятся между собою не въ такомъ отношенiи, какъ напр. въ полезномъ, или въ наукѣ.

крытія ея. Вовторыхъ, органомъ искусства, какъ намъ извѣстно, служить фантазія, а особенность фантазіи и положенія ея въ духовномъ организмѣ человѣка такова, что фантазія легко беретъ верхъ надъ прочими способностями и переходитъ въ фантазированіе, въ безпорядочную игру представленій; тогда искусство становится для человѣка не выраженіемъ дѣйствительности въ ея совершенствѣ, въ ея истинности, и не напоминаемъ человѣку о томъ, что должно быть и къ чему онъ долженъ стремиться по назначенію Творца, а средствомъ для питанія въ себѣ несбыточныхъ мечтаній, къ построенію воздушныхъ замковъ; тогда человѣкъ становится неспособнымъ къ здоровому мышленію и къ здоровой дѣятельности. Слѣдовательно, искусство, хотя не можетъ быть, какъ мы видѣли, отождествляемо съ нравственною дѣятельностію, но тѣмъ не менѣе должно быть нормируемо нравственною идеей, должно „получать отъ нея гуманное освященіе и поставляться ею въ услугу здоровому культурному развитію и истинному прогрессу“¹⁾. И если обратимся къ исторіи искусства, то найдемъ, что напр. христіанство значительно возвысило искусство сравнительно съ состояніемъ его въ древнемъ мірѣ; стоитъ только сравнить принципы античнаго и христіанскаго искусства²⁾, или стоитъ только вспомнить, что у древнихъ грековъ, доведшихъ искусство до совершенства, первое мѣсто занимала пластика (скульптура), между тѣмъ въ христіанскомъ мірѣ она отступаетъ на второй планъ. Подобное же возвышающее и отрезвляющее вліяніе здоровой религіи на искусство найдемъ и въ исторіи искусства въ христіанскомъ мірѣ.

Во внутреннемъ сродствѣ съ искусствомъ находится наука. И то и другая имѣютъ задачу идеальное отображеніе дѣйствительности (бытія)³⁾. Потому рядомъ съ эсте-

¹⁾ *Эттименъ*, D. christl. Sittenlehre, s. 86.

²⁾ Чит. D. Entwicklungsgang d. relig. Malerei von Luthardt, s. 6.

³⁾ Только отображать въ различныхъ формахъ: искусство—въ формѣ конкретной, а наука—въ формѣ абстрактной.

тическимъ факторомъ исторіи мы ставимъ *интеллектуальный* факторъ, который въ общемъ счетъ будетъ, по нашему плану, пятымъ факторомъ исторіи. Близость этого фактора къ нравственному фактору и вообще отношеніе его къ нему опредѣляется тѣмъ общеизвѣстнымъ обстоятельствомъ, что практическая дѣятельность необходимо предполагаетъ знаніе этой дѣятельности, что воля руководится представленіями. При неразграниченности элементовъ духовной жизни человека и при недостаткѣ вѣрнаго и яснаго понятія сущности духа человеческого и высочайшей задачи и цѣли человеческой жизни, въ древнее время мудрецы смѣшивали интеллектуальную и моральную области. Изъ восточныхъ мудрецовъ въ особенности китайскіе (*Конфуцій*, *Лао-цзы*), а изъ греческихъ *Сократъ* и *Платонъ*. Виной недостатковъ и пороковъ считалось невѣрное или неясное знаніе, а потому нравственное улучшение человека поставляли въ исключительную зависимость отъ исправленія и уясненія знаній; соотвѣтственно тому добродѣтель представлялась изучимою, знаніе было равно добродѣтели, а заблужденіе—пороку. Взглядъ этотъ на отношеніе между нравственными дѣйствіями и знаніемъ былъ воскрешенъ новѣйшимъ пантеизмомъ (*Фихте*, *Гегель*), сгладившимъ вѣчно значеніе человеческой личности, свободу его воли, и превратившимъ человека въ исчезающій модусъ единой міровой сущности, достигающей на ступени человеческой знанія о себѣ. На вульгарную почву этотъ взглядъ перенесенъ *Боклемъ*, представителемъ раціонализма по настоящему предмету, считающаго умственное образованіе достаточно факторомъ нормальной дѣятельности.

Смѣшеніе нравственной области съ интеллектуальною еще шире раздвигаетъ и полнѣе сглаживаетъ границы нравственности, чѣмъ смѣшеніе ея съ эстетическою областью ¹⁾:

¹⁾ Такъ какъ умъ (представленія) дальше отстоитъ отъ воли (хотѣній), чѣмъ сердце (чувствованія).

между тѣмъ какъ и изъ психологiи, и изъ опыта еще легче видѣть неосновательность смѣшенiя первыхъ двухъ областей (прав. и интелл.), чѣмъ послѣднихъ (прав. и эстет.). Наблюдая психическую жизнь нашу, найдемъ, что процессы ума заканчиваются въ самихъ себѣ, въ своемъ внутреннемъ существѣ; между тѣмъ процессы воли направлены на достиженiе объективной цѣли, производятъ измѣненiя и преобразованiя въ объективномъ мiрѣ. Разница эта между функциями ума и воли основывается на томъ обстоятельстве, что сила познавательная направлена на онтологическую сторону универсума, а сила волящая (дѣятельная)—на телеологическую сторону его. А въ онтологическомъ отношенiи Творцемъ произведено абсолютное положенiе (*absoluta positio*) творенiя; власти надъ своимъ бытiемъ въ этомъ отношенiи творенiе не имѣетъ; въ онтологическомъ отношенiи оно есть существо страдательное, безусловно зависимое, подчиненное; „какъ мало тварное существо въ состоянiи сдѣлать изъ ничто нѣчто, столь же мало оно въ состоянiи перемѣнить положенныя въ немъ и вмѣстѣ съ нимъ качества“ ¹⁾. Слѣдоват. въ онтологическомъ отношенiи тварному существу остается только воспринимать, ассимилировать объективное бытiе; а это совершается силою познания, посредствомъ которой человекъ образуетъ идеально въ духѣ своемъ такой же точно мiръ, какой реально существуетъ вокругъ него; въ параллель макрокосму создаетъ въ себѣ микрокосмъ, какъ образъ и подобiе его ²⁾. Между тѣмъ въ телеологическомъ отношенiи задача творенiя—съ свободнымъ существомъ—человѣкомъ во главѣ—создавать то, чтѣ еще не существуетъ, такъ какъ существованiе его поставлено Творцемъ въ зависимость отъ творенiя; слѣдо-

¹⁾ *Каумхъ*, Ueber die Freiheit des Menschen, Prag, 1866, s. 39; System der Ethik, Prag, 1877.

²⁾ Конечно, и умъ можетъ быть названъ и часто называется и въ психологiяхъ, и на обыденномъ языкѣ продуктивнымъ, но только—въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, въ смыслѣ отображенiя или воспроизведенiя въ себѣ объективно существующаго.

вательно, тутъ человѣкъ проявляетъ активность (въ собственномъ смыслѣ этого слова), самодѣятельность своей воли,—не отображаетъ или воспроизводитъ только въ себѣ существующій независимо отъ него и навсегда неизмѣнно міръ, а вторгается въ него, производитъ въ немъ преобразованія ¹⁾. Конечно, и въ телеологическомъ отношеніи человѣкъ не есть вполне независимое, вполне свободное существо; если Творецъ есть полный и безусловный властитель творенія, то послѣднее во всѣхъ отношеніяхъ должно находиться въ безусловной зависимости отъ Творца, должно быть во всѣхъ моментахъ бытія и жизни своей предопредѣлено Имъ, слѣдовательно—и въ телеологическомъ; отъ Него должны исходить законы не только бытія (онтолог. стороны) творенія, во и существованія, жизни его (телеол. стороны). Но предопредѣленіе свободного творенія въ телеологическомъ отношеніи только идеальное, ему только указанъ путь и доставлена извѣстная сумма средствъ,—и потому все это составляетъ предметъ познанія, и слѣдоват. должно быть отнесено къ категоріи онтологической части творенія, какъ независимое отъ воли послѣдняго; реализація же телеологической идеи творенія, слѣдованіе этому пути и выборъ средствъ для достиженія указанной цѣли предоставленъ волѣ творенія. Потому то *Эттикенъ* основательно замѣчаетъ, что даже этика, имѣющая предметомъ своимъ нравственно-практическую жизнь, „поколикъ она есть наука, имѣетъ первую задачею не улучшать или измѣнять жизнь, а изслѣдывать законы и нормы ея“. „Потому логика и этика“, продолжаетъ онъ, „какъ научныя операціи, принадлежатъ одной и той же логической категоріи. Обѣ эти науки имѣютъ въ виду изслѣдованіе существующаго, установленіе абсолютно истинныхъ законовъ мышленія и дѣятельности. Между тѣмъ нравственность или нравственная работа пря-

¹⁾ И то до такой степени, что даже вводитъ въ міръ существенно новое, совершенно чуждое первоначальному бытію начало, именно зло, грѣхъ.

мо вторгается въ жизнь; она имѣетъ задачею образовывать или преобразовывать силою воли всѣ моменты жизни въ услуги единственной абсолютной цѣли жизни“¹⁾. Такимъ образомъ интеллектуальная область есть теоретическая область отношеній бытія, а нравственная область есть практическая область отношеній жизни; силою ума мы устанавливаемъ законы бытія и существованія (жизни), а силою воли дѣйствуемъ по этимъ законамъ. И если обратимся къ опыту, то найдемъ, что честная нравственная жизнь не есть необходимый спутникъ высокой культуры ума; можно быть специалистомъ въ этикѣ и въ тоже время проводить жизнь безнравственную, такъ какъ умъ (познанія) и воля (дѣятельность) не одно и тоже; въ народѣ сложилась даже поговорка—„кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ“²⁾. И наоборотъ—встрѣтимъ много людей нравственной жизни, но безъ высокаго умственнаго образованія, и даже безъ всякаго³⁾.

Но при такой разграниченности нравственной и интеллектуальной областей онѣ необходимо должны находиться и находятся между собою во взаимодействіи; и потому не удивительны склонность и попытки къ отождествленію ихъ. Значеніе культуры ума для образованія воли отмѣчено нами еще въ началѣ рѣчи нашей объ отношеніи между нравственнымъ и интеллектуальнымъ факторами, гдѣ замѣчено, что воля руководится представленіями, что умѣнье разумно дѣйствовать на практикѣ предполагаетъ знаніе законовъ дѣятельности. Это значитъ, что благо сначала должно быть достигнуто человѣкомъ въ формѣ истины; чтобы правильно дѣйствовать, чтобы поставлять себя въ правильное отношеніе къ различнымъ объектамъ дѣятельности, необходимо напередъ познать нормальное отношеніе свое къ этимъ объектамъ, необходимо сначала узнать, въ чемъ состоитъ

¹⁾ D. christl. Sittenlehre, s. 88.

²⁾ Изъ выдающихся историческихъ личностей укажемъ для примѣра на *Бэкона*, какъ на человѣка высоко-образованнаго, но мало нравственнаго.

³⁾ Для примѣра укажемъ на *Антонія великаго*, который проводилъ высокую святую жизнь, но былъ даже неграмотенъ.

правильная и въ чемъ состоитъ неправильная дѣятельность. Безъ этого же условія, безъ постоянного прогрессивнаго очищенія и уясненія духа ученіемъ, наукою, въ сужденіяхъ зарождаются предрасудки, а въ дѣйствіяхъ рутина. Примѣровъ на глазахъ нашихъ безчисленное множество,—и въ средѣ необразованныхъ, и въ средѣ образованныхъ классовъ общества. Если обратимъ вниманіе на массы нашего простаго (необразованнаго или малообразованнаго) народа, то встрѣтимъ въ немъ много личностей добродушныхъ и честныхъ, но не меньше встрѣтимъ и предрасудковъ и рутины вслѣдствіе недостатка образованія, вслѣдствіе непониманія истиннаго положенія вещей. Встрѣтимъ подобное явленіе (предрасудки и рутину) и въ средѣ образованныхъ людей, но отжившихъ свой вѣкъ, какъ обыкновенно выражаются, пожилыхъ, которымъ хотѣлось бы удержать тотъ взглядъ на міръ и вещи и тотъ порядокъ въ жизни и дѣятельности, которые умѣстны или неизбѣжны были прежде, при иныхъ обстоятельствахъ, и съ которыми они тѣсно сжились въ долгій свой вѣкъ; между тѣмъ жизнь не терпитъ застоя, она постоянно мѣняется и требуетъ соответствующей перемѣны и въ насъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ ней. Съ какою силою могутъ владѣть человѣкомъ предрасудки и рутина—это извѣстно изъ исторіи и опыта. Только образованіе, только наука предохраняетъ насъ какъ отъ предрасудковъ, освобождая насъ отъ индивидуальной ограниченности въ сужденіяхъ, отъ замкнутости въ себѣ, отъ обособленности отъ сужденій другихъ людей и всего человѣчества,—такъ и отъ рутины, доставляя разнообразныя точки зрѣнія для дѣятельности, и тѣмъ содѣйствуя подвижности послѣдней, предохраняя ее отъ однообразія, одноформенности, мертвечинности.

И наоборотъ—интеллектуальные процессы не могутъ совершаться безъ содѣйствія имъ моральнаго фактора. Это доказывается уже тѣмъ развитымъ нами въ своемъ мѣстѣ положеніемъ, что никакое знаніе не можетъ состояться безъ

вѣры¹⁾; а вѣра есть результатъ движенія не ума только, но и всего вообще человѣческаго духа. Такимъ образомъ уже въ корнѣ интеллектуальный процессъ обусловливается моральнымъ. Онъ обусловливается имъ и въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ. Вспомнимъ, что научное познаніе извѣстнаго предмета предполагаетъ вниманіе, интересъ къ этому предмету; а вниманіе и интересъ опредѣляются волею. Вспомнимъ, что въ нашемъ мышленіи мы отнюдь не довольствуемся законами ассоціаціи идей, а производимъ комбинаціи представленій свободно, слѣдовательно при участіи моральной силы; безъ этого условія не могло бы состояться познаніе истины, т. е. связываніе представленій не по субъективнымъ состояніямъ познающаго субъекта, а сообразно объективно существующимъ отношеніямъ между вещами. Ненапрасно, потому, въ мірѣ христіанскомъ науки стали разрабатываться въ такомъ широкомъ объемѣ и съ такою неутомимою ревностью, какъ не могли разрабатываться и не разрабатывались въ древнемъ мірѣ. „Хотя наука древнѣе христіанства“, скажемъ словами *Лютардта*, „такъ какъ корни ея лежатъ въ природѣ человѣческаго духа“²⁾, тѣмъ не менѣе какъ на одну изъ причинъ высокаго развитія наукъ въ періодъ христіанства надобно указать на моральное вліяніе, произведенное христіанствомъ на человѣчество. „Научное изслѣдованіе“, продолжимъ словами *Лютардта*, „невозможно безъ самоотверженія, безъ преданности и пожертвованія, безъ чувства къ чистой истинѣ“; а все это несравненно сильнѣе возбуждается въ человѣкѣ христіанствомъ, чѣмъ всякою другою религіей. „Научное изслѣдованіе есть нравственная работа, а не простая игра духа; потому истинная наука не должна быть отлучаема отъ нравственности... Когда Пифагоръ нашелъ свою знаменитую теорему

1) Чиг. Труды Ак. 1879, м. мартъ, стр. 322 и д. и іюнь, стр. 151. 170. 171.

2) Vorträge üb. d. Moral. d. Christenthums, s. 170.

квадратовъ прямоугольнаго треугольника, онъ привесъ предъ богами гекатомбу ¹⁾). Знаменитую книгу свою о движеніи планетъ Кепплеръ заканчиваетъ восторженнымъ прославленіемъ Божества. Истинные ученики науки всегда суть и ученики небесной мудрости, о которой ап. Іаковъ говоритъ, что она мирна, кротка, уступчива, непредзанята, нелицемѣрна. Что Бэконъ сказалъ о философiи, именно—что если ее поверхностно коснуться, то она отводитъ отъ Бога, а если основательно изучить, то она приводитъ къ Богу,—это надобно сказать и о наукѣ вообще. Чѣмъ больше мы углубляемся въ то, что познаемъ, тѣмъ больше оно отсылаетъ насъ къ Богу, который есть послѣдній и высочайшій предметъ науки, есть краеугольный камень въ зданіи бытія. А истинное познаніе Бога привязано къ откровенію Его во Христѣ. Наука требуетъ христіанства, а христіанство требуетъ науки. Потому что христіанство есть религія не обрядовъ только и церемоній, но и слова; оно не есть только дѣло внутренняго настроенія и чувства, но и міръ мыслей и познаній. Такимъ образомъ собственная природа его указываетъ на науку. Едва только оно создало себѣ почву въ мірѣ, какъ тотъ часъ же породило на полѣ своемъ и начатки научныхъ трактатовъ. Исторія христіанской церкви есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія богословія“ ²⁾).

Не безъ основанія поэтому въ настоящее время созрѣло требованіе тѣсной связи между наукою и жизнію. И въ публикѣ въ настоящее время заявляются требованія, чтобы научныя проблемы заимствовались изъ дѣйствительной жизни современнаго общества, и въ школахъ въ настоящее время уже сознано, что средневѣковая головоломня должна быть изгнана, что обученіе есть одно изъ воспитательныхъ средствъ, слѣдовательно должно быть воспитательнаго характера, должно полагать конечную цѣль свою не въ са-

¹⁾ Стотельная жертва.

²⁾ Vorträge, s. 171. 172.

момъ себѣ, а въ образованіи личности питомца, въ созданіи характера ¹⁾. И нѣтъ сомнѣнія, что это требованіе рачіонально, основано на истинномъ порядкѣ вещей,—и вотъ значитъ еще объясненіе легкой склонности къ отождествленію интеллектуальной и моральной областей. Мы не раздѣляемъ психологической теоріи *Гербарта*, по которой психическія силы—умъ, сердце (чувствованія) и воля суть не три основныя различныя силы, а одна, только проявляющаяся при различныхъ условіяхъ въ различныхъ формахъ,—не раздѣляемъ и метафизической теоріи новѣйшаго пантеизма, отнимающаго у воли человѣка положительную энергію, способную сопротивляться вліяющимъ на нее мотивамъ; тѣмъ не менѣе не забываемъ, что всѣ эти силы (умъ, чувствованія и воля) принадлежатъ одной и той же субстанціи, дѣйствуютъ на одной и той же почвѣ, и значитъ должны находиться между собою въ тѣснѣйшей связи; всякая перемѣна въ представленіяхъ, естественное дѣло, должна отражаться въ субстанціи духа, а такъ какъ въ субстанціи духа находятся не представленія только, но и чувствованія и хотѣнія, то значитъ въ субстанціи духа представленія наталкиваются на чувствованія и хотѣнія и производятъ въ нихъ соотвѣтствующія себѣ перемѣны,—не забываемъ также о метафизическомъ единствѣ, гармоніи всего существующаго; а такъ какъ достоинство человѣка состоитъ въ томъ, что онъ самъ опредѣляетъ свою судьбу на основаніи метафизическихъ свойствъ своего бытія, то значитъ центръ тяжести человѣческой личности долженъ быть помѣщенъ въ волю человѣка.

Послѣднимъ факторомъ исторіи ставимъ факторъ *индустріальный*. Въ этомъ терминѣ совмѣщаемъ представленіе о всякой вообще практической дѣятельности человѣка, направленной на обезпеченіе благополучнаго существованія чело-

¹⁾ Чит. въ Педагогикахъ *Керна*, *Циллера* и нѣк. др. педагоговъ главы о цѣли обученія.

вѣка на землѣ. Ясно, что пунктъ совпаденія этого фактора съ факторомъ нравственнымъ заключается въ томъ, что оба они падаютъ въ сферу *практической* дѣятельности человѣка. Склонность и стремленіе къ отождествленію этихъ двухъ факторовъ или къ затмѣнію послѣдняго первымъ получили широкіе размѣры и пустили глубокіе корни въ особенности въ нашъ „практическій“ вѣкъ. И обстоятельства благоприятствовали этому явленію. Съ одной стороны, разработка физико-математическихъ наукъ въ новѣйшее время сдѣлала возможнымъ изобрѣтеніе машинъ (различнаго рода инструментовъ), замѣнившихъ человѣческія руки механическими силами; а машинами обусловливается успѣхъ земледѣлія и промышленности; послѣднее же ведетъ къ развитію торговли, важную услугу которой оказываютъ желѣзныя дороги и пароходы, сокращая пространство и выигрывая человѣку время. Съ другой стороны, совмѣстно съ направленіемъ вниманія на физическую природу сталъ распространяться матеріализмъ, а отсюда — эвдемонистически-практическое направленіе; пріятнымъ и полезнымъ — вотъ чѣмъ исчерпывался интересъ современнаго человѣка. Въ особенной силѣ это направленіе (индустріальное) въ Англіи и Сѣверо-американскихъ Штатахъ; а какъ на представителей — теоретиковъ этого направленія укажемъ на *Бюкля* и *Лекки*.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ вездѣ, такъ и въ настоящемъ ученіи и направленіи есть доля истины. Элементъ истины заключается здѣсь, съ одной стороны, въ томъ, что для достиженія высочайшей цѣли своей жизни человѣку необходимо до извѣстной степени властвовать надъ природою, распоряжаться ея силами; съ другой стороны — въ томъ, что для легкаго и удобнаго движенія человѣческаго духа въ высшемъ мірѣ идей и идеаловъ необходима извѣстная степень матеріальнаго обезпеченія, необходимо умѣренное удовлетвореніе низшихъ потребностей человѣческой природы; какъ опасенъ излишекъ послѣдняго, такъ неблагопріятенъ и недостатокъ его. Но полную истину можно было бы при-

знать за подобнымъ ученіемъ и направленіемъ въ томъ только случаѣ, еслибы потребности человѣка ограничивались потребностями животнаго, еслибы вся забота человѣка состояла въ томъ, какъ бы повыгоднѣе пожить на землѣ. Между тѣмъ исторія и опытъ показываютъ, что и при всемъ изобиліи матеріальныхъ средствъ человѣкъ не можетъ оставаться спокойнымъ, если при этомъ неудовлетворены высшія духовныя потребности его,—что онъ носитъ въ глубинѣ духа своего гложущаго червя, который не даетъ возможности мирно уснуть безбожному богачу; исторія свидѣтельствуетъ, что народы богатые въ экономическомъ отношеніи, но испортившіеся нравственно, повергались въ погибель, слѣдовательно несправедливо положеніе современныхъ экономистовъ, что съ умноженіемъ экономическаго богатства настанетъ золотой вѣкъ; опытъ даетъ намъ знать, что въ человѣкѣ спорятъ два начала—начало духа и начало плоти, и что для того, чтобы остаться вѣрнымъ первому, какъ высшему, часто приходится подавлять послѣднее, какъ низшее; и исторія и опытъ говорятъ, что богатство опаснѣе бѣдности. Высочайшимъ принципомъ человѣческой жизни не можетъ быть поставленъ принципъ пользы и удовольствія въ земной жизни, такъ какъ въ этомъ случаѣ вся дѣятельность человѣка будетъ основываться на эгоизмѣ, хотя бы то и „разумномъ“; а преслѣдуя эгоистическій интересъ, человѣкъ, значить, не признаетъ обязанностей, которыя стояли бы выше его и обуздывали его произволъ силою непреложнаго закона; обязанности свои онъ производитъ изъ своихъ индивидуальныхъ интересовъ, слѣдовательно ворочаетъ ими по своимъ желаніямъ и прихотямъ, и значить не знаетъ долга, которому онъ обязанъ слѣдовать, хотя онъ находится въ противорѣчій съ его личными интересами; при такомъ началѣ жизнедѣятельности нѣтъ внутренней гарантіи противъ войны всѣхъ со всѣми.

Такимъ образомъ успѣхи человѣка въ индустріальномъ отношеніи не могутъ быть признаны высочайшимъ благомъ

человѣка и поставлены высочайшею цѣлію жизни его, они суть только относительное благо для человѣка, составляютъ относительную цѣль его жизни; слѣдовательно, какъ относительное, условное, должны быть поставлены въ услугу безотносительному, безусловному. Поколику это происходитъ, потолику индустріальные успѣхи сохраняютъ значеніе и достоинство свое для человѣка и служатъ нравственности; а поколику этого не существуетъ, поколику они становятся самоцѣлію, потолику они теряютъ значеніе и достоинство для человѣка и тормозятъ нравственное развитіе его; подавляя въ немъ высшіе интересы и развивая интересы низшіе.

Если захотимъ обобщить разсмотрѣнные нами факторы исторіи, то можемъ подвести ихъ подъ слѣдующія три категоріи—фактора *религіозно-нравственнаго, политико-индустріальнаго и интеллектуально-эстетическаго*. Первый дѣйствуетъ и выражается по преимуществу въ *церкви*, второй—въ *государствѣ*, третій—въ *школахъ*. Первая служитъ высшимъ оживляющимъ и одухотворяющимъ началомъ для послѣднихъ. А если бы захотѣли произвести еще большее обобщеніе факторовъ исторіи, то пришли бы къ тѣмъ самымъ общимъ факторамъ, изъ которыхъ мы вышли выше; а такими общими факторами признаны нами *духъ*, развивающійся на почвѣ *физической природы*. Хотя, правда, разсмотрѣнные нами частные факторы или силы исторіи суть силы, принадлежація духу, но физическая природа всегда служить, такъ сказать, подкладкой для обнаруженій духа, и этимъ способомъ принимаетъ участіе въ движеніи исторіи. „Я“ обусловливается „не-я“ (*Фихте*).

Развитіе и совершенствованіе духа, развивающагося на почвѣ физической природы, обозначимъ терминомъ *культурированіе, культура*,—терминомъ весьма употребительнымъ въ настоящее время. А такъ какъ развитіе и совершенствованіе предполагаютъ постепенное и непрерывное восхожденіе отъ низшаго къ высшему, постоянное движеніе вверхъ, то культура подлежитъ закону *прогресса*,—терминъ столь же

обычный въ настоящее время ¹⁾). Если обратимъ вниманіе на историческое значеніе слова культура, то найдемъ, что подъ нимъ разумѣтся развитіе присущихъ челоѣку способностей и силъ, направленныхъ на благополучное и достойное челоѣка, какъ существа, стоящаго во главѣ творенія, существованіе его на землѣ. Въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова, въ которомъ культурѣ противопоставляютъ христіанство ²⁾), мы можемъ счесть терминъ культура равнозначительнымъ съ терминомъ *образованіе* (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), обозначающимъ развитіе ума съ проистекающими отсюда слѣдствіями. Но если обратимся къ этимологіи этого слова ³⁾), то найдемъ, что подъ нимъ можно разумѣть всякое вообще развитіе и совершенствованіе челоѣческаго духа, совершаемыя подъ какими бы то нибыло вліяніями и направляемыя къ какимъ бы то нибыло цѣлямъ, слѣдовательно—и подъ вліяніемъ христіанства и направляемыя на высшій, трансцендентальный порядокъ вещей. И если прослѣдимъ „культурныя исторіи“, въ такомъ изобиліи появляющіяся въ наши дни, то найдемъ, что онѣ вводятъ въ кругъ своего разсмотрѣнія все безъ исключенія, что можетъ быть объектомъ челоѣческой дѣятельности, не исключая и религіи. Въ этомъ широкомъ смыслѣ мы и понимаемъ въ настоящемъ мѣстѣ терминъ культура. Въ этомъ смыслѣ культурное развитіе челоѣка мы можемъ отождествить съ раз-

¹⁾ Въ большомъ употребленіи въ настоящее время и терминъ *цивилизация*; но то, что обозначается словомъ цивилизація, входитъ у насъ въ сферу культуры, какъ часть ея.

²⁾ Объ отношеніи между культурою и христіанствомъ въ настоящее время много пишутъ. Кроімъ статей въ разныхъ журналахъ, укажемъ для примѣра на сочиненія: *Humanität und Christenthum von Kritzer*, 1, 11, Bde, Gotha, 1866—67; *Christenthum und moderne Cultur von Hamberger*, I—III The, Erlangen, 1863—75; *Christenthum und Cultur von Disselhoff*, Vortrag, Gotha, 1869; *Cultur und Christenthum von Conradi*, Vortrag, Wiesbaden, 1868.

³⁾ *Cultura* (отъ *colere* заботиться, обрабатывать)=обработка, отдѣлка, образованіе.

витіємъ къ *чужданности* (терминъ также обычный въ настоящее время), понимая подъ нимъ развитіе всего безъ исключенія того, что есть въ человѣкѣ, къ чему способенъ онъ, слѣдовательно отнюдь не исключая религіознаго элемента и основаннаго на немъ нравственнаго. Соотвѣтственно тому и терминъ прогрессъ, закону котораго подлежить, какъ мы сказали, культура, мы понимаемъ не въ смыслѣ частномъ, какъ часто понимается онъ въ настоящее время, не въ смыслѣ прогрессивнаго движенія человѣческаго общества въ пользованіи выгодами земной жизни, обусловленномъ познаніемъ природы и примѣненіемъ ея силъ въ интересахъ человѣческой жизни, а въ смыслѣ приближенія человѣка и всего человѣческаго общества къ тому совершенству, которое соотвѣтствуетъ конечному назначенію человѣка.

Изъ сказаннаго видно, какъ мы рѣшаемъ животрепещущій въ настоящее время вопросъ объ отношеніи между „культурой“ и „христіанствомъ“. Мы не только не считаемъ враждебными эти двѣ силы жизни, а, напротивъ, считаемъ ихъ необходимо требующими другъ друга, пополняющими другъ друга. Хотя между ними существуетъ различіе,— „культура *отъ* человѣка, а христіанство *для* человѣка“¹⁾),— но отсюда еще не слѣдуетъ противорѣчіе ихъ другъ другу; „существующее другъ *при* другѣ необходимо должно существовать и другъ *для* друга, и даже другъ *съ* другѣ, если хотимъ получить успѣшное существованіе ихъ другъ *при* другѣ“²⁾). Значеніе христіанства для культуры въ настоящее время можно считать общепризнаннымъ, и чтобы убѣдиться въ значеніи его для этой цѣли, стоитъ только обратиться къ исторіи. Здѣсь мы найдемъ, что разумъ и наука не могли спасти человѣка, не могли быть довлѣющею очистительною силою для него; этимъ могло быть только христіанство. Здѣсь мы увидимъ, что самые культурные на-

¹⁾ Конради, *Cultur u. Christenthum*, s. 31.

²⁾ Ibid.

роды древности—греки и римляне низвергаются съ культурной высоты въ погибель вслѣдствіе религіозно-нравственнаго упадка ¹⁾. Потому задача современнаго культурнаго поколѣнія состоитъ именно въ томъ, чтобы правильнымъ образомъ сочетать въ гармоническое цѣлое достигнутую имъ „культуру“ и христіанство, чтобы сдѣлать послѣднее душою первой. По настоящее время культурное поколѣніе достигло значительныхъ утѣшительныхъ результатовъ, изъ которыхъ, какъ на основныя, укажемъ, съ одной стороны (въ области духа), на уваженіе къ личности каждаго человѣка и, съ другой стороны (въ области отношеній между духомъ и матеріей), на приобрѣтенія, сдѣланныя современнымъ человѣкомъ въ области эмпирическихъ наукъ, и примѣненія ихъ къ практической жизни. Но рядомъ со свѣтлыми сторонами современнаго культурнаго развитія есть довольно и темныхъ сторонъ, основныя изъ которыхъ суть—недостатокъ вниманія и уваженія къ высшему авторитету, которому въ послѣднемъ основаніи должна быть подчинена человѣческая свобода (а отсюда—произволъ), а съ другой стороны—перевѣсъ, предоставляемый матеріальной сторонѣ надъ духовною ²⁾. Задача, говоримъ, современнаго поколѣнія выправить и сгладить эти недостатки.

Кстати привести здѣсь интересное мѣсто изъ этики *Мартензена*. „Въ настоящее время“, пишетъ онъ, „какъ нельзя болѣе кстати припомнить миѣ о Прометѣѣ. Прометей—это титанъ, который называется въ миѣ „хищникомъ“. Этотъ хищникъ не побоялся стать равнымъ богамъ и похитить огонь съ неба. Онъ тотъ благодѣтель челоѣчества, который доставилъ людямъ культуру и цивилизацію, всѣ искусства и науки. Онъ сдѣлалъ людей образованными

¹⁾ Мысль эта проведена въ комедіяхъ *Аристофона* и въ нѣкоторыхъ одахъ *Горація*.

²⁾ Чт. Licht-und Schattenseiten der gegenwärtigen Culturentwicklung von *Goltz*, Vortrag, Hamburg, 1871.

и сообразительными, но не благочестивыми и добрыми, а напротивъ—высокомѣрными и противящимися, подобно ему, небеснымъ силамъ. Ихъ знаніе—безъ страха Божія, ихъ свобода—безъ послушанія и благоговѣнія. Такъ какъ люди достигли культуры этимъ незаконнымъ путемъ, то Прометей, какъ представитель человѣчества, въ наказаніе былъ прикованъ, по волѣ Зевса, къ скалѣ, гдѣ коршунъ выклевывалъ ему печень, которая все вновь нарастала. Всякій третій день возвращался „крылатый пестъ Зевса“ и пожиралъ выросшую печень.—„Незамирающая“ печень—это образъ пожеланій и страстей, а коршунъ, съѣдающій печень всякій разъ, коль скоро она нарастаетъ, это образъ страданій и мученій, неотдѣлимыхъ отъ страстей; самъ же Прометей среди мукъ—это образъ человѣческаго „я“, отрѣшившагося отъ общенія съ Богомъ. Цѣлью желѣзной необходимости онъ прикованъ къ пустынной скалѣ дѣйствительности, въ продолженіе тысячелѣтій онъ остается жертвою несказанныхъ страданій, отъ которыхъ его освобождаетъ только Гераклъ, божескій сынъ, умерщвляющій коршуна своею стрѣлой и раздробляющій оковы,—это образъ Спасителя, доставившаго спасеніе провинившемуся и связанному роду человѣческому. Прометей не есть мысль, выдуманная человѣкомъ, говоритъ *Шеллингъ*, а есть одна изъ тѣхъ первомыслей, которыя сами собою тѣснятся къ реальному существованію. Не духъ греческаго только народа приносить въ этомъ миѣ тайное покаяніе, признавая себя свободнымъ, но въ то же время связаннымъ, такъ какъ свобода его незаконна, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражая надежду на будущее освобожденіе,—въ этомъ миѣ говоритъ духъ человѣческаго рода вообще. Этотъ миѣ общечеловѣческаго, универсальнаго содержанія. И въ наше время миѣ о Прометѣ встрѣтилъ новое довольно рѣзкое выраженіе. Никто не станетъ оспаривать, что во многихъ отношеніяхъ современное поколѣніе достигло своего культурнаго богатства, сокровищъ познанія и господства надъ природою не инымъ путемъ, какъ прометеевскимъ. Въ сво-

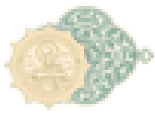

ей эмансипации отъ вѣры, отъ послушанія и любви къ Богу, оно хвалится, что достигло всего этого собственными силами, собственнымъ разумомъ. Потому-то, не смотря на свою эмансипированную свободу, оно связано, предано въ жертву тайнымъ мученіямъ и сердечной тоскѣ, злосчастной бурной пустынь въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Постоянно томится оно по свободѣ; но не смотря на неустанное стремленіе къ цивилизаціи и безмѣрную борьбу за свободу, напрасно оно надѣется освободиться отъ оковъ своихъ. Оно можетъ освободиться отъ нихъ не само собою, а путемъ, ведущимъ извнѣ во внутрь,—путемъ, указаннымъ ему въ евангеліи Христа¹⁾.

М. Оленичкій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ D. christl. Ethik, s. 67--69.

ВЗГЛЯДЪ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ НА ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ

ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМЪ ДАННЫМЪ.

Современная европейская культура не есть дѣло случая. Она исторически развивалась подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и слагалась изъ разнообразныхъ элементовъ. Каждый изъ историческихъ народовъ вносилъ что нибудь въ общую ея сокровищницу. Но ни одинъ вкладъ не былъ такъ богатъ, какъ тотъ, который внесли древне-классическіе народы, греки и римляне. Римскій народъ, усвоивъ греческую цивилизацію, далъ ей дальнѣйшее развитіе, вслѣдствіе котораго она легла въ основу современного европейскаго образованія и во многихъ пунктахъ такъ тѣсно слилась съ нимъ, что не легко отдѣлать всѣ эти основные элементы отъ дальнѣйшихъ приращеній. Тѣмъ не менѣе для пониманія общаго хода человѣческаго развитія и для уясненія характера современной жизни вообще и въ особенности въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ весьма важно знать, чѣмъ отличается современное міровоззрѣніе отъ древняго? Чѣмъ обладала древность и чего ей недоставало, что дала она намъ и что было результатомъ дальнѣйшаго развитія?

Различіе между современнымъ и древнимъ міровоззрѣніемъ нигдѣ не обнаруживается съ такою силою, какъ въ области предметовъ, выходящихъ изъ предѣловъ непосредственнаго, опытнаго знанія, въ области нравственности и религіи, и въ особенности въ воззрѣніи на смерть и на загробную участь человѣка. Здѣсь ясно видна та граница, далѣе которой не было въ силахъ переступить древнее че-

довѣчество, не смотря на свое высокое развитіе. Мы не говоримъ о тѣхъ разнообразныхъ, часто взаимно-противорѣчивыхъ фантастическихъ вымыслахъ, которыми древній міръ старался восполнить отсутствіе опредѣленныхъ представлений, положительнаго знанія, что въ особенности замѣчается въ литературныхъ памятникахъ древнихъ грековъ, которые, какъ народъ въ высшей степени поэтической и созерцательный, отъ спокойно-серьезнаго разсмотрѣнія предмета легко переходили къ поэтически-фантастическому представленію или теоретически-идеальному созерцанію. Мы предпочитаемъ сосредоточить вниманіе на міровоззрѣніи древнихъ римлянъ, которые, хотя нерѣдко находились подъ несомнѣннымъ греческимъ вліяніемъ, однако, какъ люди чрезвычайно положительные, всегда оставались въ сущности вѣрны своему характеру, дававшему имъ возможность спокойно, трезво относиться къ дѣлу. Эта особенность ихъ характера преимущественно обнаруживается въ ихъ воззрѣніи на смерть, потому что уже самый предметъ,—мысль о неизбѣжно предстоящей разлукѣ съ жизнью, объ утратѣ близкихъ лицъ, о таинственной будущности по смерти и т. под.,—дававшій богатую пищу для фантазіи людей, обладавшихъ живымъ воображеніемъ (каковы были напр греки), побуждалъ римлянъ къ особой серьезности и искренности. Поэтому при разсмотрѣніи вопроса о смерти и загробной участи мы скорѣе всего можемъ ознакомиться съ дѣйствительными воззрѣніями римлянъ, съ ихъ истиннымъ образомъ мыслей и чувствъ, а слѣдовательно и съ тѣмъ, какими надеждами въ древнее время жило человѣчество, чего недоставало самымъ цивилизованнымъ народамъ древняго міра и что, въ восполненіе этихъ недостатковъ, принесла намъ христіанская религія.

Но гдѣ же мы можемъ видѣть истинное выраженіе воззрѣній древнихъ римлянъ на занимающій насъ вопросъ? Какіе памятники этого народа, уже давно окончившаго свое существованіе, заслуживаютъ въ данномъ случаѣ предпочтеніе?

Воззрѣнія человѣческія нигдѣ не могутъ быть выражены съ такою полнотою и опредѣленностію, какъ въ словѣ. Поэтому литературныя памятники служатъ обыкновенно главнымъ источникомъ для изученія воззрѣній древнихъ цивилизованныхъ народовъ. По относительно занимающаго насъ вопроса мы необходимо должны сдѣлать нѣкоторое ограниченіе. Хотя римляне съ самыхъ первыхъ временъ существованія своего государства были знакомы съ письмомъ, однако они сначала пользовались имъ лишь для государственныхъ и нравственно-религіозныхъ цѣлей и не придавали литературной формы своимъ произведеніямъ. Когда же, вслѣдствіе ознакомленія съ греческимъ образованіемъ, начали они заниматься литературою, то послѣднія, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ своего развитія, настолько подчинилась греческому вліянію, что часто служила выраженіемъ чуждыхъ, иноземныхъ воззрѣній, отодвигая національно-римскій элементъ на задній планъ. Сверхъ того литература римлянъ, какъ и другихъ народовъ, носить болѣе или менѣе идеальный характеръ сообразно съ тѣмъ отношеніемъ, которое повсюду существуетъ между литературою и жизнію народа. Нельзя не обратить вниманія также и на то обстоятельство, что римляне, какъ народъ по преимуществу практической, старались свои воззрѣнія осуществлять въ жизни. Самая религія ихъ была чужда мистически-поэтическихъ созерцаній грековъ, но состояла главнымъ образомъ въ культѣ, преслѣдуя собственно лишь нравственно-практическія цѣли. Поэтому лучше всего изучать древне-римскія національныя воззрѣнія, гдѣ это возможно (а возможность эта вполнѣ представляется по отношенію къ данному вопросу), по ихъ нелитературнымъ письменнымъ произведеніямъ и по богослужебнымъ обрядамъ, а затѣмъ уже и по литературнымъ памятникамъ. Такимъ образомъ главнымъ источникомъ для насъ должны служить надписи и въ особенности эпитафіи, которыя „полнѣе, непосредственнѣе и яснѣе всего представляютъ намъ дѣй-

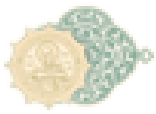
ствительность римской жизни во всѣхъ ея направленіяхъ и въ самой богатой полнотѣ ея индивидуальных особенностей¹⁾, и которые „ни на одинъ вопросъ не проливаютъ столько свѣта, какъ на этотъ“²⁾, хотя изслѣдователи древне-римской религіи обыкновенно мало обращаютъ вниманія на нихъ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду также погребальныя обряды и литературныя сообщенія древнихъ писателей. Что же касается до скульптурныхъ символическихъ изображеній на погребальныхъ монументахъ³⁾, то правильное пониманіе ихъ возможно лишь по изученіи эпиграфическихъ и литературныхъ памятниковъ, тѣмъ болѣе что эти изображенія, представляющія глубокий интересъ по своему содержанию, относятся къ эпохѣ подчиненія римлянъ греческому образованію, наукѣ и искусству,—всѣ они, за немногими исключениями, относятся ко временамъ имперіи и выражаютъ воззрѣнія не столько національно-римскія, сколько греческія.

Уже географическое положеніе Рима и дошедшія до нашего времени скудныя, темныя свѣдѣнія о его происхожденіи и первоначальной судьбѣ показываютъ, что древнѣйшіе обитатели его должны были находиться подъ непосредственнымъ цивилизующимъ вліяніемъ тѣхъ племенъ, которые его окружали и изъ соединенія которыхъ образовалось обширное римское государство, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ болѣе древнія, уже до основанія Рима достигли значительной степени культуры. Это вліяніе ближайшихъ къ Риму какъ по географическому положенію и общимъ физическимъ условіямъ жизни, такъ большею частію по языку и племенному

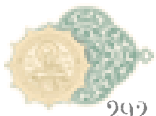
¹⁾ *Zell*, Handb. d. röm. Epigraph. 1874, II Th. s. III.

²⁾ *Буассе*, Рим. религія отъ Авг. до Антон., пер. *Корсака*, 1878, стр. 243.

³⁾ Погребальными монументами мы называемъ всѣ тѣ памятники, которые устраивались надъ мѣстами погребенія или въ которыхъ полагались трупы и прахъ умершихъ,—урны, саркофаги, надгробные камни и т. под.

родству италійскихъ народовъ, обнаруживающееся въ политическихъ учрежденіяхъ, религіи, языкѣ и обычаяхъ древняго Рима, легло въ основу всего послѣдующаго его развитія, которое поэтому можно назвать національнымъ. Но впослѣдствіи Римъ встрѣтился съ другою, гораздо болѣе сильною культурою, греческою, и, какъ слабѣйшій по своему развитію, долженъ былъ подвергнуться ея могущественному вліянію. Это новое вліяніе гораздо замѣтнѣе отразилось, чѣмъ первое, какъ потому, что греческая цивилизація была несравненно выше древне-италійской, такъ и потому, что она была менѣе близка римлянамъ, нежели древне италійская, уже по самому мѣсту и условіямъ своего развитія. Поэтому въ исторіи Рима съ особою яркостію выдаются два періода: 1) періодъ національнаго развитія и 2) періодъ развитія подъ вліяніемъ греческой культуры. Хотя греческое вліяніе очень рано обнаружилось въ различныхъ областяхъ древне римской жизни и особенно въ литературѣ, однако народно-религіозныя воззрѣнія до конца республики, насколько можно судить по эпиграфическимъ даннымъ, очень мало подчинились ему. Лишь съ начала имперіи оно начинается обнаруживаться въ области народной религіи съ значительною силою. Такимъ образомъ гранью, отдѣляющею первый періодъ отъ втораго, по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу, можетъ служить конецъ римской республики. При этомъ само собою разумѣется, что наиболѣе важное значеніе для насъ долженъ имѣть первый періодъ. Хотя эпиграфическія данныя этого періода весьма кратки и малосодержательны, какъ и вообще бѣдна національно-римская мифологія и религія, тѣмъ не менѣе они представляютъ для насъ высокій интересъ, потому что въ нихъ наиболѣе выразились древне-римскія народно-религіозныя воззрѣнія, между тѣмъ какъ въ надписяхъ временъ имперіи нерѣдко выражаются воззрѣнія, заимствованныя изъ философіи, религіи и мифологіи грековъ.

І. Эпиграфическія данныя изъ временъ республики.

Роскошная природа Италіи, съ особою силою проявляющаяся въ богатомъ разнообразіи формъ растительной и животной жизни, возбуждала въ древнихъ обитателяхъ этой страны особую любовь къ жизни. Они высоко цѣнили жизнь и старались, насколько было возможно, насладиться всѣми, представляемыми ею благами. Ихъ мысль, повидимому, мало была занята вопросомъ о томъ, что должно послѣдовать по окончаніи земной жизни. „Пей, ѣшь и наслаждайся“, — этотъ эпикурейскій принципъ, повидимому, вполне соотвѣтствовалъ ихъ взглядамъ и стремленіямъ.

Но тѣмъ болѣе должна была беспокоить ихъ мысль о неизбѣжной смерти. Чѣмъ пріятнѣе жизнь, чѣмъ выше цѣнить ее, тѣмъ непріятнѣе разставаться съ нею. Это горькое чувство предстоящей тяжелой разлуки съ жизнью слышится у римлянъ даже въ самыхъ шумныхъ восторгахъ радости, среди самыхъ бурныхъ наслажденій земными благами. Древніе римляне ни къ чему не относились съ такою серьезностью, какъ къ вопросу о смерти. Законы, касавшіеся отношеній живыхъ людей къ умершимъ, оказанія послѣднихъ почестей умершимъ, права собственности на могильные монументы и т. под., были обставлены самыми мельчайшими подробностями. Римляне не жалѣли средствъ, чтобы достойнымъ образомъ отдать послѣдній долгъ умершему (*justa facere*). Не только богатые патриціи, но и бѣдные плебеи, мелкіе чиновники, ремесленники, рабы и вольноотпущенники ни о чемъ, повидимому, такъ не заботились, какъ о томъ, чтобы они и члены ихъ семействъ надлежащимъ образомъ были погребены и поминаемы и чтобы ихъ имя было обозначено по смерти на ихъ урнѣ, гробѣ или простомъ камнѣ, если они не были въ состояніи устроить себѣ при жизни богатый монументъ. Нѣкоторые изъ нихъ доходили въ этомъ отношеніи до крайностей, дѣлали чрезвычайно большіе расходы, которые даже правительство рим-

ское, относившееся весьма осторожно къ проявленіямъ нравственно-религіозныхъ чувствъ, находило нужнымъ ограничивать ¹⁾. Не въ характеръ римлянина, на все смотрѣвшаго съ точки зрѣнія пользы, было бы дѣлать все это лишь изъ желанія сохранить память о себѣ, изъ-за одной славы. Какъ бы ни были сильны эти послѣднія побужденія, однако въ данномъ случаѣ мы должны предполагать еще другіе, болѣе важные мотивы. Эти погребальныя монументы, эти эпитафіи, по совершенно вѣрному замѣчанію *Цицерона* ²⁾, показываютъ, что мысль ихъ устроителей была обращена къ *будущему*, и не къ земному только, а и къ тому, которое ожидаетъ человѣка по смерти, въ загробномъ мірѣ. Они служатъ такимъ образомъ несомнѣнными свидѣтелями твердой вѣры римлянъ въ *безсмертіе*.

Впрочемъ самыя древніе изъ сохранившихся римскихъ погребальныхъ монументовъ очень просты и чужды всякой роскоши. Они имѣютъ очень мало скульптурныхъ и т. под. украшеній и состоятъ большею частью изъ простаго камня, урны, гроба и т. под. съ обозначеніемъ на нихъ только имени умершаго. Назначеніемъ этихъ надписей служило, повидимому, лишь обозначеніе мѣста погребенія того или другаго лица. Роскошныя погребальныя монументы съ скульптурными богатыми украшеніями и подробными, нерѣдко стихотворными, эпитафіями, встрѣчающіеся у римлянъ со времени пуническихъ войнъ и въ особенности со времени имперіи, обязаны своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ вліянію грековъ. Такъ, на древнихъ погребальныхъ монументахъ, найденныхъ въ Тускулѣ (въ гробницѣ *Фуриевъ*) и въ городѣ Пренесте, обозначены лишь имена умершихъ, нерѣдко впрочемъ съ присоединеніемъ имени отца и

¹⁾ Подобнаго рода ограниченія встрѣчаются уже въ законахъ XII таблицъ,—см. *Cicer. de legib.* II, 9, 22; II, 24, 60.

²⁾ *Quid ipsa sepulcrorum monumenta, quid elogia significant, nisi nos etiam futura cogitare. Cicer. Tuscul.* I, 14.

иногда—дѣда ¹⁾). Исключеніе составляютъ лишь нѣкоторыя изъ надгробныхъ надписей Сципіоновъ, можетъ быть потому, что родъ Сципіоновъ отличался особою любовію къ греческому образованію, подъ влияніемъ котораго нѣкоторые изъ Сципіоновъ могли дѣлать на гробницахъ подробныя эпитафіи, составленныя иногда, подобно греческимъ, даже стихами ²⁾). Но и въ этихъ эпитафіяхъ нѣтъ ничего такого, что непосредственно знакомило бы насъ съ воззрѣніями римлянъ на смерть и на загробную участь. Онѣ наполнены лишь воспоминаніями о земной жизни умершихъ и состоятъ въ прославленіи ихъ нравственныхъ достоинствъ, военныхъ подвиговъ, отличій, полученныхъ на поприщѣ общественной дѣятельности, и т. под. Только въ одной изъ этихъ надписей, относящейся уже впрочемъ къ концу VI вѣка, встрѣчаются нѣкоторыя интересныя указанія по занимающему насъ вопросу, и именно въ эпитафіи того изъ Сципіоновъ, который былъ сыномъ Сципіона Африканскаго Старшаго и которымъ былъ усыновленъ Сципіонъ Африканскій Младшій ³⁾). Вотъ эта надпись, находящаяся теперь въ Ватиканскомъ музеѣ:

QVEI. APICE INSIGNE. DIAL(is) (f)AMINIS. GESISTEI
MORS. PERFE(cit) TVA. VT. ESSENT. OMNIA
BREVIA. HONOS FAMA. VIRTVSQVE
GLORIA. ATQVE. INGENIVM. QVIBVS SEI
INLONGA LICV(ō)SET. TIBE VTIER. VITA
FACILE. FACTEIS SVPERASES. GLORIAM
MAIORVM QVA. RE. LVBENS. TE. IN GREMIV

¹⁾ Aptronia (Corpus inscript. latin. vol. I, ed. Mommsen, 1863, n. 82= Sylloge inscript. latin., ed. Garrucci, 1875—1877, n. 601); Cn. Fourio (Momms. 72=Garr. 581); C. Avilios (M. 85=G. 607); P. Fou. C. f. (M. 66=G. 574); Fourio M. f. C. f. (вмѣсто послѣдняго f, т. е. filios, здѣсь должно быть n, т. е. nepos, см. Momms. 71=Garr. 580) и друг.

²⁾ Momms. 30, 32—34=Garr. 880, 865, 881, 882.

³⁾ Momms. 33=Garr. 881.

SCIPIO RECIP(i)T. TERRA. PVBLI
PROGNATVM. PVBLIO. CORNELI¹⁾.

Здѣсь, прежде всего замѣчается выраженіе горькихъ жалобъ на смерть, полагающую конецъ славной жизни. Подобнаго рода жалобы на кратковременность жизни, на жестокость судьбы, на ненавистныхъ Парокъ, происходящія очевидно изъ возрѣнія на смерть, какъ на зло или какъ на несчастье, лишшающее человѣка возможности пользоваться земною жизнію, очень часто встрѣчаются въ древнихъ эпитафіяхъ, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо умиралъ преждевременно, въ юности²⁾. По понятію римлянъ, у которыхъ чувство справедливости и законности по преимуществу было развито, смерть хотя составляетъ неизбѣжный удѣлъ всѣхъ людей³⁾, однако ей должны подвергаться лишь тѣ, которые не хотѣли воспользоваться ею достойнымъ образомъ, или которые уже успѣли насладиться благами ея, достигнувъ глубокой старости. Она такимъ образомъ должна служить или завершеніемъ жизни людей, достигшихъ старости, или наказаніемъ за пороки. Поэтому преждевременная смерть лицъ, не запятнавшихъ себя позорною жизнію, казалась римлянамъ незаслуженнымъ наказаніемъ со стороны жестокой судьбы, выраженіемъ несправедливаго гнѣва боговъ⁴⁾.

¹⁾ То есть: Носившій славное головное украшеніе Юпитерова жреца,
Смерть твою совершила то, что все было
Коротко: почетъ, репутація и доблесть,
Слава и дарованіе, которыми если бы
Тебѣ можно было пользоваться въ теченіе долговременной жизни,
То легко ты превзошелъ бы дѣяніями славу
Предковъ, вслѣдствіе чего тебя охотно въ нѣдро
Приняла земля, Публий Сципіонъ
Корнелій, сынъ Публия.

²⁾ Напр. *Momms.* 1008=*Garr.* 1326; *M.* 120?*=G.* 1574.

³⁾ *Moriundum scio* (*M.* 1019=*G.* 1337); *cogitato te hominesse et scito moriendust* (*Garr.* 1530); *hoc veniundum est tibi* (*M.* 1434=*G.* 2148).

⁴⁾ *Me heice situm immature.* . (*M.* 1049=*G.* 1383); *pueri virtus indigne occidit quouis fatum acerbum populus indigne tulit magnoque fletu funus*

Но римляне неохотно мирились съ мыслию о смерти, какъ о естественномъ явленіи, даже и въ томъ случаѣ, если ей подвергались лица зрѣлаго возраста. Они вообще смотрѣли на смерть (*Mors, Letum*), какъ на могущественную враждебную силу, которая какъ бы насильственно похищаетъ (*eripit*) тѣхъ лицъ изъ ряда живыхъ, которыя предаются ей неумолимымъ, жестокимъ рокомъ (*Parcae, Fatum*), вслѣдствіе чего нерѣдко отождествляли ее съ самою судьбою или Парками¹⁾ и на самихъ умершихъ, такъ же какъ на лицъ, стоящихъ въ близкомъ отношеніи къ нимъ,—на ихъ родителей, дѣтей, супруговъ и проч.,—смотрѣли, какъ на пораженныхъ величайшимъ несчастіемъ. Отсюда понятна та глубокая безутѣшная печаль, съ которою римляне оплакивали своихъ умершихъ²⁾. Если въ нѣкоторыхъ эпитафіяхъ умершіе просятъ живыхъ не скорбѣть о нихъ, то эти просьбы мотивируются лишь желаніемъ умершихъ и прежнею любовію живущихъ людей къ нимъ³⁾,—здѣсь не дается никакихъ

prosecutus est (*M. 1422=G. 2129*); me fortuna iniqua non sivit frui... (*M. 1019=G. 1337*); (heic est sepul)chia (=alta) Quincti Ranci feilia... (I)iberti Proti quoi fatum grave infestae Parcae ac finem vitae statuerunt (vix quom esset bis decem anneis nata indigniter (*M. 1008=G. 1326*).

¹⁾ (Immitis) mors eripuit sueis parentibus (*M. 1008=G. 1326*); eheu heu Taracei ut acerbo es deditus fato non aeo exacto vitae es traditus morti sed cum te decuit florere aetate iventa interieisti (*M. 1202=G. 1574*); en hoc in tumulo cinerem nostri corporis infestae Parcae deposierunt (*M. 1009=G. 1327*).

²⁾ (Nunc illi s)ummo in luctu ac sollicitudine (prae deside)rio gnatae fletus iuv (=in) dies edunt sibi esse talem ereptam filiam (*M. 1008=G. 1326*); reliqui fletum nata genitori meo (*M. 1009=G. 1327*); liquisti in meroribus matrem (*M. 1202=G. 1574*). Выраженія скорби объ умершихъ иногда доходили до такихъ крайностей, которыя (какъ напр. царапаніе своего лица женщинами) возбуждали преслѣдованіе даже со стороны правительства. *Cicer. de legib. II, 9, 22; II, 23, 59.*

³⁾ Pater mei et genetrix germana oro atque o(b)secro desinite luctu questu lacrimas fundere sei in vita iucunda vobis voluptatei fui viro atque amecis noteisque omnibus nunc quoniam fatum se ita tolit animo volo aequo vos ferre... (*M. 1008=G. 1326*).

надеждъ на что нибудь отрадное въ будущемъ, такъ что подобнаго рода безнадежное успокоеніе скорѣе могло усилить горечь скорби, нежели дать дѣйствительное утѣшеніе. Единственное утѣшеніе, которое могъ человѣкъ имѣть при смерти, это воспоминаніе о радостяхъ прежней земной жизни ¹⁾ и добрая продолжительная память о немъ въ потомствѣ ²⁾. Поэтому между прочимъ многіе, не надѣясь на другихъ лицъ, сами при своей жизни устроивали или покупали себѣ прочныя, богатые гробницы на наиболѣе посѣщаемыхъ дорогахъ (какъ напр. жители Рима—на Via Appia и Via Latina) или посредствомъ завѣщаній обязывали къ этому своихъ наследниковъ ³⁾, и восхваляли въ эпитафіяхъ подвиги своей земной жизни или по крайней мѣрѣ обозначали свое имя. Такимъ образомъ очевидно, что всѣ стремленія и надежды римлянъ были направлены на земную жизнь, что счастье, по ихъ понятію, можетъ быть лишь по эту сторону гроба, за гробомъ же они не видѣли ничего, что могло бы достаточно вознаградить за потерю земной жизни.

Въ тѣсной связи съ землею римляне представляли также и загробную участь человѣка, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ вышеприведенной эпитафіи:

¹⁾ Это, повидимому, значеніе имѣетъ между прочимъ слѣдующая эпитафія: dum vixi quomodo condecet ingenuum quod comedi et edibi tantum meum est (Garr. 1646). Поэтому же, между прочимъ, вмѣстѣ съ трупами сожигались или полагались въ гробницы также любимые предметы умершихъ. См. *Wilmanns Exempl. inscript. latin.* 1873, n. 315; *Marquardt und Mommsen, Handb. d. röm. Alterth.* 1879, VII Bd. 1 Th. s. 357, 369.

²⁾ На это указываетъ уже самое названіе погребальныхъ памятниковъ монументами (*monumentum*). См. также слѣдующую эпитафію: Quae fuerint praeteritae vitae testimonia nunc declaramus hac scriptura postrema haec sunt enim mortis solacia ubi continet(ur) (n)ominis vel generis aeterna memoria (Inscript. latin. collect., ed. Henzen, 1856, n. 7408).

³⁾ Garr. 1624; 1948; 2108; Momms. 1028=Garr. 1350; M. 1059=G. 1404; M. 1023=G. 1343; M. 1228=G. 1654; M. 1253=G. 1708; M. 1199=G. 1573.

..... QVA. RE. LVBENS. TE. IN GREMIV
SCIPIO RECIP(i)T. TERRA PVBLI.

Смерть такимъ образомъ есть возвращеніе въ землю, которая считалась общею матерью всего существующаго, къ источнику жизни и вмѣстѣ къ тихому покою ¹⁾. Въ связи съ этимъ представленіемъ стоитъ обычай, по которому въ древности лишь изрѣдка встрѣчались случаи сожженія труповъ, но въ общемъ употребленіи было погребеніе ихъ въ землѣ ²⁾. Поэтому также для каждаго проходящаго считалось обязательнымъ бросать нѣсколько пригоршней земли на трупы непогребенныхъ лицъ, что какъ бы замѣняло погребеніе ³⁾. Даже при сожженіи трупа обыкновенно бросалась земля или же отрѣзывался у трупа одинъ членъ, который погребался въ землѣ, что также служило какъ бы замѣною первоначальнаго обряда погребенія ⁴⁾. Земля, подобно матери, принимала умершихъ, какъ дѣтей, возвращающихся къ ней ⁵⁾, и въ особенности тѣхъ, которые достойнымъ образомъ вели себя во время своей земной жизни. Поэтому о Сципіонѣ, отличавшемся своею доблестною жизнію, говорится, что земля охотно (*lubens*), съ особою любовью, приняла его въ свое нѣдро. Людямъ же, запятнав-

¹⁾ Поэтому въ эпитафіяхъ часто встрѣчаются, какъ увидимъ, выраженія: *sit tibi terra levis, quiescas* и т. под. Поэтому же между прочимъ погребеніе первоначально совершалось ночью. *Serv. ad. Aen. XI, 143; Marquardt und Mommsen, Handb. d. röm. Alterth. VII, 1, 333—334.*

²⁾ *Cicer. de legib. II, 22, 56.* Въ родѣ Корнеліевъ этотъ древній обычай сохранялся до временъ Суллы (*ibid.*), а въ Пренестѣ—до временъ имперіи. Дѣти же и большинство бѣдныхъ людей всегда погребались въ землѣ. На Авентинѣ еще недавно было найдено много скелетовъ, относящихся къ древней эпохѣ. *Marquardt und Mommsen, Handb. d. röm. Alterth. VII, 1, 362.* До сего времени существуютъ также саркофаги Сципіоновъ.

³⁾ *Hartung, d. Relig. d. Römer, 1833, 1 Th. s. 49.*

⁴⁾ *Varro, de lingua lat. 5. 23; см. Marquardt und Mommsen, Handb. d. röm. Alterth. VII, 1, 363. 370.*

⁵⁾ Къ землѣ, какъ къ ближайшему источнику бытія, обыкновенно прилагается названіе матери (*Mater*). *См. Mater genuit mater recepit (inscript. latin. collect. ed. Orellius, 1828, n. 4417); Cicer. de legib. II, 22, 56. 25, 63.*

шимъ себя безчестною жизнію, она совсѣмъ отказывала въ приѣмѣ. Съ цѣлію облегчить доступъ къ общей матери—землѣ и улучшить по возможности загробное существованіе умершихъ были учреждены между прочимъ погребальные обряды, въ которыхъ отказывали только преступникамъ и въ особенности самоубійцамъ, что считалось величайшимъ наказаніемъ ¹⁾). Погребеніе такимъ образомъ было какъ бы признаніемъ достоинствъ умершаго, воздаяніемъ за его доблести и выраженіемъ уваженія и любви къ нему. Поэтому между прочимъ въ эпитафіяхъ такъ часто восхваляются, какъ мы видѣли, умершіе и поэтому не рѣдко само общество отводило бесплатно мѣста для погребенія, устраивало на свой счетъ торжественныя похоронныя процессіи или ставило монументы тѣмъ умершимъ, общественную дѣятельность которыхъ оно признавало въ особенности полезною; подобными преимуществами пользовались иногда и потомки такихъ лицъ, какъ это видно напр. изъ эпитафіи народнаго эдила Г. Публиція Бибула ²⁾).

Чисто—натуральное воззрѣніе на смерть, какъ на возвращеніе человѣка въ землю, не могло остановиться на этомъ. Оно необходимо должно было идти далѣе, къ во-

¹⁾ Сн. Hora... Balb... municipibus eis incolisq. loca sepulturae d. s. p. dat extra auctoritate et quei sibi laqueo manus attulissent et quei quaestum spurcum professi essent (Momm. 1418=Garr. 2103); сн. Horat. sat. I, 8, 16; epod. 5, 99—100; Marquardt und Mommsen, Hdb. d. röm. Alterth. VII, I, 333.

²⁾ Pro meritis dant ubi eorum ossa quiescant (M. 1064=G. 1409); eundem mi amorem praestat puerilem senex monumentum indicio... (M. 1012=G. 1332); ob fidelitate et officis monume... (M. 1050=G. 1384); decoravit eam monumento quam deilexerat (M. 1306=G. 1874); C. Poplicio L. f. Bibulo aed. pl. honoris virtutisque causa senatus consulto populi iussu locus monumento quo ipse postereique eius inferrentur publice datus est (M. 635=G. 1120); pueri virtus indigne occidit quois fatum acerbum populus indigne tulit magnoque fletu funus prosecutus est (M. 1422=G. 2129); сн. Cicer. Phil. IX, 6, 14: Majores nostri statuas multis decreverunt, sepulcra paucis.

просу о продолженіи существованія по смерти, потому уже, что римляне представляли смерть въ близкой связи съ рожденіемъ, конецъ жизни—съ началомъ ея. Они смотрѣли на землю, принимавшую къ себѣ умершихъ, какъ на источникъ жизни и, какъ мы уже замѣтили, отождествляли смерть съ Парками, бывшими собственно богинями рожденія (это видно уже изъ ихъ названія, сроднаго съ словомъ *partus*)¹⁾. Ихъ сознанію такимъ образомъ не былъ чуждъ тотъ фактъ, что въ видимой окружающей природѣ нѣтъ полного уничтоженія, а происходитъ лишь постоянное видоизмѣненіе, смѣняемость явленій²⁾. Слѣдовательно и бездыханный трупъ, опущенный въ землю, не долженъ окончательно погибать, а необходимо долженъ продолжать свое существованіе. Но гдѣ и какъ? Ограничивается ли это продолженіе бытія лишь общимъ физическимъ процессомъ видоизмѣненія тѣла, или оно будетъ состоять въ болѣе совершенной личной жизни, задатки которой должны быть конечно внѣ тѣлесныхъ остатковъ человѣка?

Эти вопросы, на которые ни у одного изъ древнихъ народовъ мы не находимъ болѣе или менѣе яснаго, опредѣленнаго отвѣта, тѣмъ менѣе могли получить удовлетвори-тельное рѣшеніе у римлянъ, которые если и задавались иногда вопросами, выходившими изъ области практической жизни и непосредственнаго наблюденія, то рѣшали ихъ большею частію на основаніи данныхъ, представляемыхъ опытомъ. А такъ какъ опытъ не представлялъ достаточныхъ данныхъ по этимъ вопросамъ, то послѣдніе рѣшались весьма неопредѣленно. Содержаніе эпитафій даетъ, повидимому,

¹⁾ *Preller, Röm. Mythologie*, 1858, s. 564.

²⁾ Эта мысль выражается между прочимъ въ сравненіи жизни человѣческой съ выполненіемъ театральной пьесы. Подобнаго рода сравненія очень часто встрѣчаются на погребальныхъ монументахъ временъ имперіи. См. *Vixi dum vixi bene iam mea peracta mox vestra agetur fabula valetе et plaudite* (*Orell*, 4813).

основаніе заключать, что взглядъ римлянъ большею частію не простирался далѣе гроба: по смерти отъ человѣка остаются лишь кости и прахъ ¹⁾, человѣкъ долженъ оставаться тамъ, гдѣ хранятся остатки его тѣла ²⁾; но долженъ оставаться тамъ *вѣчно*,—гробъ для него долженъ служить вѣчнымъ жилищемъ, вслѣдствіе чего гробницы часто называются домами (*domus*), вѣчными домами (*domus aeterna*), домами смерти (*domus leti*) ³⁾. Но хотя такимъ образомъ древнія эпитафіи представляютъ загробную участь человѣка въ тѣсной связи съ тѣлесными остатками человѣка и иногда говорятъ только о послѣднихъ, однако римляне, смотрѣвшіе на гробницы, какъ на мѣста своего вѣчнаго обитанія въ нихъ, несомнѣнно признавали еще высшіе элементы въ человѣкѣ, которые должны вѣчно существовать по разложеніи тѣлеснаго организма. Одна древняя надпись ясно показываетъ, что римляне отъ физической части въ человѣкѣ отличали еще высшее жизненное начало или душу (*anima*),

¹⁾ En hoc in tumulo cinerem nostri corporis... (M. 1009=G. 1327); ossa quiescant (M. 1064=G. 1409); ossa sita (M. 1068=G. 1426); ossiva (M. 957=G. 1295); quae sim cinis et fosta favilla... (M. 1220=G. 1610); ossua heic... (M. 1010=G. 1328).

²⁾ Reliquiae corporis (M. 1009=G. 1327); corporis reliquiae quod sperant sunt in hoc panario (M. 1016=G. 1334); L. Cornelius Scipio... posidet hoc saxsum (M. 34=G. 882).

³⁾ Hoc monumentum aedificavit suae gnatae sibiue uxori hanc constituit (domum) aeternam ubi omnes pariter aevom degere (M. 1008=G. 1326); tenebris tenentur Ditis aeterna domu (M. 1009=G. 1327); aeternam ad Ditem refecit domum (G. 1808); см. *Petron.* 71: valde enim falsum est vivo quidem domos esse non curari eas, ubi diutius nobis habitandum est. Въ связи съ этимъ возрѣніемъ стоитъ обычай, по которому римляне полагали въ гробницы вмѣстѣ съ умершими или сжигали на кострѣ вмѣстѣ съ трунами различные предметы, упогреблявшіеся при жизни,—одежду, пищу, деньги, посуду, ремесленные орудія или инструменты и т. под. Нѣкоторые изъ римскихъ гробницъ, подобно этрусскимъ, не только были устроены на подобіе домовъ, но и имѣли всѣ необходимыя принадлежности домовъ. См. *Marguardt und Mommsen Hdb. d. röm. Alterth.* VII, 1, 355—356.

и на самую смерть смотрѣли какъ на отдѣленіе души отъ тѣла. Въ ней именно говорится, что смерть „похитила душу“ ¹⁾. Слѣдовательно душа не подвергается разложенію при смерти, подобно тѣлу, не уничтожается, а лишь переносится въ другую сферу бытія. Но въ эпитафіяхъ не замѣтно яснаго различенія участи, ожидающей тѣлесный организмъ человѣка по смерти, отъ той, которую долженъ испытывать его духъ. Римляне не имѣли объ этомъ яснаго, опредѣленнаго представленія и нерѣдко смѣшивали то, что относится собственно къ тѣлу, съ тѣмъ, что должна испытывать душа. Имъ, очевидно, трудно было отрѣшиться отъ представленій о тѣлесности. Поэтому въ однихъ эпитафіяхъ говорится только о прахѣ и костяхъ, остающихся по смерти отъ человѣка, а въ другихъ загробное состояніе человѣка ставится въ тѣснѣйшую связь съ его тѣломъ,—душа и по смерти человѣка, должна продолжать вести жизнь совместно съ тѣломъ, въ землѣ. Жизнь за гробомъ, по разложеніи тѣла, имъ представлялась неполнымъ бытіемъ, какъ бы слабымъ продолженіемъ ²⁾, тѣнью земнаго существованія. Ее нельзя назвать даже жизнію въ собственномъ смыслѣ. Только на существованіе человѣка на землѣ римляне смотрѣли какъ на дѣйствительную жизнь и день смерти называли послѣднимъ днемъ жизни (*postremus dies*) ³⁾. Находясь въ гробѣ, въ этомъ тѣсномъ, мрачномъ жилищѣ ⁴⁾ человѣкъ

1) *Mors animam eripuit* (*M.* 1194=*G.* 1567).

2) Возвращеніе на загробное состояніе, какъ на соответствующее въ общемъ земной жизни, выражается между прочимъ и въ томъ, что выхвѣтъ съ умершимъ въ гробницы являлись принадлежности его профессіи,—съ воиномъ—оружіе, съ ремесленникомъ—его инструменты и т. под. См. *Marquardt und Mommsen, Hdb. d. röm. Alterth.* VII, 1, 356.

3) *Supremus fecit iudicium dies* (*M.* 1194=*G.* 1567); *vita defecit* (*M.* 34=*G.* 882); *Helvia fui* (*M.* 1220=*G.* 1610); *dum vixi* (=nunc non vivo, non sum) *vixi quomodo condecet ingenuom* (*M.* 1220=*G.* 1646); *Q. Caecilius Aetara fuisti* (=non es) *vale* (*M.* 1487=*G.* 2215).

4) *Tenebris tenentur* (*M.* 1009=*G.* 1327).

ни въ чемъ не могъ замѣтнымъ образомъ проявить своей дѣятельности, высказать своихъ мыслей и чувствъ, которыя по смерти настолько притуплялись, что какъ бы прекращали свое дѣйствіе ¹⁾). Загробное состояніе человѣка—это состояніе непробуднаго полусна или дремоты, и самымъ лучшимъ, что можно пожелать умершему, служить желаніе покоя ²⁾). Съ другой стороны, самымъ тяжелымъ преступленіемъ считалось нарушеніе покоя умершихъ, оскверненіе или поврежденіе ихъ гробницъ и т. под.

При подобномъ взглядѣ на загробную участь, римляне естественно должны были смотрѣть на нее въ общемъ, какъ на одинаковое состояніе всѣхъ умершихъ. Въ древнѣйшихъ эпитафіяхъ не встрѣчается никакихъ указаній на загробное возмездіе: всѣхъ людей ожидаетъ одинаковая будущность за гробомъ или, вѣрнѣе, въ гробѣ, какъ это ясно выражается напр. въ эпитафіи Проты, дочери Квинкція Ронція: онъ устроилъ ей послѣднее вѣчное жилище, въ которомъ всѣ должны будутъ *одинаково* проводить жизнь ³⁾). Поэтому умирающіе не могли имѣть ни опасенія загробнаго суда и будущихъ мученій, ни надежды на вознагражденіе за добродѣтельную земную жизнь. „Я ничего не боюсь и ни на что не надѣюсь“ ⁴⁾), говорится въ эпитафіи Терціи Октавіи Пульхры. Тоже могъ сказать и каждый умирающій. Единственная скорбь, которую могъ испытывать римлянинъ при своей смерти, это сожалѣніе о радостяхъ земной жизни, о

¹⁾ Поэтому въ одномъ наговорѣ или заклинаніи, находящемся на свинцовой пластинкѣ, найденной въ древней гробницѣ, говорится: *tantum valeat quantum ille mortuos quei istic sepultus est...* (M. 818=G. 1150); *mortuos qui istic sepultus est nec loqui nec sermonare potest (ibid.)*. Св. Momms. 1009=Garr. 1327; M. 33=G. 881.

²⁾ *Hic requiescit (G. 2220); hic requiescent (M. 1489=G. 2219); dant ubi ossa quiescant (M. 1064=G. 1409); bene quiescas (G. 2222).*

³⁾ *Constituit (domum) aeternam ubi omnes pariter aevom degere (M. 1008=G. 1326).*

⁴⁾ *Nihil timeo nec confido (M. 1019=G. 1337).*

разлукѣ съ лицами, которыя были близки его сердцу. Поэтому рядомъ съ безнадежностью, съ полнымъ отчаяніемъ относительно будущаго въ эпитафіяхъ нерѣдко слышатся воодушевленные призывы къ полному наслажденію кратко-временною земною жизнію¹⁾).

Но человѣкъ послѣ смерти не теряетъ вполне способности ощущенія, чувства, сознанія и т. под. Онъ обладаетъ извѣстной степеню чувствительности по отношенію къ окружающимъ его предметамъ и можетъ испытывать различныя, пріятныя или непріятныя состоянія. То или другое состояніе умершихъ зависитъ прежде всего отъ ближайшей среды, къ которой они находились въ непосредственномъ отношеніи, отъ земли²⁾). Вслѣдствіе этого долгомъ каждаго человѣка было пожелать при проходѣ близъ гробницы какого-либо умершаго, чтобы земля была легка для него (*sit tibi terra levis*). Это была какъ бы молитва за умершихъ, обязательная для каждаго благочестиваго человѣка. Просьбы о подобнаго рода благожеланіяхъ или молитвахъ выражаются въ эпитафіяхъ и отъ имени самихъ умершихъ³⁾). Умершіе просятъ иногда также и о томъ, чтобы никто ничего дурнаго не дѣлалъ мѣстамъ ихъ вѣчнаго покоя, погребальнымъ монументамъ, чтобы не осквернялъ ихъ и т. под.⁴⁾ Но обычными благожеланіями умершимъ со стороны живущихъ были тѣже, которыми послѣдніе обмѣнивались между собою, т. е. *ave, salve, vale*⁵⁾). Иногда подобнаго

¹⁾ *Vive in dies et horas nam proprium est nihil* (М. 1010=G. 1328).

²⁾ Въ особенности растительность земная имѣла повидимому вліяніе на состояніе умершихъ, какъ это видно изъ того, что римляне любили обсаживать гробницы деревьями и разводить вокругъ нихъ даже цѣлыя сады. Сн. *Orell.* 4418; *Cicer. de leg.* II, 25, 63; *Marquardt und Mommsen, Handb. d. röm. Alterth.* VII, 1, 357.

³⁾ *Rogo ut discedens terram mihi dicas levem* (М. 1009=G. 1327).

⁴⁾ *Rogo te viator monumento huic nil male feceris* (М. 1027=G. 1325); *nolei violare* (М. 1081=G. 1427); *ni violato* (М. 1241=G. 1673); *rogo te viator ni nocias bono genio* (G. 1572).

⁵⁾ М. 1072=G. 1419; М. 1098=G. 1451; М. 94=G. 632; М. 98=G. 641; М. 1487=G. 2215.

рода привѣтствія дѣлаются также и отъ имени умершихъ живущимъ ¹⁾, и въ особенности ближайшимъ родственникамъ ²⁾. Нѣкоторыя эпитафіи представляютъ цѣлыя разговоры между живыми и умершими, состоящіе собственно въ обмѣнѣ обыкновенными привѣтствіями ³⁾. Такимъ образомъ умершіе не только не считались не существующими, но даже не исключались вполне изъ среды людей и какъ бы поддерживали сношеніе съ ними. Смерть не превращала вполне связи между умершими и живущими, и въ особенности между лицами, находившимися въ родственныхъ отношеніяхъ ⁴⁾. Устроители погребальныхъ монументовъ иногда выражаютъ также надежду на свиданіе съ своими умершими родственниками по смерти ⁵⁾. Римляне въ особенности любили быть похороненными вмѣстѣ съ лицами близкими къ нимъ,—въ одной гробницѣ съ своими родственниками, и иногда вольноотпущенниками и рабами,—и это желаніе выражали въ своихъ завѣщаніяхъ и эпитафіяхъ. Такъ, Терція Октавія Пульхра въ своей эпитафіи заявляетъ, что она желала быть похороненной въ одной гробницѣ съ своимъ мужемъ, чтобы оба они были положены здѣсь, духовно соединенные между собою ⁶⁾. Но умершимъ приписывается

¹⁾ *M.* 1027=G. 1325; *M.* 1007=G. 1324; G. 1530.

²⁾ *M.* 1049=G. 1383.

³⁾ *Garr.* 1397.

⁴⁾ Въра въ продолженіе связи съ умершими родственниками выражается также въ древнемъ обычаѣ, по которому римляне первоначально погребали членовъ своихъ семействъ въ своихъ домахъ (*Serv. ad. Aen.* VI, 152), и лишь впоследствии, по полицейско-гигіеническимъ причинамъ, должны были отказаться отъ этого обычая.

⁵⁾ *Mater tua rogat te ut me ad te recipias.* G. 2222.

⁶⁾ *Hoc voluit monumento am(bos condi... u)ni heic animo duo ut essemus siti* (*M.* 1019=G. 1337). На гробницахъ часто встрѣчается указаніе, для кого онѣ назначены: *sibi et sueisque; sibi et leibreis soneis; sibi et liberteis et postereisqu(e) sueis; suis omnibus; patron(o et) sibi amicisque; (sibi) et liberteis et libertabus omnibus* (*M.* 1023=G. 1343; *M.* 1041=G. 1370; *M.* 1258=G. 1717; *M.* 1229=G. 1663; *M.* 1253=G. 1708; *M.* 1062=G. 1408; *M.* 1059=G. 1404).

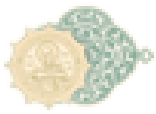
желаніе поддерживать связь не съ одними только родственниками, но и съ другими людьми. Въ нѣкоторыхъ эпитафіяхъ прямо говорится отъ имени умершихъ, что имъ пріятно, чтобы прохожіе останавливались на нѣсколько времени подлѣ ихъ монумента, прочитали находящуюся на немъ надпись и высказали свое благожеланіе умершему, помолились за него ¹⁾ Для этого между прочимъ римскіе погребальныя монументы устраивались большею частію при наиболѣе посѣщаемыхъ дорогахъ.

Подобнаго рода благожеланія или молитвы были бы конечно излишними, еслибы римляне не вѣрили въ различіе агробной участи умершихъ и въ возможность улучшенія ея. Этою вѣрою объясняется также особенная заботливость ихъ о культѣ умершихъ, многочисленные погребальныя обряды, исполнявшіеся съ величайшею строгостію ²⁾, и поминовенія ³⁾, существовавшіе съ самыхъ древнихъ временъ. Но въ чемъ именно можетъ состоять улучшеніе состоянія умершихъ, какія пріятныя и непріятныя стороны могутъ быть въ загробной жизни, относительно этого мы

¹⁾ *Hospes gratum est quod apud meas restitistei sedes* (M. 1006=G. 1323); *hospes quod deico paullum est asta ad pellige* (M. 1007=G. 1324); *rogo ut discedens terram mihi dicas levem* (M. 1009=G. 1327).

²⁾ Съ какою строгостію римляне относились къ исполненію своихъ обязанностей относительно умершихъ, это видно изъ того, что не только непогребеніе умершаго, но даже неправильность, допущенная при исполненіи этого обряда, считалась (по свидѣтельству Маріа Викторина) тяжелымъ преступленіемъ, которое можно было загладить только чрезъ ежегодное приношеніе особой жертвы. *Creuzer, Abriss d. röm. Antiquit.* 1829, s. 441. При невозможности совершить надлежащее погребеніе оно могло быть замѣнено набрасываніемъ земли на трупъ. Если нельзя было совершить погребеніе надъ самымъ умершимъ, то оно могло совершаться надъ его изображеніемъ (*funus imaginarium*).

³⁾ Что у римлянъ въ разсматриваемый періодъ поминовенные обряды были очень развиты, объ этомъ свидѣлствуютъ многія эпитафіи. Такъ напр. Л. Папій Полліонъ въ честь своего умершаго отца далъ *mulsum et crustum colonis senuisanis et caedicianeis omnibus munus gladiatorum cenam*. M. 1099=G. 1573; см. *Garr.* 1441; M. 1313=G. 1880; *Cicer. de legib.* II, 22, 57.

не находимъ никакихъ указаній въ древнихъ эпитафіяхъ. Темное чувство будущаго возмездія, насколько позволяютъ заключать эти памятники, не получило надлежащаго развитія у римлянъ ¹⁾, такъ что послѣдніе находили возможнымъ смотрѣть на загробную участь, какъ на одинаково безотрадное состояніе всѣхъ умершихъ, и самому лучшему, на что можно было надѣяться въ загробной жизни, предпочитали жизнь на землѣ.

Представленіе о столь безотрадной участи умершихъ естественно должно было возбудить въ лицахъ близкихъ къ умершему желаніе представлять состояніе послѣдняго въ возможно болѣе свѣтломъ видѣ. Эта потребность утѣшенія при смерти, въ связи съ уваженіемъ, любовію и благодарностію къ умершимъ, привела къ мысли объ умершихъ, обладающихъ безсмертіемъ, какъ о высшихъ существахъ, могущихъ оказывать на людей свое благотѣльное вліяніе. Поэтому римляне нерѣдко обращались къ нимъ съ своими мольбами. Такъ напр. одна мать проситъ свою умершую дочь принять ее къ себѣ ²⁾. Въ надеждѣ на содѣйствіе умершихъ иногда клались въ ихъ гробницы также наговоры и заклинанія ³⁾. Литературныя сообщенія древнихъ авторовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что римлянамъ уже съ самыхъ древнѣйшихъ временъ была свойственна вѣра даже въ божественность умершихъ и что они тотчасъ же по погребеніи или по сожженіи трупа называли умер-

¹⁾ Загадочныя слова: *Nomen delatum Naeviae L. I. Secundae seive ea alio nomini est* (M. 820=G. 1149) даетъ поводъ нѣкоторымъ ученымъ видѣть въ этой надписи указаніе даже на загробный судъ у бога преисподней, предъ которымъ обвиняется Невія (*Помаловскій*, эпиграф. этюды, 1873 г., стр. 10). Но это объясненіе не находитъ подтвержденія въ другихъ надписяхъ. По всей вѣроятности, здѣсь выражается желаніе, чтобы пятно того преступленія, въ которомъ была обвинена Невія при жизни своей, оставалось на ея имени вѣчно, какимъ бы именемъ она ни называлась по смерти.

²⁾ G. 2222.

³⁾ M. 818—820=G. 1149—1151.

шаго богомъ ¹⁾). Подтвержденіемъ этого можетъ служить также и тотъ культъ, которымъ римляне окружали своихъ умершихъ и который могъ относиться только къ божественнымъ существамъ ²⁾). Тѣмъ не менѣе ни въ одной изъ извѣстныхъ эпитафій разсматриваемаго періода умершимъ не приписывается прямо названіе божествъ.

Конечно было бы весьма не натурально, если бы мѣстопробываніе подобнаго рода высшихъ существъ,—если не вполне духовныхъ, то по крайней мѣрѣ обладающихъ наименьшею степенью тѣлесности,—ограничивалось лишь мѣстомъ ихъ погребенія, гдѣ находились только остатки ихъ земнаго существованія. Поэтому, когда возникло представленіе о нихъ, какъ о высшихъ существахъ, добрыхъ геніяхъ ³⁾, то вмѣстѣ съ тѣмъ полагалось начало развитію представленія о пребываніи ихъ не въ гробѣ только, но и въ болѣе обширной области,—или вообще внутри земли, или,—что было еще естественнѣе, подъ землею ⁴⁾). Вмѣстѣ съ этимъ они не только отдѣлялись вполне отъ земныхъ

¹⁾ *Cicer. de legib.* II, 9, 22; *Plin. Hist. nat.* VII, 56; см. *Hartung, d. Relig. d. Römer*, I, 44; *Heffter, d. Relig. der Griech. und Römer*, 1845, s. 576; *Schömann, Opusc. acad.* 1851, I, 359—360.

²⁾ *Tertull. Apol. c.* 13; *August. de civit. Dei* VIII, 26, 27; *Cicer. de legib.* II, 22, 57; см. *Hartung, d. Religion der Römer*, I, 45, 47, 48; *Heffter, d. Religion d. Griech. und Röm.*, s. 576—577.

³⁾ *Helenus suum geniomnibus inferis mandat* (G. 1152); *ninocias bono genio* (G. 1572).

⁴⁾ Такъ въ эпитафій Клавдіи Пульхры говорится, что она одного изъ своихъ сыновей оставила на землѣ, а другаго похоронила подъ землею: *alterum in terra liquit alium sub terra locat* (M. 1007=G. 1324). Съ представленіемъ о пребываніи умершихъ въ глубинѣ земли находится въ связи древній обычай, по которому римляне по основаніи города вырывали круглую яму (*mundus*) въ видѣ опрокинутого небеснаго свода, бросали въ нее по горсти земли и закладывали камнемъ (*lapis manalis*), при открытіи котораго (это было три раза въ годъ) умершіе, по древнему вѣрованію, выходили на поверхность земли чрезъ эту яму, которая считалась за одинъ изъ входовъ въ подземное царство. См. *Preller, Röm. Mythologie*, s. 456.

жителей, но и отъ небесныхъ боговъ, и ставились подъ покровительство боговъ подземныхъ ¹⁾. Отсюда уже не трудно было перейти къ усвоенію греческаго миѣческаго представленія о подземномъ мрачномъ царствѣ съ вѣчно пребывающими тамъ тѣнями умершихъ и богами, національными сказаніями о которыхъ римляне были очень бѣдны. Впрочемъ, насколько можно судить по эпиграфическимъ даннымъ, эти миѣы грековъ не получили у римлянъ широкаго развитія ²⁾. Лишь въ одной эпитафіи упоминается „о роковомъ огнѣ и водѣ стигійской“ ³⁾, а въ другихъ мы встрѣчаемъ лишь общія указанія на пребываніе умершихъ въ подземномъ царствѣ, мрачномъ вѣчномъ жилищѣ Дита ⁴⁾, древне-италійскаго бога, отождествленнаго съ Плутономъ, богомъ обилія и властителя царства умершихъ ⁵⁾. Въ одной надгробной надписи говорится о богахъ отцевъ подземныхъ ⁶⁾. Но что это за боги и въ какомъ отношеніи они находятся къ умершимъ, касательно этого мы не находимъ никакихъ разъясненій въ разсматриваемыхъ нами памятникахъ. Въ эпитафіяхъ нѣтъ никакихъ данныхъ и относительно Прозерпины и Ларовъ ⁷⁾, общія указанія на которыхъ встрѣчаются въ другихъ надписяхъ этого періода.

¹⁾ Mortuos nec ad deos nec ad homines acceptus est (M. 818—G. 1150); Deis inferum parentum sacrum (M. 1241—G. 1673); Dite pater Rodine tibi commendo (M. 818—G. 1150).

²⁾ Тѣмъ не менѣе къ римлянамъ очень рано перешелъ обычай класть умершимъ въ ротъ монету для уплаты Харону за перевозку; см. *Cicer. de leg. II, 24, 60*. Монеты были находимы въ гробницахъ Фуріевъ въ Тускулѣ (изъ времени до второй пунической войны), а скелеты съ монетами во рту встрѣчаются въ гробницахъ 5—6 столѣтій Рима. *Marquardt und Mommsen, Hdb. d. röm. Alterth. VII, 1, 339*.

³⁾ Nunc data sum Diti longum mansura per aevum deducta et fatali igne et aqua stygia (M. 1220—G. 1610).

⁴⁾ Tenebris tenentur Ditis aeterna domu (M. 1009—G. 1327); aeternam ad Ditem vivos retecit domum (G. 1808).

⁵⁾ *Preller, Röm. Mythologie, 1858, s. 455*.

⁶⁾ Deis inferum parentum sacrum (M. 1241—G. 1673).

⁷⁾ Напр. *Momms. 619. 1305* и особенно 28 (*Enos Lasas iuvate*), откуда ясно видно, что римляне съ самыхъ древнихъ временъ вѣрили не только въ различныя состоянія умершихъ, но и въ ихъ силу помогать людямъ.

Все это ясно показываетъ, какъ темны, неопредѣленны были національно-римскія представленія о загробной жизни. Хотя римляне разсматриваемаго періода твердо вѣрили въ безсмертіе, однако они большею частію не имѣли яснаго представленія о различіи между физическою и духовною жизнью, и потому смерть казалась имъ самымъ великимъ несчастіемъ или наказаніемъ, а загробное состояніе—блѣднымъ отраженіемъ земной жизни, не представляющимъ ничего отраднаго. У нихъ было и темное сознаніе различія участи умершихъ, но оно не получило надлежащаго развитія. Впрочемъ нѣкоторыя изъ воззрѣній на загробный міръ (напр. на божественность умершихъ) не получили полного выраженія въ разсмотрѣнныхъ нами памятникахъ, можетъ быть, потому, что не было столь настоятельной нужды высказывать ихъ, какая явилась, какъ увидимъ, впоследствии. Итакъ посмотримъ, какія еще народныя воззрѣнія выражаются въ эпитафіяхъ временъ имперіи и что было усвоено римлянами изъ греческаго міровоззрѣнія въ восполненіе тѣхъ недостатковъ, которые замѣчались въ національно римскомъ представленіи относительно даннаго вопроса.

II. Эпиграфическія данныя изъ временъ имперіи.

Въ эпитафіяхъ втораго періода мы встрѣчаемся съ двумя противоположными направленіями: въ однихъ изъ нихъ съ особою настойчивостію указывается повидимому на полное прекращеніе жизни души по смерти тѣла или по крайней мѣрѣ высказывается сомнѣніе въ возможности загробнаго существованія, въ другихъ—съ необычною до того времени силою выражается вѣра въ безсмертіе души и умершіе облакаются божественною властію. Это было, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ ознакомленія римлянъ съ греческимъ образованіемъ и въ особенности съ греческою философіею. Хотя греческая философія уже около середины II столѣтія

до Р. Х. проникла, вмѣстѣ съ литературою и искусствомъ, въ Римъ и направила свою критику на народную религію и культъ, однако вліяніе ея здѣсь до послѣднихъ временъ республики было очень ограничено. Философскія воззрѣнія проводились почти исключительно лишь въ литературныхъ произведеніяхъ, переведенныхъ или передѣланныхъ съ греческаго языка, и на театральной сценѣ, находившейся въ полномъ подчиненіи греческой драмѣ,—они раздѣлялись лишь немногими лицами въ Римѣ, стоявшими, по своему образованію, въ зависимости отъ греческой философіи и литературы, а не переходили въ убѣжденіе народа, не вліяли на религіозныя воззрѣнія народной массы. Но въ концѣ республики и въ первое время имперіи вліяніе греческой философіи и религіи на національно-религіозныя воззрѣнія римлянъ, насколько можно судить по эпиграфическимъ даннымъ, принимаетъ болѣе широкіе размѣры и ясно отражается во многихъ изъ тѣхъ эпитафій, въ которыхъ говорится о загробной участи людей.

Римляне послѣднихъ временъ республики и начала имперіи не съ меньшимъ усердіемъ, нежели и ихъ предшественники, заботятся объ увѣковѣченіи своего имени въ потомствѣ ¹⁾, воздвигаютъ себѣ и членамъ своихъ семействъ богатые монументы, дѣлаютъ на нихъ надписи съ описаніемъ заслугъ и достоинствъ или съ изложеніемъ своихъ воззрѣній на жизнь и смерть, составляютъ завѣщанія о совершеніи поминовенія въ извѣстные дни,—приношеніи цвѣтовъ или вѣнковъ, ладона, масла, вина, объ устроеніи поминовенныхъ обѣдовъ, раздачѣ милостыни и т. под. Уже это показываетъ, что вѣра въ безсмертіе и теперь не исчез-

¹⁾ На погребальныхъ памятникахъ часто встрѣчается надпись: памяти или вѣчной памяти (*memoriae, memoriae aeternae*), напр. *Orell.* 4624, 4651; иногда даже самые гробницы называются *memoriae*, напр. *Orell.* 4512, 4549; но болѣею частію онѣ называются памятниками—*monumenta*, напр. *Momms.* 635—*Garr.* 1120; *M.* 1006—*G.* 1322; *M.* 1008—*G.* 1326.

ла. Тѣмъ не менѣе она подверглась, очевидно, сильному колебанію. Во многихъ эпитафіяхъ выражается недоумѣніе относительно загробной участи и высказывается сомнѣніе въ продолженіи жизни по смерти. „Я жилъ, какъ хотѣлъ, но почему я теперь померъ—не знаю“, говорится отъ имени одного умершаго ¹⁾). Объ одномъ двухмѣсячномъ младенцѣ говорится, что неизвѣстно, какимъ рокомъ онъ взятъ неожиданно изъ среды живыхъ ²⁾). Аврелій Фестъ, устроившій монументъ бывшей своей госпожѣ и патронессѣ, говорить въ эпитафії, что онъ оказываетъ ей почтеніе при своей жизни, но не знаетъ, что будетъ по смерти ³⁾). Въ нѣкоторыхъ надписяхъ прямо высказывается сомнѣніе въ томъ, что умершіе могутъ обладать чувствомъ, замѣчать выраженіе скорби о нихъ со стороны живущихъ, испытывать какія нибудь радости и удовольствія, или же вообще указывается на неизвѣстность того, что ожидаетъ человѣка по смерти ⁴⁾).

Этотъ скептицизмъ нерѣдко переходитъ, повидимому, въ полное отрицаніе загробной жизни. Во многихъ надписяхъ проводится взглядъ, что по смерти человѣкъ снова возвращается въ тоже ничтожество, въ тоже небытіе, въ которомъ онъ былъ до своего рожденія. „Хотя я нахожусь здѣсь, во гробѣ, но уже не существую болѣе“. „Я не существовала прежде своего рожденія, не существую и теперь“ ⁵⁾). Подобныя воззрѣнія спокойно выражаются даже тѣми лицами, которыя сами устраивали себѣ гробницы,

¹⁾ Vixi quemadmodum volui quare mortuus sim nescio. *Orell.* 4812.

²⁾ L. Valerio infanti raptus qui est subito quo fato non scitur. *Or.* 4560.

³⁾ Quam diu vivo colo te post morte nescio. *Henz.* 6206.

⁴⁾ Si sinistra tuos tan(gunt suspiria se)nsus. *Bormann, Ungedr. lat. Inscr.* (въ берл. гимн. пропр.), 1871, s. 7, n. 5. Si quae sunt Manes. *Henz.* 7382. Sei quicquam sapiunt inferi. *Borm.* s. 7.—Si quid oblectamenti apud vos est Manes. *Orell.* 2605; см. 4809.

⁵⁾ Hic so (=sum) et non so. *Orell.* 4810.—Non fueram non sum, *Orell.* 4809.

какъ это видно изъ эпитафіи Л. Мэція Марка: „я не былъ, теперь существую, затѣмъ опять меня не будетъ, но это не огорчаетъ меня“¹⁾. Тоже часто высказывается и въ обращеніяхъ со стороны умершихъ къ живымъ: „тебя не было, теперь ты существуешь, затѣмъ опять долженъ будешь прекратить свое бытіе“. „Человѣкъ, который еще недавно жилъ вмѣстѣ съ нами, теперь пересталъ быть человѣкомъ, такъ что никакихъ слѣдовъ не остается отъ него, стоитъ только камень съ его именемъ“. „Изъ ничтожества человѣкъ снова возвращается въ ничтожество, мрачный день смерти вдругъ уничтожаетъ цвѣтущую жизнь и отъ человѣка остается лишь одно пустое имя“²⁾. Подобнаго рода воззрѣнія подтверждаются также аналогическими явленіями изъ окружающей природы. „Человѣкъ подобенъ прекрасной розѣ, которая послѣ извѣстнаго времени засыхаетъ, которая тотчасъ же погибаетъ, какъ только отцвѣла; наши тѣла подобны плодамъ, которые висятъ на деревѣ и затѣмъ, созрѣвши, падаютъ съ него или же преждевременно валяются массами“³⁾. Человѣку такимъ образомъ не остается ничего болѣе при смерти, какъ отказаться отъ всѣхъ надеждъ на что нибудь лучшее и примириться съ мыслию, что по смерти навсегда придется остаться тамъ, гдѣ положено будетъ его тѣло⁴⁾. О возможности свиданія съ умершими по смер-

1) Non fui et so non ero non mihi dolet. *Or.* 4811.

2) Non fueras nunc es iterum nunc desines esse. *Renier*, inscr. rom. de l'Algér. 1855, n. 717.—Vel modo nobiscum vixit homo nunc homo non est stat lapis et nomen tantum vestigia nulla. *Borm.* S. 8, n. 7.—De nil in nil. *Or.* 4708.—Subito fatale rapina florentem vita sustulit atra dies. *Iahn*, Specim. epigr. 1841, p. 107.—Zoticus hic nomen nudum vanumq. reliqui. *Mommson*, Inscr. Neap. 1852 n. 1804.

3) Ac veluti formosa rosast cum tempore prodit arescit certo tempore deinde suo. *Iahn*, Specim. epigr. p. 108.—Rosa simul florivit et statim periit. *Wilmanns*, Exeml. inscr. 1873, n. 583.—Quo modo mala in arbore pendunt sic corpora nostra aut matura cadunt aut cito acerva ruunt. *Henz.* 7405.

4) Spes forma valete nil mihi vobiscum est... haec domus aeterna est hic sum situs hic ero semper. *Or.* 1173.—Нос. (=hue) mansum veni. *Or.* 4471.

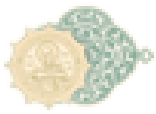
ти повидимому не можетъ быть при этомъ и рѣчи. „Прощай, прощай на вѣки“ ¹⁾),—вотъ тотъ послѣдній привѣтъ, съ которымъ живущіе обращаются къ умершимъ.

Но и это повидимому столь сильное отрицаніе загробной жизни нельзя однакоже считать вполне несоединимымъ съ вѣрою въ безсмертіе. Противъ этого говорить уже, какъ мы выше замѣтили, погребальныя обряды, устройство гробницъ и подобныхъ монументовъ тѣми самыми лицами, которыя не вѣрятъ, повидимому, въ безсмертіе, просьбы и распоряженія отъ имени умершихъ о надлежащемъ погребеніи, поминаненіи, молитвѣ за нихъ и т. под. Въ рассматриваемый періодъ обряды, относящіеся къ культу умершихъ, не только не уменьшились, но даже еще болѣе увеличились. Здѣсь очевидно имѣло значеніе, какъ и прежде, не одно только стремленіе къ поддержанію связи живыхъ съ умершими и сохраненію памяти о послѣднихъ въ потомствѣ, но главнымъ образомъ желаніе принести пользу умершимъ ²⁾), и, конечно, не тѣлеснымъ безжизненнымъ остаткамъ ихъ, а безсмертной душѣ. „Безразсудно было бы стремиться къ славѣ, если бы наши дѣйствія не приносили намъ пользы“ ³⁾). Эти слова, встрѣчающіяся въ одной надписи, могутъ служить девизомъ дѣятельности каждаго изъ древнихъ римлянъ. На многія изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ относительно смерти, какъ уничтоженіи бытія, мы имѣемъ право смотрѣть такъ же, какъ и на подобнаго рода библейскія выраженія, въ

¹⁾ Vale aeternum. Or. 4733.

²⁾ Такъ, одинъ вольноотпущенникъ проситъ свою умершую патронессу пощадить ея мать, отца и сестру, чтобы они могли помянуть ее,—*ut possint tibi facere post me sollemnia* (Henz. 6206). Подобный мотивъ былъ бы неумѣстенъ, если бы поминаненіе не имѣло существенно важнаго значенія для участіи умершихъ.

³⁾ *Nisi utile est quod facimus stulta est gloria. Gruter, Thesaur. inser. 1603, p. 898, n. 16.*

которыхъ напр. сравнивается жизнь человѣческая съ жизнію полевыхъ цвѣтовъ или бессловесныхъ животныхъ, вполне прекращающуюся послѣ кратковременнаго существованія. Въ этихъ выраженіяхъ указывается большею частію на прекращеніе лишь видимаго, физическаго бытія. Хотя между римлянами въ разсматриваемую нами эпоху, безъ сомнѣнія, не мало было приверженцевъ философскаго скептицизма и эпикуреизма, не вѣрившихъ въ безсмертіе или сомнѣвавшихся въ загробной жизни, однако они не могли оказать сильнаго вліянія на народныя религіозныя вѣрованія. Эпикуреизмъ и скептицизмъ, какъ и всякое философское направленіе, не смотря на практическій характеръ перваго, могли держаться лишь между болѣе или менѣе интеллигентными людьми, которые могли дѣйствительно выражать его положенія въ своихъ эпитафіяхъ, но послѣднія составляли, безъ сомнѣнія, лишь исключеніе въ общей массѣ.

Тѣмъ не менѣе вліяніе отрицательной философіи и въ частности эпикуреизма на римское общество было такъ значительно, что оно возбудило противъ себя оппозицію, которая, опираясь на древне-римскую и греческую религію и міеологію и нѣкоторыя положенія самой философіи, противопоставила этому направленію совершенно противоположныя воззрѣнія. Теперь напр. съ необычною до того времени силою и опредѣленностію не рѣдко проводится различіе между тѣломъ и душою и указывается также на различіе участи, постигающей по смерти эти двѣ части человѣческаго организма. „Человѣкъ возвращаетъ природѣ родственный ей духъ, а тѣло—туда, откуда оно происходитъ, т. е. въ землю; тѣло остается въ землѣ, имя—на камнѣ, а душа переходитъ въ воздухъ; тѣло переходитъ въ прахъ, а душа возносится въ священный воздухъ; тѣло переходитъ въ прахъ, а жизнь (душа) въ эфиръ“. Самая смерть состоитъ въ томъ, что духъ оставляетъ безжизненные чле-

ны ¹⁾. Во всѣхъ этихъ эпитафіяхъ, ясно выражающихъ мысль о безсмертіи души и отличіи ея отъ тѣла, обнаруживается несомнѣнное вліяніе философскихъ школъ, признававшихъ воздухъ или эфиръ однимъ изъ жизненныхъ элементовъ. Борьба философскихъ направленій не осталась безъ нѣкотораго вліянія и на народную массу. Скептицизмъ и невѣріе если не находили приверженцевъ среди народа, то могли возбудить нѣкоторое колебаніе народныхъ вѣрованій и вызывать мысль и фантазію къ рѣшенію такихъ вопросовъ, которые прежде не возникали. Поэтому теперь по преимуществу замѣчается стремленіе дать успокоеніе при смерти, пролить нѣкоторый свѣтъ на таинственную будущность за гробомъ и найти опору для религіозной вѣры. А что эпитафіи разсматриваемаго періода дѣйствительно имѣли въ виду по преимуществу утѣшеніе и назиданіе живущихъ, относительно этого мы имѣемъ множество свидѣтельствъ въ нихъ же самихъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „путникъ... я для тебя; посмотри и вѣрь; читающій эту надпись пусть научится быть благочестивымъ; свидѣтельства о прошлой жизни, вѣчная память объ умершемъ, слушать утѣшеніемъ при смерти“ ²⁾. Но воспоминаніе о прошлой жизни не могло, очевидно, доставить достаточнаго утѣшенія человѣку въ то время, когда возбуждалось сомнѣніе въ самомъ продолженіи жизни за гробомъ. Теперь чувствовалась нужда въ болѣе существенныхъ утѣшеніяхъ, кото-

¹⁾ *Naturae socialem spiritum corpusque origini reddidit. Henz. 7392 — Terra tenet corpus nomen lapis atque animam aer. Corp. inscr. lat. III, 6384. — In cineres corpus et in aethera vita soluta est. Mommsen, Inscr. Neap. 1804. — Venit postrema dies ut spiritus inania membra reliquat. Wilmanns, Exempl. inscr. 592.*

²⁾ *Viator saepe qui transis lege natus pro te sum. Or. 4749. — Re(spicie et crede Henz. 7398. — Qui legit discat esse pius. Or. 4407. — Quae fuerint praeteritae vitae testimonia nunc declaramus hac scriptura postrema haec sunt enie (enim) montis (=mortis) solacia ubi continetur nominis vel generis aeterna memoria. Henz. 7408.*

рыя могли пріистекать только изъ вѣры въ безсмертіе. Поэтому теперь съ гораздо большею опредѣленностью, нежели прежде, выражается, рядомъ съ сомнѣніемъ, вѣра въ безсмертіе,—указывается на свободное отъ земныхъ трудовъ, лишений и несчастій бытіе за гробомъ ¹⁾, высказывается твердая надежда на свиданіе съ умершими по смерти и увѣренность въ возможности свиданія съ ними даже на землѣ, во снѣ²⁾, а сами умершіе не только облачаются высшею властью, но и прямо называются богами. Впрочемъ умершимъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ придается общее имя бога (*Divus, Dea*) или собственное имя какого либо изъ безсмертныхъ боговъ и богинь (напр. Юноны, Венеры и др.) ³⁾. Но обыкновенно почти на каждомъ погребальномъ монументѣ стоитъ надпись, что онъ посвященъ или вообще *богамъ Манамъ* (*D. M; DIS. MANIBVS. SACRVM*), или Манамъ кого-либо изъ умершихъ въ частности. Но что такое Маны?—Вопросъ этотъ, служившій предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій, различно рѣшался большею частію на основаніи лишь литературныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ сообщеній древ-

¹⁾ *Hanc requiem fessos tandem qua conderet artus... Or. 4827.—Morborum vitia et vitae mala maxima fugi nunc careo poenis pace fruor placida. Or. 1197.—Nunc recipe me saxe libens tecum cura solutus ero. Or. 2982.*

²⁾ *Solamen erit quod te iam iamque videbo cum vita functus iungar tuis (=tuis) umbra figuris. Or. 4847.—Sequitur tales hic vos expecto venitaе. Renier, 2074.—Visis te ostente videri. Corp. inscr. II, 4427.—Vellitis horis nocturnis ut eum videam. Or. 4775.—См. Henz. 7346.*

³⁾ Такъ одинъ умершій мальчикъ называется *divus et dominus meus. Wilmanns, 241.*—Но обыкновенно это названіе употребляется по отношенію къ императорамъ. Женщины также иногда называются *deae*; напр. *Deae sanctae meae Primillae. Henz. 7348.—Deae dominae Rufiae. Or. 4588.—Quae cum vixit dea et sanctissima dicta est. Or. 4647.—Cujugi divinae. Or. 4646.—Iunoni Tyche Iuliae Augustae Vener. Or. 1328.—Iunonib. matron. Or. 1326.—Sibi et Orfeitae f. an. XIV virgini Veneri cupudini inferor. Or. 4585.—Veneri Verae Felici Gabinae. Or. 1368.*—Умершіе иногда также изображались въ видѣ боговъ и богинь. Такъ, Клавдіѣ Семіѣ были поставлены три статуи въ видѣ Фортуны, Надежды и Венеры. *Or. 4456.*

нихъ авторовъ. Очевидно, что уже въ древности не только въ народѣ, но и среди интеллигентнаго класса не было вполне яснаго и опредѣленнаго взгляда на этотъ предметъ ¹⁾. Эта неопредѣленность еще болѣе была усилена чрезъ разнообразныя попытки къ выясненію противорѣчій въ народно-религіозныхъ вѣрованіяхъ, замѣчаемыя уже въ древне-классической литературѣ. Поэтому эпиграфическія данныя имѣютъ особенно важное значеніе въ данномъ случаѣ, какъ наиболѣе вѣрные выразители національныхъ римскихъ воззрѣній.

Въ разсматриваемыхъ нами памятникахъ въ данномъ случаѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что названіе боговъ Мановъ исключительно употребляется во множественномъ числѣ ²⁾. Уже эта множественность, въ особенности если слова „богамъ Манамъ“ стоятъ при имени одного (въ родительномъ падежѣ), а не многихъ умершихъ ³⁾, показываетъ, что Мановъ умершаго нельзя отождествлять съ самимъ умершимъ, какъ единичнымъ лицомъ, съ его душою или, какъ предполагали нѣкоторые уже изъ древнихъ авторовъ, съ Геніемъ ⁴⁾, который иногда также отождествляется съ душою ⁵⁾. Сверхъ того есть эпитафіи, въ которыхъ прямо отличаются Маны отъ Геніевъ, равно какъ отъ тѣхъ и другихъ отличаются сами умершіе или устроители гробницъ. Такъ напр. мы встрѣчаемъ надписи: „богамъ Манамъ и Генію Г. Флавія“; „Т. Алфену Испанскому, Генію и богамъ Манамъ построила Торія Гемелла“; „богамъ Манамъ, себѣ и вольноотпу-

1) Напр. у Варрона; см. *Arnob. advers. gent.* III, 41.

2) Единственный примѣръ употребленія этого слова во множественномъ числѣ встрѣчается у *Анугей* (de deo Socr. 15).

3) Напр. *Dis Manibus Thetidis. Henz.* 7346.

4) Такъ напр. *Сервій* (ad Virg. Aen. III, 63) допускалъ отождествленіе Мановъ съ двумя Геніями, сопутствующими человѣку.

5) *Augustin.* de civ. Dei VII, 23; см. *Schömann*, opusc. acad. 1851, I, 370.

щенникамъ, и вольноотпущенницамъ и потомкамъ ихъ и милосердію“ ¹⁾). Противъ отождествленія Мановъ съ самимъ умершимъ или съ душою его свидѣтельствуется также обычай при своей жизни посвящать погребальные монументы своимъ Манамаъ, потому что только по смерти могла бы быть рѣчь о Манамахъ того или другаго человека. Трудно было бы въ такомъ случаѣ объяснить также и посвященіе погребальныхъ монументовъ Манамаъ какого-нибудь мѣста²⁾). Но несостоятельность разсматриваемаго мнѣнія въ особенности обнаруживается изъ нерѣдко встрѣчающихся примѣровъ обращенія нѣкоторыхъ лицъ къ своимъ Манамаъ съ мольбами и порученія умершаго Манамаъ его ³⁾), потому что это значило бы просить себя самихъ и поручать умершаго ему же самому. Все это показываетъ, что имя Мановъ нужно понимать не какъ обозначеніе единичнаго духа, а какъ коллективное, общее названіе душъ умершихъ. Къ тому же заключенію приводитъ и посвященіе нѣкоторыхъ монументовъ *общимъ* Манамаъ ⁴⁾). Римляне особенно были привержены къ системѣ протектората. Почти всѣ явленія въ ихъ жизни были поставлены подъ покровительство или защиту какихъ-либо высшихъ существъ. Подобнаго рода система должна господствовать, по ихъ представленію, и въ загробномъ мірѣ. Маны должны были такимъ образомъ имѣть такое же значеніе въ отношеніи къ умершимъ и мѣстамъ ихъ непосредственнаго пребыванія, гробницамъ, какое Генія и Пенаты имѣли по от-

¹⁾ Diis Manibus et Genio C. Flavii Or. 1727.—P. Alfeno Hypano Genio et dis Manes Thoria Gemella fecit. Or. 1725.—D. M. fecit sibi et lib. liberabusq. posterisq. eorum et Misericordiae. Henz. 7344.

²⁾ D. M. loci... Orell. 4477.

³⁾ Такъ, Вибія проситъ Мановъ, чтобы они ее одну держали въ подземномъ царствѣ, чтобы такимъ образомъ могли остаться въ живыхъ и дѣлать ей приношенія тѣхъ, которыхъ она всегда любила. *Iahn*, Specim. epigr. p. 107.—Одна вдова обращается къ Манамаъ своего мужа съ мольбою: peto vos M(an)es sanctissimae commendat(um) habeatis meum co(con)juge)m et vellitis huic indulgentissimi esse. Or. 4775.

⁴⁾ Напр. Diis Manibus comunibus. Or. 4437.—Socios Manes... Or. 4851.

попеченію къ живымъ людямъ и ихъ жилищамъ. Впрочемъ Геніи и Пенаты не оставляли людей и послѣ ихъ смерти безъ своего попеченія, вслѣдствіе чего имъ посвящаются нѣкоторые изъ погребальныхъ монументовъ, на которыхъ Геніи иногда, въ отличіе отъ земныхъ, называются подземными (*infernus*) ¹⁾. Но эта охрана умершихъ и погребальныхъ монументовъ лежала собственно на обязанности боговъ Мановъ.

У римлянъ, какъ мы видѣли, уже съ самыхъ древнихъ временъ существовала вѣра въ божественность умершихъ. Но собственно названіе боговъ они прилагали лишь къ тѣмъ умершимъ, которые при своей жизни выдавались изъ ряда другихъ людей своими доблестями или услугами отечеству. Одни изъ этихъ умершихъ подъ именемъ *Ларовъ* дѣлались покровителями тѣхъ семействъ и корпорацій, къ которымъ они принадлежали при жизни, хотя мѣстомъ ихъ пребыванія служило собственно подземное царство. Другіе достигали еще болѣе высокаго состоянія, переселялись въ высшія небесныя сферы, въ царство боговъ небожителей, какъ *полубоги* или *герои*. Люди, проводившіе порочную, преступную жизнь, дѣлались по смерти *Ларвами* или *Лемурами*, которые, какъ ночныя привидѣнія, блуждали по землѣ и пугали людей въ сновидѣніяхъ. Души же тѣхъ умершихъ, которыхъ неизвѣстно было, къ какому изъ этихъ классовъ они принадлежать, назывались *Манами*. Такое понятіе о Манахъ мы встрѣчаемъ большею частію въ литературныхъ произведеніяхъ ²⁾. Но въ эпитафіяхъ выражается болѣе высокое понятіе о нихъ, очень близкое къ понятію *Ларовъ*; также и нѣкоторые изъ древнихъ авторовъ отождествляли ихъ съ *Ларами*. Уже самое имя Мановъ показываетъ, что это—добрые, чистые, свѣтлые, духи ³⁾. У римлянъ вообще

¹⁾ Genio M. Cassii. *Wilmanns*, 239.—Dis Penatibus. *Or.* 4455.—Genio inferno. *Or.* 1726; 4577.

²⁾ Напр. *Cicer.* *Tuscul.* I, 12; *August.* de civ. Dei IX, 11 и друг.

³⁾ Manes сродно съ *manus* (=bonus) и *mane*, и составляетъ противу-

не было въ обычаѣ говорить что-либо дурное объ умершихъ (*de mortuis nil nisi bene*). Они весьма большое значеніе придавали предзнаменованіямъ и называли души всѣхъ близкихъ имъ умершихъ добрыми изъ опасенія чрезъ противуположное названіе оказать на судьбу послѣднихъ дурное вліяніе. Изъ этого же побужденія вмѣстѣ съ уваженіемъ къ умершимъ и желаніемъ,—особенно обнаруживающемся въ разсматриваемый періодъ, когда во многихъ возникало сомнѣніе въ самомъ продолженіи жизни за гробомъ,—окружить ихъ бѣльшимъ почетомъ легко могло возникнуть предположеніе о нихъ какъ о богахъ. Впрочемъ понятіе божества имѣло первоначально, безъ сомнѣнія, болѣе широкое значеніе, нежели какое было придано ему впоследствии ¹⁾. Оно могло служить вообще для обозначенія высшей степени какихъ-нибудь достоинствъ и силъ, превосходства надъ прочими людьми. Вслѣдствіе этого и нѣкоторымъ изъ живыхъ людей приписывалась иногда божественность, чему отчасти могъ содѣйствовать также примѣръ грековъ, усвоившихъ этотъ обычай съ востока. При этомъ могла имѣть значеніе отчасти и лесть, которая въ особенности замѣчается въ апотеозѣ императоровъ и высшихъ сановниковъ. Тѣмъ болѣе названіе боговъ могло прилагаться къ душамъ умершихъ или Манахъ, возвышающимся надъ людьми своими силами и безсмертіемъ. Такъ, Манахъ приписывается власть надъ людьми, и въ особенности надъ тѣми, которые только что переходили изъ земнаго міра въ подземный,—выражается вѣра въ ихъ силу исцѣлять болѣзни, награждать и карать людей и приписы-

положность къ *immanis* (*Preller. Rom. Mythol.* 72. 755; *Hartung, d. Relig. d. Rom.* I, 43). Поэтому въ эпитафіяхъ къ Манахъ часто прилагаются эпитеты, указывающіе на ихъ святость, доброту и благотѣльное отношеніе къ людямъ: *M(an)es sanctissimae Or.* 4775.—*Dis Manibus sanctis castis piis. Wilm.* 232.—*Dis propitis. Or.* 4454.—Авгуры называли всѣхъ вообще боговъ Манахи, исходя изъ понятія о послѣднихъ, какъ вообще о добрыхъ высшихъ существахъ. *Preller, Röm. Mythol.* 456.

¹⁾ *Hartung, d. Relig. d. Rom.* I. 31—32.

вается названіе даже распорядителей или, вѣрнѣе, посредниковъ судебъ ¹⁾. Самая смерть нѣкоторыхъ лицъ приписывается дѣйствию Мановъ,—говорится, что ихъ взяли или приняли къ себѣ боги Маны. Имъ поручаютъ умершихъ, къ нимъ обращаются съ мольбою о принятіи ихъ къ себѣ или объ охраненіи живыхъ, о снисходительности, милосердіи къ послѣднимъ, заявляютъ имъ свои жалобы, употребляютъ ихъ имя для клятвъ, окружаютъ ихъ божественнымъ культомъ, строятъ имъ жертвенники и приносятъ жертвы, ихъ охранѣ ввѣряютъ погребальныя монументы, которые считаются священными предметами и нерѣдко называются также жертвенниками и храмами ²⁾ и т. под. Маны такимъ образомъ, по изображенію ихъ въ эпитафіяхъ,—это вообще добрые духи, души умершихъ, возвышенные чрезъ погребальныя и поминавенныя обряды и молитвы до состоянія, свойственнаго богамъ, простирающіе свою власть надъ живыми людьми, но главнымъ образомъ охраняющіе гробницы и умершихъ и принимающіе послѣднихъ въ свою среду.

¹⁾ Dis Manibus pro salute Meminae. *Or.* 1480.—Quis quis huic sepulcro nocere conatus fuerit Manes eius eum exagitent. *Wilm.* 271.—Quisque Manes inqu(i)etaberit habebit illas iratas. *Mommsen*, *Inscr. Neap.* 3037.—Parce parcent tibi. *Wilm.* 438.—Bene valeatis qui hoc titulum perlegit meum. *Wilm.* 2704.—D. M. fatorum arbitris. См. *Помяловскаго* эпитаф. этюды, 58.

²⁾ Dii Manes receperunt Abulliam. *Corp. inscr. II*, 2255.—Quem Manes dii rapuerunt. *Or.* 4840.—Peto vos M(an)es sanctissimae commendat(um) h. beatis meum co(n)juge)m et vellitis huic indulgentissimi esse. *Or.* 4775.—Manes insonitem recipite animulam. *Or.* 2605.—Serva tuos omnes. *Renier*, 282.—Pare matrem tuam et patrem et sororem tuam ut possint tibi facere post me sollemnia. *Henz.* 6206.—Nunc queror apud manes eius. *Henz.* 7382.—Locus sacer. *Or.* 4499.—Haec. ara hic cinis. *Wilm.* 582.—Struxid novissima templa Manibus et cineri. *Or.* 132.—Templum cum signo aereo effigie Veneris et aram aeream. *Or.* 1368.—Оскверненіе погребальныхъ монументовъ называется преступленіемъ противъ религіи, святотатствомъ, напр. fodere noli ne sacrilegium committas. *Or.* 2633.—Относительно воздаянія божественныхъ почестей Манамъ см. *August. de civ. Dei VIII*, 26.

Но, не смотря на свою божественную власть и значеніе, Маны не равны небеснымъ богамъ, отъ которыхъ они ясно отличаются въ эпитафіяхъ, такъ же какъ и переходъ умершихъ въ область Мановъ служить низшею ступенію въ сравненіи съ переходомъ на небо, на небесныя звѣзды¹⁾. Жилище Мановъ находится внутри земли или въ подземномъ царствѣ (Авернѣ)²⁾, относительно котораго въ надписяхъ разсматриваемаго періода мы находимъ впрочемъ мало новаго сравнительно съ тѣмъ, что мы прежде встрѣчали. Національное воззрѣніе на этотъ предметъ осталось въ сущности неизмѣннымъ. Теперь замѣчается лишь большее распространеніе греческихъ религіозно-мифологическихъ воззрѣній на загробную жизнь, бывшее прямымъ слѣдствіемъ стремленія къ восполненію существенныхъ пробѣловъ, обнаруживавшихся въ національно-религіозныхъ воззрѣніяхъ римлянъ. Такъ, рядомъ съ латинскими именами Отца Дита (Ditis Patris), Орка (въ древности называвшагося Урагомъ), матери земли (Tellus dea, Mater Terra), Цереры, Маниі, матери Ларовъ, Либитины, мы очень часто встрѣчаемъ среди подземныхъ или стигійскихъ боговъ (dii inferi, dii stygii) и чисто-греческія имена Плутона, который, какъ верховный властитель этого міра, иногда называется также Сумманомъ (Summanus), Персефоны, которая большею частью называется Прозерпиною и др.³⁾ Всѣ эти божества, служащія большею частію также олицетвореніемъ производительныхъ силъ природы, находятся въ непосредственномъ отношеніи къ землѣ и имѣютъ мѣсто своего пребыванія, какъ и Маны, въ глубинѣ ея или подъ нею, вслѣдствіе чего оно назы-

¹⁾ Vel Manes vel di caelestes erunt sceleris vindices. *Henz.* 7408.—Non ad Manes sed coeli ad sidera pergis. *Wilms.* 594.

²⁾ Hoc (huc) mansum veni. *Or.* 4471.—Mater (Terra) genuit mater recipit. *Or.* 4417.—Peto nunc a te dominator Avernī... *Wilms.* 590.

³⁾ *Or.* 4967; *Henz.* 7382; *Or.* 4581; 1503; 1505; 4417; 2025; 961; 1479; 3349; 2998; 1466; 1472; 4849 и мн. др.

вается также мрачнымъ царствомъ ночи или Эребомъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ и темное чувство различія загробной участи умершихъ получило теперь болѣе опредѣленный характеръ чрезъ усвоеніе греческихъ сказаній о тартарѣ и Элизіи и чрезъ представленіе о пребываніи высшихъ духовъ умершихъ въ небесныхъ сферахъ ²⁾. Но греческіе миѳы не получили у римлянъ дальнѣйшаго развитія. Они стоятъ среди римскихъ національно-религіозныхъ представленій какъ бы отдѣльно,—или принимаются вмѣстѣ съ соотвѣтственными обрядами безъ измѣненій, безъ переработки со стороны римско-религіозной мысли, или же сливаются съ соотвѣтствующими древне-римскими представленіями, обнаруживая свое вліяніе лишь въ перемѣнѣ именъ. Теперь остаются въ силѣ также прежніе погребальные и поминовенные обряды и молитвы за умершихъ, имѣвшіе цѣлю оказать помощь умершимъ для перехода изъ худшаго состоянія въ лучшее. Есть общія указанія, повидимому, и на будущій загробный судъ, такъ же какъ замѣчается стремленіе къ смягченію этого суда. Это можно видѣть именно изъ посвященія нѣкоторыхъ погребальныхъ монументовъ милосердію (*Misericordiae*) и богамъ милостивымъ (*diis propitis*) ³⁾. Вмѣстѣ съ этимъ выражалась и вѣра въ загробное возмездіе. Въ одной мистической эпитафіи даже прямо говорится, что добрыя дѣла человѣка не остаются безплодными для него за гробомъ, что добродѣтельные люди будутъ пользоваться вѣчною жизнію въ элизіи ⁴⁾. Съ другой стороны во многихъ

¹⁾ *Mersit in aeternam extin(cto pect)ore noctem. Borm. 7, 5.—Loca sancta Erebi. Zell, Ausw. röm. Inschr. 1874, n. 1958.*

²⁾ *Noscetis Geminiam Agathen quam mortis acerbus eripuit Letus teneramque ad Tartara duxit. Borm. 5, 3.—Semper sub Tartara vibunt. Henz. 7352.—Nunc vero infernas sedes Acherontis ad undas tetraque Tartarei per sidera tendo profundum. Or. 1174.—Elysiis campis floreat umbra tibi. Or. 4841.—Reparatus item vivis in Elysiis. Corp. inser III, 686.*

³⁾ *Henz. 7344; Or. 4454.*

⁴⁾ *Cum vobis bene fac hoc tecum feres. Henz. 6042.—Vivis in Elysiis sic placitum est divi a(eterna vivere for(ma) qui bene de supero lumine sit meritis Corp. inser III 682*

эпитафіяхъ встрѣчаются угрозы, что нарушители святости гробницъ подвергнутся гнѣву боговъ, что боги отместятъ за преступленіе, что сама земля будетъ служить мучительнымъ гнетомъ для преступниковъ, что они не будутъ приняты подземными богами ¹⁾, ихъ ожидаетъ мучительное блужданіе на землѣ въ образѣ ночныхъ призраковъ или Ларвъ, считающееся однимъ изъ величайшихъ наказаній. Но подробностей о тѣхъ радостяхъ и мученіяхъ, которыя ожидаютъ умершихъ, мы не находимъ въ эпиграфическихъ даныхъ. И теперь загробная жизнь изображается въ нихъ вообще въ очень безотрадномъ видѣ для всѣхъ умершихъ. Умершіе находятся въ пассивномъ, какъ бы сонномъ состояніи ²⁾. Для нихъ навсегда закрыты тѣ живыя чувства, тѣ радости, которыя доступны земнымъ жителямъ; имъ нѣтъ никакой надежды и на пробужденіе, на новое возвращеніе къ радостямъ земной жизни ³⁾. Не обладая тѣломъ, они свободны и отъ тѣхъ ограниченій, которыя оно налагаетъ на человѣка. Впрочемъ и умершіе не вполне чужды тѣлесности: они облечены нѣкоторымъ призрачно—тѣлеснымъ покровомъ, вслѣдствіе чего къ нимъ обыкновенно прилагается названіе тѣней (*umbrae*) ⁴⁾. Высшее благо, которымъ они

¹⁾ Qui violaverit sive immutaverit deos sentiat iratos. *Henz.* 7340.—Quisquis ei laesit aut nocuit Severae immerenti domine sol tibi commendo ut (v)indices eius mortem. *Or.* 4792.—Ossa eius si qui ovviolarit ad iferos non recipiatur. *Henz.* 7341.—Siquis laeserit nec superis comprobetur nec inferi recipiant et sit ei terra gravis. *Henz.* 7382.

²⁾ Dormi. *Or.* 4760.—Cupidius perpoto in monumento meo quod dormiendum et permanendum hic est mihi. *Or.* 4808.—Quos dii irati uno die aeterno somno dederunt. *Or.* 4796.—Hunc somno aeternali patria retinet. *Or.* 4664. Поэтому нѣкоторые погребальные монументы посвящаются сну или вѣчному сну: somno aeterno sacru; somno sepulcro aeternali sacrum. *Or.* 4428; 4622 и др. Можетъ быть поэтому умершіе и людямъ являются лишь въ сновидѣніяхъ (см. *Orell.* 4775).

³⁾ Si qua pietas gelidos movet a(n)xia Manes). *Or.* 4850.—Si qua oblectamenti apud vos est Manes. *Or.* 2605.—Credo tibi gratum si haec quoque tartara norunt. *Renier.* 2823.—Outinam possit reparari spiritus ille. *Or.* 4833.

⁴⁾ Напр. *Wilm.* 568; 573 и др.

могутъ пользоваться, это ненарушимый глубокий покой. Поэтому погребальныя монументы очень часто посвящаются покою, и въ эпитафіяхъ выражается желаніе покоя умершимъ, которые иногда называются также покойниками (*se-cures*) ¹⁾, свободными отъ заботъ. Поэтому и умершіе часто просятъ и умоляютъ живыхъ не нарушать ихъ покоя и не тревожить гробницъ, грозятъ нарушителямъ страшными наказаніями, а исполнителямъ этихъ просьбъ обѣщаютъ щедрое возмездіе. Покой умершихъ не нарушается, повидимому, и ихъ отношеніемъ къ земному міру. Свое вліяніе на судьбу людей они производятъ,—если не исключительно, то большею частію,—чрезъ другихъ высшихъ боговъ, въ непосредственное же отношеніе съ людьми вступаютъ лишь во время сна послѣднихъ,—въ сновидѣніяхъ ²⁾.

Но пассивное состояніе покоя, какъ бы оно ни было хорошо, никогда не можетъ быть столь пріятнымъ, какъ дѣйствительное наслажденіе благами земной жизни. Поэтому и въ разсматриваемый періодъ остается въ силѣ прежній взглядъ на умершихъ, какъ на несчастныхъ, и на смерть—какъ на зло и наказаніе. И теперь мы также встрѣчаемъ выраженіе горькой скорби о потерѣ земной жизни, сильныя жалобы на жестокость судьбы, полагающей конецъ жизни; смерть невинныхъ лицъ оплакивается, какъ незаслуженное

¹⁾ *Securitati sacrum. Or. 4849.—D. M. et aeternae securitati. Henz. 7376.—Perpetuae securitati. Or. 4448.—Quieti aeternae. Or. 4631.—Dis securis. Or. 4453.—Bene quiescas; bene adquiescas. Or. 4755; Borm. 14, 17.*—Объ умершихъ говорится, что они покоятся,—*hic quiescit; hic requiescit (Or. 4479, 449)*, и самая гробница иногда называется мѣстомъ покоя,—*requietorium (Or. 4533)*.

²⁾ Это видно напр. изъ слѣдующей надписи: *viator noli mihi maledicere nequeo in tenebris respondere. Grut. inser. 623, 5.* Поэтому умершіе нередко обращаются къ высшимъ богамъ съ молитвами о себѣ и о живыхъ людяхъ и просятъ людей молиться за нихъ; равнымъ образомъ и люди обращаются къ умершимъ съ просьбами о молитвахъ и молятся за нихъ. *Oro felix et hilaris vivas qui legeris et Manibus meis optaveris. Or. 2229.—Vos precor hoc superi ut vitam post me servetis amicis. Wilm. 573.—Hoc peto nunc dicas sit tibi terra levis. Corp. inser. II, 1235.—Pete pro parentes tuos. Henz. 7400.—Dii tibi bene faciant. Or. 4743.—Visis te ostende videri. Corp. inser II, 4427; см. Or. 4775.*

наказаніе со стороны раздраженныхъ несправедливыхъ боговъ; даже прямо говорится что необходимо жаловаться на смерть, сожалѣть о потери жизни ¹⁾. Только жалкіе нелюбимцы фортуны, испившіе до дна чашу несчастій на землѣ, могли спокойно оставлять земную жизнь, не давшую и не общавшую имъ ничего пріятнаго, потому что смерть избавляла ихъ отъ всѣхъ горестей земной жизни ²⁾. Даже всѣ ухищренія философскихъ умовъ, старавшихся освободить людей отъ страха смерти, оказывались большею частію безсильными. Загробная жизнь такимъ образомъ слишкомъ мало представляла утѣшительныхъ надеждъ римлянину. Утѣшеніе, радости для него лежали собственно лишь по сторону гроба. Неудивительно поэтому, что римляне старались всячески поддержать по смерти свою связь съ столь пріятнымъ для нихъ земнымъ міромъ,—уже одно воспоминаніе о прошлой земной жизни могло служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ для умершаго ³⁾. Неудивительны послѣ того и тѣ энергическіе призывы къ наслажденію земною жизнью, которые мы нерѣдко встрѣчаемъ въ эпитафіяхъ разсматриваемаго періода ⁴⁾,—ихъ могъ высказывать не только какой-нибудь эпикуреецъ, но и каждый римлянинъ, мало отраднаго предвидѣвшій въ загробной жизни.

¹⁾ Infelix iaceo nunc cinis et lacrimae. *Borm.* 9, 8.—O iucundum lumen superum o vitae iucunda voluptas. *Wilms.* 567.—O dolor quantae lacrimae fecere sepulcrum... o utinam possit reparari spiritus ille. *Or.* 4833.—Male iudicantibus fatiis. *Or.* 4579.—Quos dii irati uno die aeterno somno dederunt. *Or.* 4798.—Dis iniquis qui rapuerunt animulam t(u)a(m). *Or.* 2579.—Quam mortis acerbus eripuit Letus. *Borm.* 5, 3.—Nomina vestra (Parcae) qui coluere cadunt (qui) neglexere manent. *Corp. inscr.* III, 2341.—Non merito sed fato mors in maturum abstulit suis carissimum. *Henz.* 7379.—Non ut meruit mortis sortem retulit. *Henz.* 7408.—Queri necesse est de puellula dulci. *Wilms.* 583.

²⁾ *Orell.* 1197; 2982; 4818; *Henz.* 7402.

³⁾ *Henz.* 7408.

⁴⁾ Vivite victuri moneo mors omnibus instat. *Corp. inscr.* II, 391.—Amice lude iocare veni. *Wilms.* 248.—Es bibe lude veni. *Corp. inscr.* II, 1877.—Dum vivimus vivamus. *Or.* 4807.—Dum vixi bi(bi) libenter bibin (=bibite) vos qui vivitis. *Henz.* 6674.

Итакъ національная религія не давала римлянамъ успокоенія относительно загробной участи. Тщетно многіе изъ нихъ, какъ мы видѣли это изъ надгробныхъ надписей, старались найти его въ греческой религіи и философіи: древне классическая цивилизація, ознаменовавшая себя рядомъ блестящихъ успѣховъ въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, оказалась въ данномъ случаѣ безсильною. Высокіе умы, не просвѣщенные свѣтомъ божественнаго откровенія, ясно видѣли, хотя и не всё, различіе между духовною и тѣлесною природою человѣка, признавали безмертіе души, имѣли нѣкоторое предчувствіе даже загробнаго возмездія; но, не будучи въ силахъ подняться выше интересовъ земной жизни и понять истинное назначеніе человѣка, они обыкновенно видѣли цѣль жизни не по ту, а по сю сторону гроба; а потому имѣли очень темное представленіе о загробной участи и не могли дать истиннаго утѣшенія человѣку, оставляющему земную жизнь. Если же такъ было среди наиболѣе образованныхъ людей, то тѣмъ болѣе безотрадно было положеніе необразованной массы народа, обращающейся за рѣшеніемъ своихъ недоумѣній почти исключительно къ своей религіи и міеологіи и не находившей здѣсь отвѣта на наиболѣе важныя для человѣка вопросы. Только христіанство своею проповѣдью, доступною каждому человѣку, указало истинную цѣль жизни и возвѣстило, что мы лишь странники и пришельцы на землѣ, что земная жизнь должна служить приготовленіемъ къ будущей и что тѣ изъ насъ, которые проводятъ жизнь на землѣ согласно своему назначенію, будутъ по смерти вѣчно наслаждаться, въ общеніи съ Первоисточникомъ жизни, такими высокими радостями, какихъ око человѣческое не видало и ухо не слыхало и какія никогда не приходили на мысль человѣку.

Н. Дроздовъ.

ОТЧЕТЪ

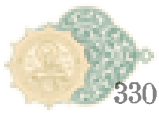
Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи за 1880 годъ.

I. Измѣненія въ составѣ Общества.

Отчетный годъ ознаменованъ былъ важнымъ событіемъ въ жизни Церковно-археологическаго Общества, именно поступленіемъ его подъ августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Владиміра Александровича, который благоволилъ выслать въ Общество 466 оттисковъ съ гравирсвальныхъ досокъ, хранящихся въ Императорской Академіи Художествъ, и 500 р. серебромъ на нужды Общества, обѣщавъ и на будущее время поддерживать Общество и ходатайствовать у высшаго правительства по всѣмъ нуждамъ Общества.

Къ концу 1879 года, кромѣ Высочайшаго Покровителя Общества и Высокопреосвященнѣйшаго Попечителя оного, Митрополита Кіевскаго Филовея, всѣхъ членовъ Церковно-археологическаго Общества, включая и предсѣдателя, было 136, изъ коихъ 26 почетныхъ членовъ, 72 дѣйствительныхъ и 35 членовъ—корреспондентовъ.

Въ теченіи 1880 года послѣдовали слѣдующія перемѣны въ составѣ Общества. Исключенъ изъ списковъ отказавшійся отъ званія дѣйствительнаго члена бывшій инспекторъ педагогическихъ классовъ въ г. Бялой, Сѣдлец-

кой губерніи, Я. П. Андріевскій. Переименованъ изъ дѣйствительныхъ членовъ въ почетные пресвященныі Іаннуарій, епископъ Балтскій. Вновь поступили: въ почетные члены—директоръ Археологическаго Института, Сенаторъ, Николай Васильевичъ Калачовъ; Помощникъ Директора Императорской Публичной Библіотеки, академикъ, Аѳанасій Ѳеодоровичъ Бычковъ; Конференцъ—Секретарь Императорской Академіи Художествъ, Петръ Ѳеодоровичъ Исѣевъ; въ дѣйствительные члены—членъ С.Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета архимандритъ Арсеній, начальникъ Синодальнаго Архива и Библіотеки Николай Ивановичъ Григоровичъ, Синодальный бібліотекаръ Николай Платоновичъ Барсуковъ, помощникъ директора Московской Оружейной Палаты Георгій Димитріевичъ Филимоновъ, хранитель рукописей и старопечатныхъ книгъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея Алексій Егоровичъ Викторовъ, иѣжинскій уѣздный предводитель дворянства Василій Васильевичъ Тарнавскій и лекторъ англійскаго языка въ Кіевской дух. Академіи Алексій Ивановичъ Михайловскій; въ члены—корреспонденты—ключарь Кишиневскаго кафедральнаго собора, протоіерей Евграфъ Понятовскій, начальникъ иконописной мастерской Кіево-Печерской Лавры іеромонахъ Алвіанъ, благочинный 6-го округа, Черкаскаго уѣзда, Кіевской епархіи, священникъ Іоаннъ Мельниковскій, священникъ села Баглай, Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губерніи, Іосифъ Ковальницкій, и священникъ села Крупца, Острожскаго уѣзда, Волынской же губерніи, Іосифъ Лонткевичъ. Дѣйствительный членъ Общества, доцентъ Кіев. дух. Академіи К. Д. Поповъ, избранъ въ помощника секретаря Общества.

Затѣмъ, къ концу отчетнаго года, состояло, кромѣ предсѣдателя: почетныхъ членовъ 29, дѣйствительныхъ 78 и членовъ—корреспондентовъ 40,—всего съ предсѣдателемъ 147 человекъ,

II. Приращеніе музея и библіотекн его.

Въ теченіи 1880 года въ Церковно-Археологическій музей и библіотеку его поступили слѣдующія пожертвованія:

Отъ Августѣйшаго Покровителя Общества, Президента Императорской Академіи Художествъ, Великаго Князя Владиміра Александровича, 466 оттисковъ съ гравировальныхъ досокъ, хранящихся въ означенной Академіи.

Изъ Почаевской Лавры ¹⁾, чрезъ намѣстника опой, дѣйствительнаго члена Общества, архимандрита Іоанна—17-ть деревянныхъ, 35-ть мѣдныхъ гравировальныхъ досокъ и 306 листовъ современныхъ оттисковъ съ гравировальныхъ досокъ Почаевской Лавры.

Отъ того же архимандрита Іоанна восемь западно-европейскихъ и русскихъ монетъ XVII—XIX в. и три фотографическіе снимка съ древнихъ актовъ.

Отъ дѣйствительнаго члена, Инспектора Воронежской духовной Семинаріи игумена Акакія—шесть книгъ на латинскомъ языкѣ, XVI—XVIII в.в., преимущественно касающихся византійской исторіи.

Отъ члена—корреспондента, священника села Хмельной, Черкаскаго уѣзда, І. Мельниковскаго: бронзовое копье первобытной эпохи, бронзовый наконечникъ отъ ноженъ для кинжала, мѣдный энколпѣонъ, 2 церковныя печати и рукописныя поученія бывшаго Кіевскаго викарія Іринѣя Фальковскаго.

Отъ члена—корреспондента, священника м. Полоннаго, Волынской губерніи, Ст. Хойнацкаго: 4 мѣдныхъ креста, 12 мѣдныхъ образковъ и 1 мѣдная бляха.

Отъ члена—корреспондента, священника с. Вишенокъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, Ѳ. Яновскаго:

¹⁾ Пожертвованія перечислены въ хронологическомъ порядкѣ поступленія въ музей, при чемъ одновременныя пожертвованія одного и того же лица обозначены вмѣстѣ.

три кремневые стрѣлки, двѣ стеклинныя бусины, чугунный шестигранный неизвѣстнаго назначенія, старинный стеклянный медальончикъ, 8 серебряныхъ и 6 мѣдныхъ монетъ польскихъ и русскихъ XVI—XVIII в.в., гипсовое изваяніе херувима отъ иконостаса, мѣдный крестъ и два такихъ же образка, деревянная рѣзная гравировальная доска 1744 г., рѣзанная въ Кіевѣ, и двѣ иконы.

Отъ учителя Вишенскаго Училища Ксеноф. Пв. Суховича, чрезъ того же священника Ѳ. Яновскаго—Лѣтопись келейный св. Димитрія Ростовскаго, рукопись 1763 года, съ прибавленіями, касающимися южно-русской исторіи.

Изъ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго въ Кіевѣ—сорокъ экземпляровъ оттисковъ съ древней ксилографической доски, изображающей Страсти Христовы, сдѣланныхъ безмездно.

Отъ почетнаго члена, Преосвященнаго Гурія, епископа Таврическаго и Симферопольскаго: рукописное славянское евангеліе вѣка XVI изъ Балаклавскаго монастыря, собраніе духовныхъ пѣсень Едноты (общества) Чешско—моравскихъ братьевъ, изданное въ 1561 г. въ Польшѣ, въ Шамотулахъ, съ гравюрами, и рукописное описаніе послѣдней книги, составленное однимъ молодымъ ученымъ чехомъ.

Отъ дѣйствительнаго члена, учителя Таврической дух. Семинаріи А. В. Иванова: бронзовый наконечникъ стрѣлы и нѣсколько кусковъ мозаики изъ Херсонесскихъ раскопокъ, старинная ружейная пуля изъ Очакова, 37 византійскихъ мѣдныхъ монетъ, преимущественно Херсонесскихъ, IV—X в.в., изъ раскопокъ древняго Херсонеса, 53 монеты западно—европейскія и русскія и три бронзовыя русскія медали нынѣшняго вѣка.

Отъ Императорскаго Одесскаго общества Исторіи и Древностей: Отчетъ сего общества за 1878/9 годъ и брошюра—„Епархіальные архіереи Новороссійскаго края“.

Отъ дѣйствительнаго члена общества, члена С. Петербургскаго Комитета духовной цензуры, архимандрита Ар-

сенія: *Le antichita d' Aquileja profane e sacre Bertoli*, въ листъ. Венеція. 1739.

Отъ дѣйствительнаго члена, лектора англійскаго языка въ Кіевской Академіи А. И. Михайловскаго: брошюра Нью-Йорскаго изданія, заключающая переводъ стиха изъ евангелія Іоанна, гл. 3, ст. 16, на 164 языка, 4 русскія монеты XVIII в.

Отъ священника с. Шибенаго, Кіевскаго уѣзда, К. Мировича, чрезъ того же члена Михайловскаго—серебряная армянская дароносица, съ надписью на крышкѣ — „Се агнецъ Божій, взявшаго грѣхи міра“ и обозначеніемъ 1173 года армянской эры.

Отъ кіевскаго врача Ст. Н. Проценка—белгійскій талеръ 1618 года.

Отъ члена—корреспондента, священника села Ваглай, Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губерніи, Іос. Ковальницкаго: хоругвь 1834 г. и двѣ русскія монеты.

Отъ члена—корреспондента священника села Лажевой, того же уѣзда, Ал. Букоемскаго, чрезъ того же священника І. Ковальницкаго—сборникъ печатныхъ брошюръ на латинскомъ и польскомъ языкахъ первой половины XVII вѣка.

Отъ священника села Вербородинець, того же уѣзда, Конст. Ковалевскаго, чрезъ того же священника І. Ковальницкаго,—рукописный потный ирмологій XVIII в.

Отъ бывшаго студента Кіевской Академіи Н. Кирилова—монета.

Отъ студента той же Академіи Л. Яцинскаго—уніатскій антимиасъ XVIII в., изъ с. Ямпольчикъ, Каменець—Подольскаго уѣзда.

Отъ студента той же Академіи Н. Лашкова: Кристаллизація краснаго желѣзняка, турецкая марка въ 2 пара, 41 монета, мѣдный крестъ, такой же образокъ, рукописное житіе патр. Никона и почаевскій Ирмологій 1775 года.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Кіевской дух. Академіи, Протоіерея А. М. Воскресенскаго: портретъ быв-

шаго митрополита кіевскаго Арсенія (Москвина), связка документовъ съ 1645 по 1809 годъ, 183 монеты, между коими есть греко—римскія, византійскія, венеціанскія и др., 1 печать и 10 жетоновъ.

Отъ дѣйствительнаго члена и секретаря, профессора той же Академіи Н. И. Петрова: Отчетъ, Извѣстія Церковно—Археологическаго Общества за 1879 годъ и Указатель Церковно—Археологическаго музея.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора той же Академіи М. Е. Ковальницкаго: Московская копѣйка Іоанна Грознаго, грошъ герцогства Варшавскаго, 1811 года, изображеніе Маріи Египетской на холстѣ, и атласъ Россійской Имперіи 1792 года.

Отъ члена—корреспондента, священника села Крупца, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи, Іос. Лонткевича, чрезъ того же М. Е. Ковальницкаго: хоругвь 1788 г., три рукописи и двѣ книги.

Отъ священника м. Славуты, Заславскаго уѣзда, Волынской губ., Іакова Ковальницкаго, чрезъ того же М. Е. Ковальницкаго: печатный часословъ славяно—молдавскій и 11 монетъ преимущественно ХVІІ вѣка.

Отъ старосты Кіево—подольской Борисоглѣбской Церкви Ів. Аѳ. Каткова, чрезъ члена, профессора Кіев. дух. Академіи С. М. Сольскаго—14 серебряныхъ монетъ ХVІІ в.

Отъ дѣйствительнаго—члена, священника села Краснопольки, Уманскаго уѣзда, К. Подгурскаго: деревянная икона, картина на холстѣ, 2 ландкарты и 12 книгъ.

Отъ священника села Дмитревскаго, того же уѣзда, Кл. Мачуговскаго, чрезъ того же К. Подгурскаго: документъ 1779 г.

Отъ жены священника села Романовки, того же уѣзда, М. Г. Сикачинской, чрезъ того же К. Подгурскаго—польская монета 1612 г.

Отъ члена—корреспондента, законоучителя холмскаго Маріинскаго женскаго училища, священника Пол. Гапано-

вича—двѣ книги: Алфавить духовный 1761 г. и Мірскій мо. литвословъ 1855.

Отъ Настоятеля Холмской Іоанно—Богословской церкви, священника Николая Страшкевича: апостоль 1695 г., евхологіонъ 1719 г., рукописный сборникъ ХVІІ в. съ polemическими сочиненіями противъ латинявъ и униатовъ, сборникъ печатныхъ и рукописныхъ статей прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ, и книга „Камень вѣры“, съ біографіей С. Яворскаго, 1730 года.

Отъ почетнаго члена, Конференцъ—Секретаря Императорской Академіи Художествъ, П. Θ. Исѣва: отчетъ сей Академіи съ 4 Ноября 1877 г. по 4 Ноября 1878 года и Каталогъ музея древнерусскаго искусства при Императорской Академіи Художествъ, 1879 г.

Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества книга „Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ“, А. Прахова. С. Петербургъ 1880.

Отъ члена—корреспондента, священника Кіево—Рождественской церкви Іос. Желтоножскаго—образъ успенія пресвятыя Богородицы Печерскія Кіевскія, ХVІІ в., съ видомъ Кіево—Печерской лавры до пожара 1718 года.

Отъ дѣйствительнаго члена, учителя Кишиневской дух. Семинаріи Л. С. Мацѣевича: 12 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ изъ Оргѣвскаго уѣзда, черновыя письма, двѣ оды и разныя выписки покойнаго Могилевскаго архіепископа Анатолія (Мартыновскаго), письмо Волынскаго епископа Стефана (Романовскаго) къ Бендерскому епископу Димитрію (Сулимъ) 1819 г., о жизни князя Курбскаго на Волыни и двѣ брошюры изъ бумагъ того же преосвященнаго Димитрія, рукописное „дополненіе къ поэзіи“ и письмо бывшаго профессора Нѣжинскаго Лицея П. И. Никольскаго, учителя Гоголя, копія съ грамоты Паисія, патріарха Константинопольскаго 1730 г., письмо князя Шаховскаго къ Кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому 1735 г., связка бумагъ, между коими—подпись Воронежскаго архіепископа Антонія

1834 г., дипломъ на званіе рыцаря ордена въ честь Божественнаго Провидѣнія 1773 г., рукописное слово на день сошествія св. Духа—Ивнокентія, рукописная молитва Фенелона, описаніе села Завадовки—Сквирскаго уѣзда, литографическія „генеалогическія таблицы“, бывшія въ употребленіи въ Новгородскомъ Аракчеевскомъ кадѣтскомъ корпусѣ, Rudimenta linguae graecae Гретсера, 1675 г., Enchiridion theologicum positivo—polemicum 1678 г., собраніе латинскихъ стихотвореній Іоанна Авдена 1629 г., 30 монетъ западно-европейскихъ, русскихъ и польскихъ, бронзовый энколпионъ и мѣдный крестъ.

Отъ члена—корреспондента, ключаря Кишиневскаго кафедральнаго Собора, протоіерея Ев. Понятовскаго, чрезъ того же Мацѣвича—121 №№ документовъ и копій съ нихъ касающихся исторіи русскаго раскола по 1860 годъ, общихъ вопросовъ русскаго церкви и восточныхъ для греческой церкви. Документы эти остались послѣ смерти Кишиневскаго архіепископа Антонія (Шокотова), къ которому многіе изъ нихъ перешли по смерти С. Петербургскаго митрополита Григорія.

Отъ священника г. Бендеръ, Кишиневской епархіи, А. Балтацеску, чрезъ того же Мацѣвича—рукописный „чинъ, како подобаетъ пѣти дванадесять псалмовъ особъ“, 1767 года.

Отъ учителя Кишиневской гимназіи Гер. Лашкова, чрезъ того же Мацѣвича—печатный Маргарить Златоустаго, 4 о, 1746 года.

Отъ помощника инспектора Кишиневской дух. Семинаріи Ю. И. Фолте, чрезъ того же Мацѣвича: „краткая священная исторія ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви“ рукопись 1853 г., молдавскія богослужебныя книги—катахизисъ 1803 г., Октоихъ 1804 г., Пентикостаріонъ 1848 г., Часословъ 1850 г. и 25 мѣдныхъ монетъ прошлаго и нынѣшняго вѣковъ.

Отъ учителя Кишиневской гимназіи А. П. Пятибокова,

чрезъ того же Мацѣвича—серебряная римская монета Антонина Пія (138—161 г.).

Отъ секретаря Кишиневской Земской управы А. В. Кіятскаго, чрезъ того же Мацѣвича—22 монеты.

Отъ священника с. Хижны, Уманскаго уѣзда, С. Вышинскаго, чрезъ того же Мацѣвича—старинная униатская монстранція (дароносица).

Отъ священника села Хмѣлевки, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи, В. Нестеровскаго, чрезъ того же Мацѣвича—униатская метрика села Хмѣлевки, 1758 года.

Отъ почетнаго члена, Директора Археологическаго Института, Сенатора, Н. В. Калачева: Положеніе объ Археологическомъ Институтѣ, три книги „сборника Археолог. Института“, за 1878, 1879 и 1880 г.г., и рѣчи и отчеты, читанные въ семь Институтѣ 24 февраля, 1880 года.

Отъ почетнаго члена, Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго и Капшинскаго—продолженіе „Исторической библіотеки Тверской епархіи“.

Отъ дѣйствительнаго члена, законоучителя Кіевской Военной Гимназіи, протоіерея П. Троцкаго—два клыка и 12 кусковъ костей и зубовъ мамонтовыхъ, изъ Ешифанскаго уѣзда, Тульской губерніи, и 5 монетъ XVIII в.

Отъ священника села Бѣлокъ, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ. П. Новоборскаго—голень отъ мамонта.

Отъ дѣйствительнаго члена, почетнаго гражданина М. Д. Свиридова девять русскихъ медалей, а именно: въ награду купцамъ, торговавшимъ въ Камчаткѣ, на коронованіе Екатерины II, 1762 г., на открытіе С.-Петербургской Академіи Художествъ, 1765 г., на заложеніе Исаакіевскаго Собора, 1768 г., для наградъ по Вольному Экономическому Обществу, въ награду за труды и успѣхи отъ Академіи Художествъ, за взятіе Парижа 1814 г., на объявленіе войны 14 апр. 1828 г. и на бракосочетаніе Великаго Князя Александра Николаевича и Великой Княгини Маріи Александровны 16 апр. 1841 года.

Отъ дѣйствительнаго члена, учителя Кіевской дух. Семинаріи П. П. Розанова—турецкая серебряная монета 773 года гидржи и серебряная копѣйка Іоанна Грознаго.

Отъ дѣйствительнаго члена, почетнаго вольнаго общника Императорской Академіи Художествъ, Т. В. Кибальчича большая икона успенія Богоматери, изъ Переяславскаго уѣзда Полтавской губ., иконописца Власа Иванова Шубѣйскаго, 1755 года, 11 брошюръ и между ними брошюра жертвователя „О находкахъ предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу Днѣпра въ 1879 году“, 1880 г., 54 фотографическихъ снимковъ, гравюръ и чертежей, между коими есть произведенія Паднута Львова, Чеколова, Пирогова, Н. И. Димитріева, Чернышова, Бибикова, Попроцкаго, Кибальчича и др.

Отъ него же, послѣ смерти отставнаго штабсъ-капитана Ѳ. П. Семенова: портретъ Александра I съ головою Наполеона I, бюстъ императора Николая I, на холстѣ, ратническій крестъ, двѣ грамоты на чины, копія съ автографа гетмана Скоропадскаго, образъ Св. Троицы, на холстѣ, XVIII в., рукописная псалма и крестъ—тѣльникъ и 19 монетъ.

Отъ помѣщика села Сулимовки, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губ., А. А. Войцеховича, чрезъ того же Кибальчича—связка бумагъ фамилій Скоруппъ, Сулимъ и Пустотъ, прошлаго и нынѣшняго вѣковъ.

Отъ священника того же села С. Забіякина, чрезъ того же Кибальчича: 6 головокъ архангеловъ отъ иконостаса, оловянный трисвѣчникъ, три воздуха, пелена на аналой, „покліть на мары“ (покрывъ на катафалкѣ), эпитрахиль, холщевый подризникъ.

Отъ священника села Козинець, Переяславскаго же уѣзда, С. Зеленскаго, чрезъ того же Кибальчича: холщевый подризникъ, печатный полууставъ кіевской печати 1682 г., Анеологъ или трифологъ XVІІ в. и реестръ російскимъ книгамъ 1770.

Отъ священника г. Борзны, Д. Семирода, чрезъ того же Кибальчича: ветхая плащаница, 2 ветхія фелони, 3 стихаря, 2 эпитрахили, 4 пары поручей, 3 воздуха, пелена, священническій шитый поясъ, триодъ постная Киевской печати XVII вѣка.

Отъ директора Херсонской учительской Семинаріи А. Леонтовича — „Стематографія“ сербская, — гравированное Вѣское изданіе 1741 года.

Отъ члена—корреспондента, священника села Никольской слободки, Остерскаго уѣзда, Черниговской губер., П. Мазюкевича: серебряная монетка съ именемъ „Володимира“, приписываемая Киевскому князю Владиміру Ольгердовичу (1364—1392 г.), Литовская монета Сигизмунда II и два жетона.

Отъ члена—корреспондента, начальника иконописной мастерской Киево-Печерской Лавры, іеромонаха Алвіана: икона пророка Ілїи, Св. Семейство—на холстѣ, „кончина и отходная іеросхимонаха Пароенія“—пис. самимъ жертвователемъ, „молитва разрѣшальная и прощальная“ Киевской печати 1765 г., Анеологій или трифологій XVII в., 2 брошюры и 7 гравюръ.

Отъ священника села Огіевецъ, Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губ., О. Дубицкаго: рукописные тропари и кондаки 1770 г. и шесть церковно-славянскихъ книгъ прошлаго вѣка.

Отъ священника села Глуховецъ, Бердичевского уѣзда, Вл. Бернадскаго: 6 мѣдныхъ складней и образковъ, два мѣдныхъ креста и три мѣдныхъ монеты XVIII в.

Отъ іеромонаха Киевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря Митрофана: древній серебряный крестикъ и мѣдная застежка отъ монашескаго параманда.

Отъ Киевской купчихи О. С. Балабухи: золотая византійская монета Василя II и Константина VIII, серебряная копѣйка Михаила Θεодоровича, золотой рубль Елизаветы Петровны, 1756 г., и золотая полтина Екатерины II, 1777 г.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Кіевской Академіи, И. Н. Королькова: шведская монета XVII в. и венгерскій жетонъ на 8 іюня, 1867 года.

Отъ воспитанника второй Кіевской Гимназіи С. Моравскаго, чрезъ того же члена Королькова—4 серебряныя монеты.

Отъ сореизнвателя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей И. П. Каратаева—двѣ брошюры: о краковскомъ Осмогласникѣ 1491 г. и о рецензіяхъ на сочиненіе И. Каратаева—„Описаніе Славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ Кирилловскими буквами. Выпускъ 1^а. 1880.

Отъ дѣйствительнаго члена, Преосвященнаго Мелетія, Епископа Селеягинскаго, Викарія Иркутской епархіи: отчеты Иркутской и Забайкальской духовныхъ миссій за 1878 г. и тибетская книга „Гусун-тук-дын“.

Отъ Сенатора, дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Д. А. Ровинскаго: „Русскій граверъ Чемесовъ. Гелиографическія копіи съ его произведеній, сдѣланныя по способу г. Скамони. Изданіе Д. А. Ровинскаго. С.-Петербургъ. 1878“.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Кіевской Академіи П. А. Лашкарева: бронзовая медаль на коронованіе Екатерины II, 1762 г., и католическій медальонъ съ изображеніемъ Богоматери.

Отъ Начальника Больничнаго Николаевскаго монастыря Кіево-Печерской Лавры, игумена Артемія, чрезъ того же члена Лашкарева—зеркало въ дубовой рамкѣ, обложенной слюдою, половины XVII вѣка.

Отъ члена—корреспондента, священника села Луневки, Обоанскаго уѣзда, Курской губ., И. Лашкарева, чрезъ того же члена П. А. Лашкарева—пятнадцать серебряныхъ римскихъ монетъ императоровъ Траяна, Элія Луція Вера, Антонина Пія, Марка Аврелія, Коммода и Септимія Севера, изъ найденнаго въ селѣ влада.

Отъ дѣйствительнаго члена, Синодальнаго бібліотекаря Н. П. Барсукова—его брошюра „Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ. С.-Петербургъ. 1880“.

Отъ товарища предсѣдателя общества, кафедральнаго протоіерея Кіево-Софійскаго Собора, П. Г. Лебедянцова: фотографическій снимокъ съ гравюры, сдѣланной Щирскимъ между 1697 и 1701 годами, съ изображеніемъ мазепинскаго корпуса Кіевской Академіи и студентовъ ея въ современныхъ костюмахъ, и гравюра І. Мигуры, 1705 года, съ изображеніемъ Кіево-Софійскаго Собора и Мазеры.

Отъ учителя Уфимской дух. Семинаріи И. Троицкаго—Синописи Іннокентія Гизеля, переписанный въ 1726 году.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи В. Горожанскаго—ружейная пуля изъ Севастополя и рукописная цвѣтная тріода XVIII вѣка.

Отъ бывшаго члена церковно-археологическаго Общества, инспектора Бѣльской учительской Семинаріи Я. П. Андріевскаго: рукописная „Четья“, писанная во градѣ Каменцѣ въ 1397 году, рукописный апостолъ XVI в., метрика церкви Клоповницкой 1705 г., 7-мъ книгъ и 12 монетъ XVII и XVIII в.в.

Отъ почетнаго члена, Преосвященнаго Θεодосія, Епископа Екатеринославскаго и Таганрогскаго—„Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи. Выпускъ 1. Екатеринославъ. 1880“.

Отъ члена—корреспондента, законоучителя учительскаго института и женской гимназіи въ г. Вильнѣ, священника Н. Соколова: бронзовый кинжалъ изъ Острогжскаго уѣзда, Воронежской губерніи, три портрета на холстѣ, чеканный мѣдный образъ архистратига Михаила, 8 копій съ рисунковъ древностей сѣверо-западнаго края Россіи, три перечня замѣчательныхъ предметовъ, хранящихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, виды и рисунки (3) Виленскихъ церквей и достопримѣчательностей, карта народонаселенія бывшей Августовской губерніи, оттискъ печати малоросса Перкова и французская монета.

Отъ учителя Астраханской дух. Семинаріи А. Воронцова, чрезъ члена, доцента Кіев. Академіи, К. Д. Попова:

четыре рукописныхъ калмыцкихъ листка (*буу, мириде*), въ родѣ амулетовъ, двѣ калмыцкія рукописи религіознаго содержанія, изъ коихъ одна завернута въ платки, и армянская книга, заключающая „пятилѣтній списокъ праздниковъ божественныхъ и всѣхъ святыхъ, которыхъ празднуетъ св. церковь Арменіи“, и проч. С.-Петербургъ. 1858.

Отъ учителя Кіево-Софійскаго дух. училища А. С. Громачевскаго: австрійскій жетонъ на смерть Карла VII, 1745 г., серебряный медальонъ съ изображеніями апостоловъ Петра и Павла и папы Пія IX и десять монетъ.

Отъ Ал. Гер. Берестовскаго—французско—польскій жетонъ на польское повстаніе 1831 года.

Отъ потомственнаго почетнаго гражданина, Самарскаго купца П. Н. Сушкова—изображеніе на холстѣ распятія, съ орудіями страданій Спасителя и принадлежностями евхаристіи.

Отъ дѣйствительнаго члена, хранителя рукописей и старопечатныхъ книгъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея, А. Е. Викторова, его брошюра—„Собраніе рукописей В. И. Григоровича. Москва. 1879“.

Отъ законоучителя Черниговской гимназіи, священника Ѳ. Хорошунова: 12 архіерейскихъ грамотъ и другихъ документовъ XVII—XVIII в. и „Памятная книжка черниговской губерніи“, 1862.

Отъ священника села Мордвы, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Е. Трегубова—рукописный нотный ирмологій начала XVIII вѣка.

Отъ священника Кіевского уѣзда, Іоанна Ковалевскаго—серебряный грошъ Карла I (1346—1378 г.), найденный въ землѣ.

Отъ кіевского книгопродавца, Л. В. Ильницкаго—пять книгъ, приобрѣтенныхъ имъ послѣ покойнаго П. Ревякина, а именно: *Aeliani variae historiae*, 1599 г., Иѳика іерополистика 1760 г., *Biblia* венеціанскаго изданія 1757 г., седьмой

томъ богословія Θεοφана Προκοποβιχα, 1776 г., и исповѣдь блаженнаго Августина, Парижскаго изданія 1812 года.

Отъ воспитанника Каменецъ-Подольской дух. Семинаріи С. Лобатынскаго—рукописный „акаѣистъ Пресвятой Богородицы о пресладкомъ имени ея Марія“, и проч., твореніе уніатскаго монаха Дорогобужскаго (на Волыни) монастыря Спиридона, второй половины прошлаго вѣка.

Изъ Хозяйственнаго Управленія при св. Синодѣ 31 старопечатная книга, изъ числа высланныхъ изъ воссоединенныхъ съ православною уніатскихъ церквей Сѣдлецкой губерніи.

Отъ временной комиссіи по устройству и управленію Виленской Публичной Библіотеки съ состоящимъ при немъ музеемъ—„Систематическій Каталогъ русскаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки“, въ двухъ частяхъ.

Отъ дѣйствительнаго члена, помѣщика борзненскаго уѣзда, Черниговской губерніи, Н. М. Бѣлозерскаго: пятирублевая русская ассигнація 1835 года и реклама какого-то грека на русскомъ языкѣ объ іерусалимскомъ балъзамѣ.

Отъ законоучителя Киевской Фундуклеевской женской гимназіи, священника А. Коровицкаго: рукописное евангеліе вѣка XVI въ оправѣ 1816 г., евангеліе Львовской печати 1670 г. въ современномъ серебряномъ окладѣ и двѣ мѣдныя бляхи саксонскія, снятыя въ 1812 г. съ киверовъ убитыхъ саксонскихъ солдатъ, съ изображеніями на нихъ Спасителя и Богоматери, изъ с. Обенижа, Волынской губерніи.

Отъ священника села Скотинянъ, Каменецъ-Подольскаго уѣзда, Е. Лятаровскаго—рукописный уніатскій служебникъ первой четверти XVIII в., съ миньятюрными изображеніями.

Отъ священника села Ямпольчика, Подольской губерніи, Я. Смогоржевскаго—точеная деревянная чаша съ такою же крышкою, вѣроятно для благословенія пшеницы.

Отъ діакона Варшавской Замковой церкви Т. Левицкаго—рукописная минея мѣсячная на Декабрь, Январь и

Февраль мѣсяцы, 1455 года, изъ села Великаго Житина, Волынской губерніи.

Отъ бібліотекаря Кіевской Публичной Библіотеки С. Г. Ярославскаго—12 серебряныхъ литовско-польскихъ и западно-европейскихъ монетъ XVI—XVII в.в.

Отъ студента Кіевской Дух. Семинаріи В. И. Гошкевича: образцы китайской бумаги и китайская кисточка для письма, два образца Кіевской желѣзной руды.

Отъ дѣйствительнаго члена, доцента Кіевской Академіи Н. М. Дроздова—мѣдный католическій медальонъ и 38 мѣдныхъ греко-римскихъ монетъ императоровъ Тиверія, Клавдія, Филиппа I, Констанса, Констанція, Юліана отступника, Аркадія и Гонорія, изъ числа найденныхъ въ Римѣ, на Аппіевой дорогѣ.

Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Тамбовской Дух. Семинаріи архимандрита Дмитрія изданныя имъ сочиненія его: „Мѣсяцесловъ святыхъ, всею русскою церковію или мѣстно чтимыхъ... Выпускъ III, 1880“, и „Филаретъ, архі-епископъ Черниговскій“, Тамбовъ, 1880.

Отъ священника села Тхоровки, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Руткевича—антиминсъ 1748 г., подписанный уніатскимъ архіепископомъ Флоріаномъ Гребницкимъ.

Отъ студента Кіевской Академіи О. Соколова—евангеліе учительное Цареградскаго патріарха Каллиста, виленской печати 1651 года, и рукописный сборникъ духовныхъ стиховъ начала нынѣшняго вѣка, изъ Могилевской губерніи.

Отъ губернскаго секретаря Т. I. Вержбицкаго, изъ г. Бердичева: новый завѣтъ на армянскомъ языкѣ Амстердамскаго изданія 1668 года, и уніатскія поученія Почаевской печати XVIII вѣка.

Отъ священника села Толстой, Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи, Я. Киселевскаго—серебряная римская монета Антонина Пія, найденная въ землѣ.

Отъ воспитанника второй Кіевской гимназіи Дьяконова, въ обмѣнъ на нѣкоторые дублиеты музея, 25 монетъ крестоносцевъ и западно-европейскихъ и 1 жетонъ нѣмецкій.

Отъ воспитанника Макса Бродскаго—18 серебряныхъ монетъ западно-европейскихъ и литовско-польскихъ.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Кіевской дух. Академіи А. Д. Воронова—рукописный сборникъ 1779 г., заключающій житіе Александра Македонскаго, прѣніе христіанина Елєвѳерія съ жидовиноу Малхомъ, и др.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Кіевскаго университета, А. А. Котляревскаго: третій томъ собранія сочиненій М. А. Максимовича, 1880 г., Описаніе древнихъ русскихъ монетъ А. Ч., 1834 г., съ тремя прибавленіями, и обзорѣніе русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ, барона Шодуара, 1837—1841 г.

Независимо отъ пожертвованій, пріобрѣтены на средства Общества: греческое рукописное евангеліе XII—XIII в., изъ Никомидіи, съ 24 миньятюрами и заставками; серебряная бляха съ старотурецкой надписью, серебряный вигой браслетъ и 4 кольца, XVII в., найденные въ селѣ Воробіевкѣ, Черкаскаго уѣзда; бронзовый энколпіонъ, найденный въ землѣ въ окрестностяхъ деревни Финевичъ, Радомышльскаго уѣзда; серебряный семиконечный крестъ времени Богдана Хмельницкаго, изъ Тубольской церкви, Черкаскаго же уѣзда, и двѣ иконы Спасителя и Богоматери у крестьянки Жиздринскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Итого поступило въ теченіи 1880 года въ музей и бібліотеку его:

а) въ музей:

Памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и т. п.	100
Медалей, жетоновъ, монетъ и ассигнацій	654
Религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта.	79
Актвъ, грамотъ, писемъ и т. п.	142
Рукописей	31

Старопечатныхъ книгъ	62
Гравировальныхъ досокъ, гравюръ, фотографиче- скихъ снимковъ и т. п.	893

б) въ библіотеку музея:

Книгъ и брошюръ	90
Всего .	2051

За симъ, коллекціи Общества къ 1 января 1881 года представляли, въ совокупности съ поступлениями предыдущихъ годовъ, слѣдующую численность:

а) по музею:

Церковныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, ваянія, скульптуры, разной утвари и т. п.	1425
Памятниковъ нецерковныхъ	4730
Фотографическихъ снимковъ, гравировальныхъ до- сокъ, гравюръ и т. п.	2129
Актвъ, грамотъ, писемъ и т. п.	1272
Рукописей	667
Старопечатныхъ книгъ	457

б) по библіотекѣ:

Книгъ и брошюръ	404
Всего .	11084

Впрочемъ, изъ этого числа исключено значительное число предметовъ, оказавшихся непригодными для музея, особенно мѣдныхъ монетъ позднѣйшаго времени.

Предметы музея раздѣлены были на слѣдующіе отдѣлы: 1) первобытныя и историческія древности, преимущественно языческія; 2) акварели, гравюры и снимки; 3) Муравьевская коллекція древностей и святынь; 4) принадлежности церковнаго богослуженія; 5—6) иконы; 7) картины и портреты; 8) статуи; 9) памятники медальернаго искус-

ства--монеты, медали и проч.; 10) образцы письма и печати; 11) старопечатныя книги и рукописи. Первые шесть отдѣловъ размѣщены въ особыхъ залахъ или комнатахъ; послѣдующіе четыре—въ галлерей музея, а одиннадцатый—въ библіотекѣ Киевской Академіи.

Въ теченіи 1880 года, за исключеніемъ каникулярнаго времени, музей открытъ былъ по воскресеньямъ для членовъ Общества, студентовъ академіи и сторонней публики. Стороннихъ посѣтителей въ теченіи года было до 300 человекъ, изъ коихъ до 200 почти лицъ было платныхъ посѣтителей.

III. Ученыя занятія членовъ общества.

Ученые труды мѣстныхъ членовъ Церковно—Археологическаго Общества большею частию печатались въ изданіяхъ Киевской Академіи, а труды иногородныхъ членовъ преимущественно выражались въ книгахъ и брошюрахъ собственнаго сочиненія, обозначенныхъ въ списокъ пожертвованій. Изъ этихъ трудовъ непосредственное отношеніе къ цѣлямъ общества и музея имѣютъ слѣдующіе: Отчетъ и извѣстія Церковно—Археологическаго Общества за 1879 годъ, и Указатель Церковно—Археологическаго музея при Киевской дух. Академіи, 1880 года, Н. Петрова, III томъ собранія сочиненій М. А. Максимовича и продолженіе „описанія коллекціи древнихъ русскихъ иконъ, приобретенныхъ Церковно—Археологическимъ Обществомъ“, Ѳ. Смирнова. Кромѣ того, съ Октября отчетнаго года установились ежемѣсячныя ученныя собранія Общества, на которыхъ предложены были слѣдующіе рефераты: „Объ амбонахъ“, о замѣткахъ Киевскаго священника Кирилля Ивановича относительно Киевскихъ событій начала XVII вѣка, и о праздникѣ 8 Сентября въ Києво—Софійскомъ соборѣ—товарища председателя, кафедральнаго протоіерея Києво Софійскаго Собора П. Г. Лебединцева; о „обновленіи Києво-Печерской

Лаврской церкви“. П. А. Лашкарева, „о миньятюрахъ и заставкахъ въ греческомъ евангеліи XII—XIII в.в. и отношеніи ихъ къ мозаическимъ и фресковымъ изображеніямъ въ Кіево-Собійскомъ Соборѣ“ и о рукописной „Четви“ писанной въ 1397 году въ городѣ Камеяцѣ—Н. Петрова. Содержаніе ихъ изложено въ Извѣстіяхъ Церковно-Археологическаго Общества за 1880 годъ, а нѣкоторые изъ нихъ предположено напечатать въ изданіяхъ Кіевской Академіи.

IV. Денежныя средства Общества

Оставалось отъ прежняго года . . . 523 р. 70 к.

Приходъ въ 1880 году:

Отъ Августѣйшаго Покровителя Общества, Великаго князя Владиміра Александровича 500 р. —

Взносовъ отъ членовъ Общества изъ академической корпораціи. 87 р. —

Отъ дѣйствительнаго члена, члена С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета, архимандрита Арсенія. 10 р. —

Выручено отъ продажи изданій Церковно-Археологическаго Общества. 35 р. —

Отъ члена, священника села Краснополки, Уманскаго уѣзда, Конст. Подгурскаго 5 р. —

Отъ почетнаго члена, Преосвященнаго Іаннуарія, Епископа Балтскаго 25 р. —

Отъ Почетнаго Члена, Преосвященнаго Гурія, Епископа Таврическаго и Симферопольскаго 25 р. —

Отъ Почетнаго Члена, Высокопреосвященнаго Леонтія, Архіепископа Холмска Варшавскаго. 25 р. —

Отъ дворянина Петра Осиповича Черневскаго 3 р. —

Отъ Почетнаго Члена, Преосвященнаго Іустина, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.	25 р.	—
Отъ Почетнаго Члена Высокопреосвящен- наго Митрофана, Архіепископа Донскаго и Новочеркаскаго	25 р.	—
Отъ дѣйствительнаго члена, настоятеля Рыльскаго монастыря, архимандрита Анатолія.	10 р.	—
Платы за входъ въ музей отъ посѣтите- лей музея	38 р.	35 к.
°/о съ части капитала Общества	14 р.	41 к.
Итого	827 р.	76 к.
Всего съ остаткомъ .	1351 р.	46 к.

Употреблено въ расходъ въ 1880 году:

На приобрѣтеніе пергаментнаго евангелія греческаго, XII—XIII в., съ 24 миньятюрами и заставками	200 р.	—
На приобрѣтеніе серебрянаго креста XVII в., серебряныхъ же бляхи, браслета и кольцо того же вѣка, бронзоваго энколпіона и двухъ иконъ	33 р.	—
На устройство гравюрнаго отдѣла музея.	64 р.	68 к.
На перевозку пожертвованій, поступаю- щихъ въ музей	4 р.	85 к.
На отпечатаніе изданій Общества	35 р.	77 к.
На ремонтъ и устройство музея	6 р.	98 к.
На переплетъ книгъ	16 р.	20 к.
За провѣтриваніе и содержаніе музея въ чистотѣ	7 р.	20 к.
На канцелярскія принадлежности, письмо- водство и почтовые расходы	23 р.	—
На мелочные расходы	4 р.	89 к.
Итого	396 р.	57 к.
Остается .	954 р.	89 к.

Списокъ лицъ, составляющихъ нынѣ Церковно-археологическое Общество при Кіевской духовной Академіи.

Къ концу 1880 года Церковно-Археологическое Общество, подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Владиміра Александровича, и попечительствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Филофея, составляли:

1) Должностныя лица:

Предсѣдатель Общества, ректоръ Кіевской Дух. Академіи, Уманскій Епископъ Михаилъ; товарищъ предсѣдателя, кафедральный протоіерей Кіево Софійскаго собора П. Г. Лебединцевъ; казначей Общества, профессоръ Кіевской духовной Академіи А. Розовъ; завѣдующій Музеемъ, бібліотекарь академической бібліотеки К. Думитрашковъ; секретарь Общества и временно завѣдующій Музеемъ профессоръ Кіев. Академіи Н. Петровъ, и помощникъ секретаря, доцентъ той же Академіи К. Поповъ.

2) Почетные члены ¹⁾:

Александръ, архіепископъ Литовскій и Виленскій.

Амфилохій архимандритъ, настоятель Московскаго Данилова монастыря.

Антонинъ архимандритъ, настоятель Русской Духовной миссіи въ Іерусалимѣ.

Бычковъ Аѳ. Ѳеод., академикъ, помощникъ директора Императорской Публичной Библіотеки.

Гурій, епископъ Таврическій и Симферопольскій.

Дондуковъ-Корсаковъ А. И., князь, Харьковскій генералъ-губернаторъ.

Исѣевъ П. Ѳеод., Конференцъ-Секретарь Императорской Академіи Художествъ.

¹⁾ Списокъ членовъ Общества составленъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Іаннуарій, епископъ Балтскій, викарій Каменецъ-Подольской епархіи.

Іоаннъ, архіепископъ Полтавскій и Переяславскій.

Іустинъ, епископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Калачовъ Никол. Вас., сенаторъ, директоръ Археологическаго Института.

Леонтій, архіепископъ Холмскій и Варшавскій.

Макарій, епископъ Нижегородскій и Арзамасскій.

Маркеллъ, епископъ Каменецъ-Подольскій и Брацлавскій.

Митрофанъ, архіепископъ Донской и Новочеркасскій.

Модестъ, епископъ Люблинскій, викарій Холмско-Варшавской епархіи.

Муравьевъ Вл. Серг., Карачевскій уѣздный предводитель дворянства.

Муравьевъ Леонидъ Мих., графъ.

Павелъ, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій.

Платонъ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

Порфирій, епископъ (Успенскій), членъ Московской Сиподальной конторы.

Рождественскій протоіерей, Іоаннъ Вас., председатель Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій.

Серапіонъ, епископъ Черниговскій и Нѣжинскій.

Толстой Мих. Влад., графъ.

Уваровъ Ал. Серг., графъ, председатель Московскаго Археологическаго Общества.

Филаретъ, епископъ Рижскій и Митавскій.

Феогностъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій.

Феодосій, епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій.

3) Дѣйствительные члены:

Акакій игуменъ, инспекторъ Воронежской дух. Семинаріи.

Анатолій архимандритъ, настоятель Рыльскаго Николаевскаго монастыря.

Антоновичъ Вл., профессоръ Кіевскаго университета.

Аристовъ Ал., учитель Рижской дух. Семинаріи.

Арсеній архимандритъ, настоятель Кіево-Выдубицкаго монастыря.

Арсеній архимандритъ, членъ С.Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета.

Барсуковъ Ник. Пл., Синодальный библіотекарь.

Борисякъ Н., заслуженный ординарный профессоръ Харьковскаго университета.

Бѣлозерскій Н. М., помѣщикъ Борзнянскаго уѣзда, черниговской губерніи.

Викторовъ Ал. Ег., хранитель рукописей и старопечатныхъ книгъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеев.

Вороновъ А. Д., профессоръ Кіевской Академіи.

Воскресенскій А. М., протоіерей, профессоръ той же академіи.

Гомовскій І., кафедральный протоіерей Холмскаго собора.

Григоровичъ Ник. Ив., начальникъ Синодальнаго архива и библіотеки.

Димитрій архимандритъ, ректоръ Тамбовской дух. Семинаріи.

Дмитревскій Ѳ., инспекторъ черниговской дух. Семинаріи.

Дроздовъ Н. М., доцентъ Кіевской дух. Академіи.

Ефремовъ Н. В., приватъ-доцентъ той же Академіи.

Ивановъ А. В., учитель Таврической дух. Семинаріи.

Исаевъ И. П., секретарь Совѣта Кіевской дух. Академіи.

Іоаннъ архимандритъ, намѣстникъ Почаевской Лавры.

Кибальчичъ Т. В., почетный вольный общникъ Императорской Академіи Художествъ.

Ковальницкій М. Е., профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Колосовъ Ал., протоіерей, настоятель Кіево-Троицкой церкви.

Корольковъ И. Н., профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Котляревскій А. А., профессоръ Кіевскаго университета.

Крыжановскій Е. М., директоръ 1-й Варшавской гимназіи.

Лашкаревъ П. А., профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Лебединцевъ Ѳ. Г., бывшій начальникъ Радомской учебной дирекціи.

Ливчакъ Н., протоіерей г. Бѣлой, Сѣдлецкой губерніи.

- Линицкій П. И., профессоръ Кіевской дух. Академіи.
Лисицынъ І. Е., приватъ-доцентъ той же Академіи.
Малининъ В. Н., доцентъ той же Академіи.
Малышевскій Ив. Иг., заслуженный ординарный профессоръ той же Академіи.
Мацѣвичъ Л. С., учитель Кишиневской духовной Семинаріи.
Мелетій, епископъ Селенгинскій, викарій Иркутской епархіи.
Миронопольскій С. И., членъ-ревизоръ учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.
Мисевскій А., помѣщикъ Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи.
Михайловскій А. И., лекторъ англійскаго языка въ Кіевской дух. Академіи.
Модестовъ В. И., бывший профессоръ С.Петербургской дух. Академіи.
Мурузи А. К., князь, русскій консулъ Международной Комиссіи въ Каирѣ.
Нововъ И. П., почетный гражданинъ.
Олесницкій А. А., профессоръ Кіевской дух. Академіи.
Олесницкій М. А., доцентъ той же Академіи.
Орнатскій Ѳ. С., приватъ-доцентъ той же Академіи.
Подгурскій К., священникъ села Краснополки, уманскаго уѣзда.
Покровскій Г., протоіерей, законоучитель Астраханской гимназіи.
Покровскій Ѳ. Я. приватъ-доцентъ Кіевской дух. Академіи.
Пономаревъ Д., директоръ Сѣдлецкой гимназіи.
Пономаревъ С. И., бывший учитель Полтавской военной гимназіи.
Поповъ К. Д., доцентъ Кіевской дух. Академіи.
Поспѣховъ Д. В., заслуженный ординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи.
Пѣвницкій В. Ѳ., профессоръ той же Академіи.
Розановъ П. П., учитель Кіевской дух. Семинаріи.
Свиридовъ М. Д., почетный гражданинъ.

Семеновъ М., капитанъ.

Сильвестръ архимандритъ, профессоръ и инспекторъ Кіевской дух. Академіи.

Смирновъ О. А., профессоръ той же Академіи.

Сольскій С. М., профессоръ той же Академіи.

Сорокинъ А. Е., Московскій купецъ.

Тарнавскій В. В., Нѣжинскій уѣздный предводитель дворянства.

Терновскій Ф. А., профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Троцкій П. П., законоучитель Кіевской военной гимназій.

Тропинскій Д. А., помѣщикъ.

Тумасовъ Н. С., доцентъ Кіевской дух. Академіи.

Филимоновъ Г. Д., помощникъ директора Московской Оружейной Палаты.

Хрущовъ И. П., членъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Щегловъ Н., учитель Орловской дух. Семинаріи.

Щегловъ П., протоіерей, ректоръ Олонецкой дух. Семинаріи.

Ястребовъ М. Ф., профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Юменко Кл., священникъ Кіево-Спасской на Берестовѣ церкви.

4) Члены—корреспонденты:

Абрамовичъ И., инспекторъ Маріампольской гимназій.

Алвіанъ іеромонахъ, начальникъ иконописной мастерской Кіево-Печерской Лавры.

Арсеній архимандритъ, ректоръ Таврической дух. Семинаріи.

Борзаковскій Г., священникъ с. Михайловки, Гайсинскаго уѣзда,

Боцяновскій О., священникъ с. Писокъ, Житомирскаго уѣзда.

Вацадзе І., благочинный Сванетскихъ церквей.

Воскресенскій І., священникъ, законоучитель Херсонской учительской Семинаріи.

Ганицкій М., учитель Кишиневской дух. Семинаріи.

Гапановичъ Пол., священникъ, законоучитель Холмскаго Маріинскаго женскаго училища.

Гидерелія Е., протоіерей Мартвильскаго собора, на Кавказѣ. Желтоножскій Іос., священникъ Кіево-Рождественской церкви.

Иваницкій В., священникъ с. Кагарлыкской слободы, Кіевскаго уѣзда.

Кибальчичъ І., священникъ, членъ Черниговской Консисторіи.

Ковальницкій Іос., священникъ с. Баглай, Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губ.

Конскій А., священникъ, законоучитель Кишиневской гимназіи.

Лашкаревъ Игн., священникъ села Луневки, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи.

Левитскій Авг., священникъ м. Новаго Дашева, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Левитскій Дан., священникъ Владиміро-Волынскаго собора.

Любанскій Іероѳ., священникъ с. Гребенокъ, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губ.

Лонткевичъ Іос., священникъ с. Крупца, Острожскаго уѣзда, Волынской губ.

Мазюкевичъ С., священникъ с. Никольской Слободки, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ.

Мельниковскій І., благочинный 6-го округа, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губ.

Наскидовъ М., священникъ с. Гори, въ Грузіи.

Павловичъ А., инспекторъ Каменецъ-Подольской дух. Семинаріи.

Пигулевскій Іос., смотритель Слуцкаго дух. училища.

Полянскій Н., благочинный, священникъ м. Борисполя, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Понятовскій Евг., протоіерей, ключарь Кишиневскаго кафедральнаго собора.

Поповъ І., священникъ Острожскаго Троицкаго собора, Воронежской губерніи.

Пясоцкій Г., учитель Орловской дух. Семинаріи.

Роздольскій Дан., священникъ, экономъ Кіевской дух. Академіи.

Симашкевичъ М., протоіерей, ректоръ Каменецъ-Подольской дух. Семинаріи.

Спѣсаревъ Н., учитель Донской дух. Семинаріи.

Соколовъ Н., священникъ, законоучитель Виленскихъ мужской гимназіи и учительскаго института.

Струковъ Д., художникъ при Московской Оружейной Палатѣ.

Тарнопольскій Д., протоіерей, законоучитель Минской гимназіи.

Трипольскій Н., священникъ, законоучитель Житомирской гимназіи.

Хатіевъ И., священникъ с. Сягнахъ, Тифлисской губерніи.

Хойнацкій А., протоіерей, профессоръ-законоучитель Нѣжинскаго Филологическаго Института.

Хойнацкій Ст. священникъ м. Полоннаго, Житомирскаго уѣзда.

Яновскій О., священникъ с. Вишенокъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

Феофилъ архимандритъ, настоятель Пицундскаго Успенскаго монастыря, на Кавказѣ.

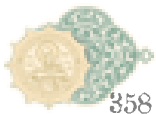
Секретарь Общества *Н. Петровъ*.

ДВАДЦАТИЛѢТІЕ
ЖУРНАЛА
„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“
(1860—1879 гг.).
(Продолженіе *).

Получивъ офиціальное разрѣшеніе (въ ноябрѣ 1859 года) издавать журналъ „Труды Кіевской дух. Академіи“, корпорація наставниковъ академіи немедленно же приступила къ осуществленію своихъ давнишнихъ желаній, и въ началѣ 1860 года выпустила въ свѣтъ первую книжку новаго журнала. Мы уже видѣли тѣ идеалы, къ какимъ стремились наставники академіи, намѣреваясь издавать учено-литературный органъ,—посмотримъ теперь на осуществленіе этихъ первоначальныхъ намѣреній. Какія задачи и цѣли преслѣдовалъ нашъ журналъ со времени своего дѣйствительнаго существованія? При единствѣ главной цѣли, Труды Кіевской Академіи въ разное время преслѣдовали неодинаковыя задачи. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются годы 1860—1869, 1870—1879, представляющіе разные оттѣнки въ направленіи журнала. По случайному стеченію обстоятельствъ двадцатилѣтіе Трудовъ Академіи раздѣляется на двѣ равныя половины, или на два десятилѣтія, изъ коихъ въ первомъ—выдѣляются годы первый (1860) и второй (1861), а

*) См. Труды Кіев. дух. Академіи за 1881 г. м. январь, стр. 111—123.

во второмъ—первый (1870) и послѣдній (1879). О различныхъ оттѣнкахъ въ направленіи журнала мы можемъ судить какъ на основаніи программъ, ежегодно появившихся въ Трудахъ Академіи, такъ и на основаніи статей, напечатанныхъ въ академическомъ журналѣ въ теченіе двадцатилѣтняго его существованія.

Издавая въ свѣтъ первую книгу „Трудовъ“, редакція вмѣстѣ съ тѣмъ опубликовала программу журнала, имѣющую для насъ значеніе, какъ *первое* выраженіе взглядовъ редакціи на свой органъ. Такъ какъ эта программа нѣсколько отличается и отъ первоначальныхъ предположеній объ изданіи журнала ректора Антонія и отъ предварительной программы, составленной конференціею академіи въ 1857 году; то мы приведемъ ее сполна и тѣмъ болѣе потому, что намъ, какъ мы уже замѣтили, осталась неизвѣстною программа, представленная митроп. Исидоромъ въ 1858 г. на утвержденіе Св. Синода. Вотъ первая программа „Трудовъ“. „Журналъ „Труды Кіевской дух. Академіи“, начавшійся издаваться съ текущаго 1860 г., будетъ состоять изъ *двухъ* главныхъ *отдѣловъ*:

Первый отдѣлъ будетъ содержать въ русскомъ переводѣ творенія св. отцевъ древней западной церкви. Выборъ этихъ твореній для перевода основывается на томъ, что въ существующихъ у насъ повременныхъ изданіяхъ духовнаго содержанія переводятся, по преимуществу, писанія св. отцевъ восточной церкви и съ греческаго языка, между тѣмъ какъ писанія св. отцевъ древне-западной православной церкви, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, доселѣ остаются почти неприкосновенными. Переводъ начнется съ твореній св. Кипріана.

Во *второмъ отдѣлѣ* будутъ помѣщаться статьи болѣе или менѣе ученаго содержанія по предметамъ входящимъ въ кругъ наукъ, преподаваемыхъ *исключительно* или по преимуществу въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, съ цѣлю удовлетворять, по возможности, требованіямъ та-

кихъ читателей, которые ищутъ въ духовныхъ изданіяхъ не одного общеназидательнаго чтенія, но и обстоятельнаго изложенія или раскрытія тѣхъ или другихъ изъ означенныхъ предметовъ. Въ составъ этого отдѣла войдутъ: а) трактаты или извлеченія изъ уроковъ богословскихъ, философскихъ и историческихъ, насколько подобныя статьи могутъ быть, по предметамъ своимъ, общезанимательны и по изложенію доступны большинству читателей; б) нарочитыя изслѣдованія о предметахъ, представляющихъ особенный интересъ историческій или современный съ направлениемъ, по преимуществу, къ уясненію отличительныхъ свойствъ истиннаго православія и евангельскаго благочестія; в) статьи, относящіяся къ статистикѣ церковной, различные документы и акты историческіе, какіе вновь могутъ быть отыскиваемы касательно русской церкви (особенно въ здѣшнемъ юго-западномъ краѣ); также произведенія древней церковной письменности, бывшія доселѣ неизвѣстными, или давно забытыя и сдѣлавшіяся рѣдкими; г) извѣстія о состояніи православія и замѣчательныхъ современныхъ событіяхъ, въ отношеніи къ церкви, у единовѣрныхъ намъ народовъ, равно и о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ церковныхъ въ обществахъ христіанскихъ неправославныхъ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ четырехъ книжекъ, каждая до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ, въ 8 долю, съ особымъ счетомъ страницъ для обоихъ отдѣловъ“¹⁾).

¹⁾ Въ концѣ программы, напечатанной и въ Трудахъ и въ другихъ журналахъ прибавлялось: „Редакція съ благодарностію приметъ статьи, присылаемыя со стороны для помѣщенія въ ея журналѣ, въ особенности относящіяся къ церковной статистикѣ, и дастъ имъ мѣсто въ своемъ журналѣ, если найдетъ ихъ соотвѣствующими цѣли изданія.—Цѣна за годовое изданіе журнала съ пересылкою во всѣ мѣста внутри Россіи, 5 руб. 50 коп.“. См. эту программу на обложкѣ 1 кн. „Трудовъ“ 1860 г., а также въ Прав. Обзорѣніи 1860 г. т. III, № 9, стр. 147—149.

Сравнивая эту программу съ тою, которая составлена конференціею академіи въ 1857 году, мы видимъ, что редакція „Трудовъ“ поставила своею задачею—помѣщать въ журналѣ переводы отеческихъ твореній *только* западной церкви, а не восточной, какъ это было прежде проектировано. Эти переводы печатались въ значительныхъ размѣрахъ и подъ рядъ изъ извѣстнаго творенія отца церкви, а не выбирались „только ученые изслѣдованія и трактаты“, какъ предполагено было въ запискѣ ректора Антонія ¹⁾. Вслѣдствіе такого отличія программы, опубликованной въ 1860 году, отъ составленной три года назадъ, на страницахъ „Трудовъ“ не появились переводы апологетическихъ твореній отцевъ и учителей восточной церкви, какіе предполагалось издать, напр. св. *Иустина*—разговоръ его съ Трифономъ іудеевиномъ, *Θεοφιλα* антиохійскаго—о вѣрѣ и противъ порицателей ея, *Фотія*—окружное посланіе и вообще писанія

¹⁾ Справедливость требуетъ замѣтить, что тогдашняя критика вполне одобряла (и, намъ думается, не неосновательно) какъ выборъ редакціею „Трудовъ“ для перевода твореній отцовъ *западной* церкви, такъ и переводъ отеческихъ твореній въ цѣльномъ видѣ, а не отрывочно. Прав. Обзорѣніе, разбирая появившуюся въ свѣтъ первую книгу Трудовъ, а также программу ихъ, говоритъ: „Западныя отеческія творенія, писанныя на латинскомъ языкѣ, весьма важны для православныхъ богослововъ, преимущественно по отношенію къ практической сторонѣ христіанства, и для цѣлей полемики съ нынѣшнею римскою церковію. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи *особенно примично* изданіе западно-отеческихъ твореній именно *киевской академіи*, которая нѣкогда долгое время находилась въ живой и дѣятельной борьбѣ съ латинствомъ. Теперь, когда наступило время болѣе спокойнаго отношенія къ дѣлу, очень важно обратить вниманіе на тѣ изъ древнеотеческихъ твореній, которыя по преимуществу уважаются западною церковію. Переводъ (разумеется—твореній св. Кипріяна), какъ видно, предпринятъ съ ученою цѣлію. Редакція не намѣрена ограничиваться только выборомъ извѣстныхъ твореній отеческихъ, или нѣкоторыхъ мѣстъ изъ нихъ для назидательнаго чтенія, но предполагаетъ издать всѣ сочиненія избраннаго отца. Дѣйствительно, *пора уже* духовной литературы въ отношеніи къ отеческимъ твореніямъ *не удовлетворяться частными практическими цѣлями*, и позаботиться о томъ, чтобы *установить болѣе научное, цѣльное отношеніе къ нимъ*“ (Правосл. Обзор. 1860 г. т. III, стр. 122).

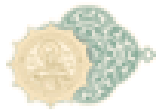
его противъ западныхъ заблужденій. Кромѣ того, въ приведенной программѣ мы замѣтили еще одно отличіе или вѣриѣе упущеніе сравнительно съ прежними проектами. И по смыслу записки ректора Антонія и по программѣ „Прибавленій къ Воскр. Чтенію“ предполагалось въ числѣ оригинальныхъ статей помѣщать въ новомъ журналѣ, кромѣ „лекцій и трактатовъ профессоровъ“, „лучшія изъ сочиненій, писанныхъ воспитанниками академіи для полученія ученыхъ степеней“. Но въ программѣ „Трудовъ“ 1860 а также послѣдующихъ годовъ ничего не сказано о намѣреніи редакціи печатать сочиненія воспитанниковъ въ этомъ журналѣ. Между тѣмъ на страницахъ „Трудовъ“, время отъ времени, печатались или сполна или въ извлеченіи сочиненія студентовъ, и притомъ не только писанныя ими на ученые степени, или преміи, но даже такъ называемыя семестровыя разсужденія ¹⁾).

¹⁾ Исторія киевской академіи прежняго времени показываетъ, что конференція академіи съ большою внимательностію относилась къ студенческимъ трудамъ, которые, въ видахъ поощренія, нерѣдко издавались даже на особыя суммы. Такъ, въ 1795 г. была издана польская грамматика ученика академіи Семигиновскаго (Тр. Кіев. Акад. 1867 г. № 12, стр. 577, прим.). Позже было издано *Собраніе опытовъ студентовъ перваго курса*, состоявшее изъ нѣсколькихъ словъ ихъ и трехъ краткихъ догматико-поучительныхъ разсужденій Инноцентія. Это изданіе было разослано по семинаріямъ и было (вмѣстѣ съ книжкою переведенною съ польскаго—„Совѣтъ молодому проповѣднику“) первымъ литературнымъ подаркомъ академіи подвѣдомственнымъ ей семинаріямъ (тамъ же, стр. 577). Особенно много ученыхъ работъ сдѣлано было студентами по инициативѣ митрополита Евгенія, иногда назначавшаго награды за подобные труды. Такъ въ 1827 г. онъ предложилъ исправить и издать переведенное студентами, по его указанію и подъ руководствомъ профессора Сяпридона Гулаева, сочиненіе: Pauli Tossiani lexicon concordiale biblicum, vetere novoque Testamento concinnatum. Впрочемъ этотъ переводъ былъ исправленъ, но не изданъ. Нѣсколько позже (въ 1831 г.), по его же предложенію, была исправлена и издана конференціею выше упомянутая нами польская грамматика Семигиновскаго, разосланная и въ семинаріи.—Въ 1827 году было представлено м. Евгенію конференціею нѣсколько курсовыхъ студенческихъ сочиненій, изъ коихъ онъ одобрилъ для печати разсужденіе Ѳ. С. Шимкевича—„О просвѣщеніи древнихъ

Книжки Трудовъ, вышедшія въ 1860 г., раздѣлялись, соотвѣтственно программѣ, на два почти равныхъ отдѣла, изъ коихъ въ первомъ печатались переводы твореній св.

евреевъ, ихъ усилкахъ въ наукахъ и изящныхъ искусствахъ“. Это сочиненіе было напечатано въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ., а автора его митроп. Евгений утвердилъ въ степени магистра богословія и словесныхъ наукъ (тамъ стр. 594). Принималъ близкое участіе въ развитіи студентовъ, митр. Евгений съ 1827г. началъ давать свои темы по русской исторіи и археологіи. Первою—была: *изслѣдованіе о древнѣйшей въ Кіевѣ церкви св. Пли, въ которой прислали Игоревы варяго-русы въ 945 г.* Тема съ программою сочиненія прислана конференціи 24 февраля съ тѣмъ, чтобы послѣдняя предложила ее студентамъ младшаго курса и чтобы изъ процентовъ румянцевской суммы за лучшее сочиненіе назначена была премія въ 100 р. асс., за слѣдующее—50 руб. асс. Сочиненіе должно было представить въ январѣ 1828 г. Студенту Евфімію *Остро-мысленскому* посчастливилось написать на заданную тему изслѣдованіе, которое было удостоено бѣльшей преміи и издано на проценты благотворительной суммѣ уже въ 1830 г. Кромѣ Остромысленскаго, на темы, данныя Евгениемъ, писали одновременно и другіе студенты, хотя мы (говоритъ профес. И. И. Малышевскій) это знаемъ только изъ предисловія къ указанному сочиненію, но не могли доискаться, какія это были темы и кто писалъ (тамъ же, стр. 595, 598, 600). Нѣсколько позже изданы слѣдующія сочиненія студентовъ: въ 1832 г. изданы: 1) о времени крещенія російской княгини Ольги, *Николая Соколова*; 2) Обращеніе в. князя Владиміра въ хр. вѣру и насажденіе оной въ Россію, *Космы Спасскаго*; 3) О крестномъ знаменіи противъ раскольниковъ, іер. *Пантелеимона*; 4) О духоборцахъ, *О. Новицкаго*; 5) Историческое обозрѣніе апокалипсиса, *Вас. Лонгинова*; 6) Историческое обозрѣніе перваго вселенскаго собора, *Ив. Максимовича*; 7) О причинахъ гоненій, которыя воздвигаемы были римскими императорами на христіанъ, *Ив. Климовича*; 8) О происхожденіи Св. Духа, *А. Тихомірова* (болѣе историческое, чѣмъ догматическое; 9) О томъ, какъ отцы церкви первыхъ пяти вѣковъ смотрѣли на философію вообще, и въ частности на философію Платона, *Павла Соколова*; 10) Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ греко-россійской церкви, *Н. Григорьева*, но исправленное Иннокентіемъ, изд. въ 1836 г. и бывшее учебникомъ въ семинаріяхъ; 11) Разсужденіе о великихъ господскихъ и богородичныхъ праздникахъ, изд. въ 1836 г.; 12) О древнѣйшей кіевской церкви св. Принны, *Климентя Каневскаго*; 13) Критическое обозрѣніе ученія римской церкви о главенствѣ папы, *С. Голицкаго* (нынѣ заслуж. орд. проф. Кіев. Универс.), (тамъ же, стр. 604—605); 14) О путяхъ промысла Божія въ обращеніи грѣшниковъ, и о путяхъ покаянія для обрацаемыхъ, *іеромонаха Димитрія Муретова* (нынѣ архіепископа волынскаго;

Кипріана, а во второмъ—оригинальныя статьи. Въ первомъ, такъ сказать, пробномъ году своей дѣятельности редакція помѣстила не мало солидныхъ и серіозныхъ статей по разнымъ отраслямъ богословской науки. Такъ, по *патрології* въ этомъ году напечатана статья подъ заглавіемъ: „сужденія св. отцевъ и учителей 2 и 3 вѣка объ отношеніи греческаго образованія къ христіанству“ (въ двухъ кн.); по

15) Указаніе предметовъ, планъ и методъ, коимъ приходскій священникъ можетъ съ успѣхомъ слѣдовать въ преподаваніи прихожанамъ своимъ истинъ вѣры христіанской, *Мих. Павловскаго*; 16) О томъ, что истинная философія можетъ быть почерпнута только изъ откровенія, *іеромонаха Серафима Аретинскаго* (нынѣ архіеписк. воронежск.); 17) Кто былъ первый митрополитъ кіевскій? *іеромонаха Евсевія Ильинскаго* (бывш. экзарха Грузіи); 18) О проповѣданіи въ древней христіанской церкви, *Павла Бобина*; 19) О крестѣ Господнемъ, *Ив. Космина*; 20) О происхожденіи и составѣ римской литургіи и отличіи ея отъ нашей, *Ив. Бобровицкаго* (впослѣдств. заслуж. орд. проф. кіевск. академіи). Послѣднія семь сочиненій (14—20) изданы въ 1839 г. и вошли въ составъ 1-го тома „Собранія сочиненій студентовъ Кіевской дух. академіи“. 21) Ученіе св. отцевъ подвижниковъ о благодати Божіей, спасающей человека, *Даніила Имшенецкаго*, 1853 г.; 22) О заслугахъ императора Θεодосія великаго по отношенію къ вѣрѣ и церкви, *Ив. Вертеловскаго*, 1853 г.; 23) Святій Софроній, патріархъ іерусалимскій, *Григорія Галина*, 1853 г.; 24) Михайлъ Керуларій патріархъ константинопольскій, 1854 г.; 25) Императоръ Юстіанъ I и его заслуги въ отношеніи къ церкви Христовой, *іеродиакона Θεоктиста Попова* (нынѣ еписк. симбирскаго), 1856 г.; 26) О чинѣ православія, *Стеф. Семенова*, 1856 г.; 27) Исслѣдованіе библейской хронологіи, *Д. Спасскаго* (нынѣ архимандрита Сергія, доктора богословія), 1857 г. Многія изъ этихъ сочиненій не утратили своего значенія до послѣдняго времени, что доказывается тѣмъ, что они издавались послѣ, и иногда по нѣскольку разъ (напр. соч. Ив. М. Бобровицкаго, С. С. Гогоцкаго), доселѣ существуютъ въ продажѣ и находятъ себѣ покупателей.

Изъ представленнаго перечня извѣстныхъ намъ студенческихъ сочиненій видно, что они были издаваемы академіею съ давняго времени, начиная съ прошлаго вѣка (1795 г.) и оканчивая 1857 годомъ, т. е. тѣмъ временемъ, когда корпорація наставниковъ уже рѣшилась издавать, независимо отъ Воскр. Чтенія, особый учено-литературный журналъ, въ коемъ, по первоначальнымъ планамъ, было предположено печатать между прочимъ и лучшія сочиненія воспитанниковъ академіи.

библейской исторіи—„судьбы церкви Божіей на землѣ“ (въ трехъ кн.); по русской и общей церковной исторіи—„патріархъ Никонъ“, „черниговскіе іерархи“, „историческій очеркъ христіанской проповѣди въ Китаѣ“ (въ двухъ кн.); „Адамъ Зерникавъ“, „историческія свѣдѣнія о раскольникахъ черниговской епархіи“; по философіи—„сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка, по ученію Слова Божія“, „изъ науки о человѣческомъ духѣ“; статьи *современнаго* характера—„церковное обозрѣніе: современное состояніе протестанства“, „нѣсколько замѣчаній по поводу крестьянскихъ при церквахъ школъ въ минской епархіи“, „отзывъ католика о протестантской и русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ“¹⁾; наконецъ обнародованы *матеріалы*—„письма св. Димитрія ростовскаго“, „письма уніатскаго митрополита Іасона Сморгжевскаго къ князю Ф. Кс. Любомірскому“ и „отвѣтъ“ князя тому же митрополиту, „грамата Владислава“, „грамата Жигмонта Августа“ (о Кіево-Флоровскомъ монастырѣ).

Большинство упомянутыхъ статей отличалось обширностію и ученостію, чрезъ что „Труды“ 1860 года походили болѣе на ученый сборникъ, чѣмъ на журналъ современнаго направленія. Неопредѣленность срока выхода книжекъ, ихъ объемистость еще болѣе придавали новому органу кіевской академіи видъ сборника и рѣзко отличали его отъ другихъ духовныхъ журналовъ, выходившихъ или еженедѣльно (Воскр. Чтеніе, Духовная Бесѣда, Руководство для сел. пастырей), или ежемѣсячно (Христ. Чтеніе, Прав. Обозрѣніе, Прав. Собесѣдникъ и др.). Все это, безъ сомнѣнія, служило для наставниковъ академіи побужденіемъ—дать своему изданію видъ журнала, подходящаго на другихъ своихъ собратовъ. Почему съ 1861 года „Труды“ стали выходить ежемѣсячно и къ первоначальной программѣ ихъ сдѣланы та-

¹⁾ Къ этому же разряду могутъ быть отнесены статьи теоретическаго характера—„два слова о прогрессѣ“, „современность“.

кія прибавленія. „Журналъ „Труды Кіев. д. Академіи“, объявляла редакція въ концѣ 1860 года, будетъ издаваться въ 1861 году, вмѣсто четырехъ, въ двѣнадцати книжкахъ отъ 8 до 10 листовъ въ книжкѣ. Въ немъ (кромѣ перевода твореній св. отцевъ церкви) редакція намѣрена помѣщать опыты перевода *Св. писанія Ветхаго Завета*, который начнется съ 1 книги Царствъ и, для удобнѣйшаго разумѣнія читателей, будетъ по мѣстамъ снабжаемъ примѣчаніями филологическими, археологическими и проч. Кромѣ того, редакція обѣщала (сверхъ изложеннаго въ прежней программѣ) помѣщать въ своемъ журналѣ въ числѣ оригинальныхъ статей—1) *изслѣдованія богословскія, философскія, историческія*... Статьи эти будутъ направляемы по преимуществу къ уясненію истинъ вѣры, отличительныхъ свойствъ православной церкви и содержимыхъ ею началъ жизни христіанскаго общества; статьи эти будутъ по временамъ помѣщаться и въ видѣ *словъ*, или *бесѣдъ*, предлагаемыхъ съ церковной кафедры; 2) *статьи, имѣющія предметомъ современное состояніе церкви отечественной въ связи съ исторіею ея*. Сюда войдетъ, между прочимъ, *критическій и библиографическій обзоръ* современной духовной литературы, а по временамъ и *произведеній свѣтской литературы*, именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда она касается вопросовъ вѣры и жизни христіанской; 3) относительно *извѣстій* о состояніи церкви у единовѣрныхъ намъ народовъ редакція обѣщала сообщать ихъ, по возможности, въ видѣ цѣльныхъ очерковъ и обзрѣній“¹⁾.—Во все первое десятилѣтіе „Трудовъ“ редакція держалась такой программы, которая и была, за немногими исключеніями, перепечатаваема до 1870 года.

Существенныя особенности этой видоизмѣненной программы состояли въ слѣдующемъ: 1) Труды Академіи, вмѣсто четырехъ разъ въ годъ, стали выходить ежемѣсячно; 2) кромѣ переводовъ отеческихъ твореній въ нихъ началъ

¹⁾ См. эту программу на обложкѣ Трудовъ 1860 г. кн. IV, а также 1862 г. № 9 и въ др. годахъ.

печататься переводъ Св. Писанія; 3) вслѣдствіе разширенія программы переводы какъ отцевъ церкви, такъ и Св. Писанія печатались въ незначительныхъ размѣрахъ (большею частію по одному листу того и другаго перевода въ книжкѣ), и притомъ въ приложеніи, такъ что самое видное мѣсто въ журналѣ заняли оригинальныя статьи, а первый отдѣлъ (переводной) сократился до minimum'a; 4) кромѣ перевода Св. Писанія въ составъ журнала вошли „слова и бесѣды“, произносимыя съ церковной кафедрѣ, коихъ въ 1860 г. вовсе не было, а въ 1861 году напечатано до 8; 5) введенъ также отдѣлъ критическій и библиографическій, въ которомъ редакція общала дѣлать разборъ не только духовной, но и свѣтской литературы; тогда какъ по программѣ 1860 года въ журналѣ имѣли помѣщаться статьи по предметамъ наукъ, преподаваемыхъ *исключительно*, или по преимуществу, въ *духовно-учебныхъ* заведеніяхъ; 6) наконецъ отдѣлъ, содержащій статьи относительно статистики церковной, различные документы и акты историческіе, вовсе выпущенъ изъ программы, хотя этому отдѣлу редакція, и по первоначальнымъ предположеніямъ и по программѣ 1860 г., видимо намѣревалась придать нѣкоторое значеніе въ журналѣ и уже, какъ мы видѣли, успѣла обнародовать въ 1 году „Трудовъ“ нѣсколько матеріаловъ, относящихся къ исторіи церкви югозападнаго края.

(Продолженіе будетъ).

Ив. Корольковъ.

Поправки.

ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИГѢ „ТРУДОВЪ“

напечатано:	слѣдуетъ:
стр. 226, строка 8 сверху:	
не будетъ.	не будетъ имѣть.
стр. 235, строка 9 сверху:	
психологически, а не методо-логически,	какъ процессъ психическій, но не методологическій,
Бъ настоящей книжкѣ	
стр. 295. строка 15 сверху:	
ею	жизнію

мiяхъ. Изъ остающихся предметовъ географiя составляетъ вспомогательную науку исторiи, а потому и преподавателю сей послѣдней принадлежитъ слѣдить за ознакомленiемъ кандидатовъ Академiи съ свѣдѣнiями, необходимыми для преподаванiя географiи въ духовныхъ училищахъ. Что же касается до остающагося учебнаго предмета—арифметики, то содержанiе ея составляетъ элементарную часть математическаго курса, пройденнаго въ семинарiяхъ. Руководство по сему предмету можетъ быть ввѣрено одному изъ преподавателей Академiи, по распоряженiю Совѣта. Общее же наблюденiе за подготовкою учителей училищъ должно быть предоставлено преподавателю педагогики. При правильной организацiи всего этого дѣла и усердномъ веденiи онаго, отдѣльное испытанiе тремя пробными уроками по предметамъ училищнаго курса представляется излишнимъ. Представляя вышеизложенное заключенiе на благоусмотрѣнiе Святѣйшаго Синода, Учебный Комитетъ полагалъ бы, въ случаѣ утвержденiя онаго, сообщить о семъ, къ свѣдѣнiю и руководству, Совѣтамъ духовныхъ Академiй“.

Справка. По поводу указа Св. Синода отъ 23 мая 1880 года за № 1991, при обсужденiи цѣлесообразной постановки подготовительныхъ занятiй студентовъ IV курса къ замѣщенiю учительскихъ должностей въ духовныхъ училищахъ, въ общемъ собранiи Совѣта Киевской духовной Академiи 13 iюня возникли и, по обсужденiи, 5 iюля за № 452 установленнымъ порядкомъ представлены на благоусмотрѣнiе и разрѣшенiе Св. Синода слѣдующiе вопросы: 1) По всѣмъ ли предметамъ училищнаго курса каждый студентъ IV курса Академiи обязанъ знакомиться съ программами преподаванiя учебныхъ предметовъ въ духовныхъ училищахъ и съ одобренными для выполненiя ихъ учебниками и учебными пособиями, или можетъ ограничиться выборомъ группы предметовъ, по содержанiю своему подходящихъ къ группѣ наукъ, избранныхъ имъ для спеціальнаго изученiя съ цѣлью

приготовленія къ магистерскому экзамену и къ преподаванію въ духовныхъ семинаріяхъ? 2) Эти практическія занятія должны ли подлежать повѣркѣ, напр. въ видѣ пробныхъ уроковъ, или могутъ быть предоставлены доброй волѣ студентовъ? 3) Если нужны руководство и контроль въ этихъ занятіяхъ студентовъ, то не слѣдуетъ ли раздѣлить этотъ трудъ между преподавателями тѣхъ наукъ въ Академіи, которые имѣютъ какое либо отношеніе къ предметамъ училищнаго курса?

Постановлено: Указъ принять къ свѣдѣнію и руководству и объявить какъ преподавателямъ Академіи, такъ и студентамъ IV курса ея.

III. Представленіе Церковно-практическаго Отдѣленія отъ 23 октября: „По порученію Совѣта Академіи, Церковно-практическое Отдѣленіе подвергало обсужденію достоинство сочиненія ректора православной духовной Семинаріи въ г. Зарѣ (въ Далмаціи) архимандрита Никодима Милаша, представленнаго на степень магистра богословія, подъ заглавіемъ: „Достоѣанства у православной цркви по црквено—правнимъ изворима до XIV вѣка“. По выслушаніи подробнаго отзыва о сочиненіи архимандрита Никодима, составленнаго профессоромъ Петромъ Лашкаревымъ, Отдѣленіе мнѣніемъ постановило признать сочиненіе удовлетворительнымъ для степени магистра богословія“.

Отзывъ экстраординарнаго профессора Академіи П. Лашкарева о сочиненіи „Достоѣанства у Православной Цркви“, представленномъ на степень магистра богословія ректоромъ и наставникомъ Зарской дух. Семинаріи архимандритомъ Никодимомъ (Милашемъ):

„Сочиненіе архим. Никодима Милаша, написанное „Достоѣанства у Православной Цркви, по црквено—правнимъ изворима до XIV вѣка“, по сознанію самаго автора, не вполне отвѣчаетъ заглавію своимъ содержаніемъ. Оно вы-

звано особымъ мѣстнымъ интересомъ, соединившимся съ вопросомъ о достоинствахъ или чинахъ въ древней церкви вслѣдствіе споровъ о взаимныхъ отношеніяхъ между мірскимъ священствомъ и монашествомъ, возникшихъ въ средѣ Сербско-далматинскаго духовенства, и частіе — сочиненіемъ: „Протопресвитер и нѣгово достоѣанство“ — протопресвитера Николаевича, написаннымъ противъ монашества и въ пользу мірскаго священства. Поэтому оно посвящено сколько вопросу о самыхъ достоинствахъ или чинахъ Православной церкви, столько же и вопросу о монашествѣ, какъ остояніи церковномъ, пріобрѣвшемъ даже предпочтительныя права на занятіе извѣстныхъ должностей по управленію церковному. Поставивъ задачею своею — разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ содѣйствовать водворенію мира между священствомъ мірскимъ и монашествомъ, авторъ направилъ свое изслѣдованіе главнымъ образомъ противъ сочиненія протопресв. Николаевича, которое своею краткостію, рѣшительнымъ и недопускающимъ возраженій тономъ и рѣзкостію выводовъ должно было особенно сильно поддерживать рознь въ средѣ духовенства. Открытой полемикѣ противъ прот. Николаевича авторъ посвятилъ довольно обширный приступъ (въ 36 стр.) къ своему изслѣдованію; но и въ самомъ изслѣдованіи, хотя въ такую полемику болѣе не вдается, идетъ параллельно тому пути, которымъ шелъ въ своемъ сочиненіи прот. Николаевичъ. Онъ довольно кратко говоритъ о хореепископахъ и періодевтахъ въ древней церкви; но съ особенною обстоятельностью трактуетъ о протопресвитерахъ, о монашествѣ самомъ по себѣ и о монашествѣ въ отношеніи къ избранію изъ среды его епископовъ, и заключаетъ свое изслѣдованіе общимъ обзоромъ чиновъ и должностныхъ при епископахъ лицъ, съ указаніемъ на ихъ взаимныя отношенія.

Случайный мѣстный интересъ, вызвавшій трудъ автора и давшій ему такое, а не иное направленіе, придавъ его изслѣдованію нѣсколько односторонній отбѣнокъ. Изъ по-

лемики его противъ прот. Николаевича видно, что авторъ не успѣлъ удержаться въ границахъ вполне безпристрастнаго отношенія къ вопросу. Но въ тоже время самое увлеченіе его интересами случайнаго свойства даетъ лучше всего возможность оцѣнить со стороны его личныя научныя силы и средства. При подобномъ увлеченіи авторъ естественно долженъ былъ обнаружить весь запасъ своихъ свѣдѣній и свою способность къ самостоятельной ученой работѣ. Тому и другому у автора нельзя, дѣйствительно, не отдать заслуженной чести. При знакомствѣ съ литературой вопроса, на сколько она могла служить его цѣли, авторъ обнаружилъ довольно обширное самостоятельное изученіе самыхъ источниковъ права церковнаго, и если не подрываетъ своего противника безпристрастною критикою его мнѣній, то безспорно заслоняетъ его трудъ своею ерудиціею. Въ виду этихъ безспорныхъ достоинствъ автора, сочиненіе его можетъ быть признано удовлетворяющимъ вполне тѣмъ требованіямъ, какія предъявляются обыкновенно диссертациямъ на ученую степень магистра“.

Справка. 1. Вслѣдствіе ходатайства Преосвященнаго Стефана епископа Далматскаго и Истрійскаго объ удостоеніи окончившаго курсъ въ Кіевской Академіи въ 1871 году магистранта Николая Милаша, нынѣ архимандрита Николая, ректора и наставника Зарской дух. Семинаріи, къ степени магистра богословія безъ публичнаго защищенія диссертациі, Совѣтомъ Академіи, въ общемъ собраніи отъ 25 января 1880 года, постановлено: „Такъ какъ по уставу дух. Академій (§ 141) и по особому положенію объ испытаніяхъ на ученые академическія степени (§ 21) кандидатъ богословія, выдержавшій удовлетворительно для степени магистра устное испытаніе, для полученія сей степени долженъ представить удовлетворительную магистерскую диссертацию и публично защитить ее; то увѣдомить Преосвященнаго Стефана еп. Далматскаго, что 1) для полученія степени

магистра богословія архимандритъ Никодимъ обязанъ представить на разсмотрѣніе въ Совѣтъ Академіи одно изъ своихъ сочиненій по собственному выбору, но такое, которое было бы богословскаго характера и заключало бы основательное научное изслѣдованіе предмета, а другія сочиненія его могутъ быть присланы въ видѣ приложенія, если пожелаетъ авторъ и какія найдетъ онъ возможнымъ прислать; 2) въ томъ случаѣ, если представленное сочиненіе, по разсмотрѣніи его въ установленномъ порядкѣ, будетъ признано удовлетворительною для магистерской степени диссертациею, Совѣтъ Академіи будетъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи о. Никодима Милаша въ предназначенной ему степени безъ публичнаго защищенія этого сочиненія въ видѣ исключенія для него, по вниманію какъ къ отдаленности мѣстожителства его отъ Академіи и къ неудобству для него оставить на болѣе или менѣ продолжительное время исполненіе служебныхъ обязанностей, лежащихъ на немъ, такъ и къ плодотворной учебной и ученой дѣятельности его“.

2) Архимандритъ Никодимъ, при прошеніи отъ 17 мая 1880 г., представилъ въ Совѣтъ Академіи на степень магистра вышеупомянутую диссертацию, которая 30 того же мая передана была на разсмотрѣніе Церковно-практическаго Отдѣленія, съ приложеніемъ четырехъ другихъ богословскихъ сочиненій.

Постановлено: Такъ какъ представленное архимандритомъ Никодимомъ (Милашемъ) сочиненіе Церковно-практическимъ Отдѣленіемъ, по разсмотрѣніи, признано удовлетворительною для магистерской степени диссертациею; то ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи его въ предназначенной ему степени безъ публичнаго защищенія этого сочиненія, въ видѣ исключенія для него.

IV. Предложеніе Ректора академіи: „Имѣя въ виду 102 и 103 §§ уст. дух. акад., предлагаю Совѣту заблаго-

временно рѣшить то, какой день назначить для годичнаго торжественнаго собранія Киевскѣй Академіи по истеченіи 18⁹⁰/₉₁ учебнаго года, кому предоставить произнесеніе рѣчи на ономъ и кому поручить составленіе годичнаго отчета“.

Постановлено: По примѣру прежнихъ лѣтъ для торжественнаго собранія Академіи назначить 28 сентября 1881 года и составленіе отчета о состояніи Академіи поручить секретарю Совѣта оной Ив. Исаеву; а произнесеніе рѣчи въ семъ собраніи предоставить экстраординарному профессору Митрофану Ястребову.

V. Представленіе Церковно-практическаго Отдѣленія отъ 23 октября объ избранной имъ темѣ для студентовъ сего Отдѣленія на соисканіе Евгеніе-Румянцевской преміи: „Мѣсяцесловы святыхъ при рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ Церковно-археологическаго Музея“.

Постановлено: Тему одобрить и объявить студентамъ Церковно-практическаго Отдѣленія всѣхъ курсовъ.

VI. Представленный доцентомъ Киевской духовной Академіи по кафедрѣ латинскаго языка и его словесности Ник. Дроздовымъ отчетъ объ ученыхъ занятіяхъ его по сему предмету за границу въ теченіи втораго полугодія 18⁷⁹/₈₀ учебнаго года.

„Ознакомившись въ первый семестръ своей заграничной командировки съ преподаваніемъ классической филологіи въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ университетовъ— Берлинскомъ, я послѣ того отправился въ Италію, чтобы путемъ непосредственнаго изученія ознакомиться съ природою и положеніемъ этой страны и важнѣйшими изъ сохранившихся въ ней памятниковъ древности, открытіе и изслѣдованіе которыхъ въ настоящемъ столѣтіи пролило новый свѣтъ на многія области классической филологіи. Исходными пунктами для меня, при научномъ путешествіи

по Италіи, служили, согласно инструкціи, данной мнѣ Совѣтомъ Академіи, Римъ съ его окрестностями и Помпеи.

При обзорѣи *Рима* и его окрестностей я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ топографію этого города и важнѣйшіе памятники древности, находящіеся въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго устроенія или въ музеяхъ.

Римъ во время своего 26-вѣковаго существованія подвергался разнообразнымъ измѣненіямъ, при которыхъ не только внѣшній видъ, но и самое мѣстоположеніе его измѣнялось. Сначала онъ занималъ лишь Палатинскую гору, которую Ромулъ обнесъ стѣною изъ грубыхъ необтесанныхъ камней. Но, благодаря энергіи своихъ обитателей и удачно выбранному центральному положенію, этотъ „квадратный Римъ“ началъ быстро расширяться и мало по малу включилъ въ свои предѣлы Капитолійскую гору съ находящеюся при ней долиною (*Forum Romanum*), Целійскую и Авентинскую горы и выступилъ уже при Анкѣ Марціи на другую сторону Тибра (по горѣ Янигульской). Сервій Туллій возобновилъ и расширилъ старыя стѣны, включивши въ ихъ предѣлы еще Эсквилинскую гору и холмы Виминальскій и Квиринальскій, что впоследствии дало основаніе называть Римъ „седмихолмымъ“ (Янигуль остался внѣ стѣнъ). Эти стѣны Сервія оставались безъ расширенія до временъ Авреліана, такъ что новыя пристройки къ Риму во время республики, при Цезаряхъ и Антонинахъ были внѣ стѣнъ.

Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ Римъ испыталъ и множество опустошеній, изъ которыхъ въ особенности пагубными были: сожженіе этого города галлами (въ 390 г. до Р. Х.) и пожаръ при Неронѣ (64 г. по Р. Х.), совершенно измѣнившіе прежній видъ Рима. Тѣмъ не менѣе, благодаря указаніямъ древнихъ авторовъ, раскопкамъ, приведшимъ къ открытію многихъ важныхъ древнихъ памятниковъ, и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, можно составить приблизительно вѣрное представленіе о мѣстоположеніи и общемъ видѣ этого города въ вѣкъ имперіи и отчасти даже во времена ца-

рей (хотя относительно многихъ, даже важнѣйшихъ пунктовъ Рима до сего времени существуетъ не мало разногласій между изслѣдователями вслѣдствіе неимѣнія опредѣленныхъ данныхъ). Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣютъ фрагменты древняго Капитолійскаго плана, остатки древнихъ стѣнъ (Ромула и Сервія Туллія) и памятники, открытые въ разныхъ частяхъ города, въ особенности же на Палатинѣ и форумѣ (Forum Romanum), находившемся между этою горою и Капитолійскою. Здѣсь найдено не мало остатковъ храмовъ (напр. храмы Согласія, двѣнадцати боговъ, Сатурна, Кастора и Поллукса, Веспасіана и друг.), дворцовъ (Августа, Тиверія, Калигулы, Домиціана и друг.), частныхъ домовъ, триумфальныхъ арокъ (Сентимію Северу, Титу, Константину и др.) и колоннъ (Трояну, Фокъ и др.), базиликъ и т. под., множество произведеній искусства, въ особенности скульптуры, различныхъ принадлежностей домашняго быта, культа и другихъ предметовъ, представляющихъ богатое пособіе къ изученію жизни римлянъ въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Наиболѣе важные пункты Рима, какъ Палатинъ и Forum Romanum, уже съ давнихъ временъ обращали на себя вниманіе и подвергались раскопкамъ. Но эти раскопки въ прежнее время имѣли обыкновенно случайный характеръ и приносили не столько пользы, сколько вреда для науки, потому что цѣлью ихъ служило болышею частію открытіе цѣнныхъ предметовъ искусства, — статуй, мозаикъ и т. под.; при чемъ раскопанія мѣста обыкновенно опять забрасывались землею, коль скоро удовлетворялась цѣль раскопывателя. Серіозныя и систематическія научныя раскопки начались здѣсь собственно лишь въ настоящемъ столѣтіи, и въ особенности когда началъ руководить ими извѣстный археологъ *П. Роза*. Работы эти продолжаются здѣсь и до сего времени. Благодаря имъ, можно теперь, прогуливаясь наприм. по Палатину, представить себѣ видъ его въ то время, когда въ немъ кипѣла жизнь и когда онъ былъ покрытъ дворцами и храма-

ми, отъ которыхъ въ настоящее время остались только развалины,—молчаливыя и величественныя, хотя настолько обезображенныя, что требуется значительная сила фантазіи и достаточный запасъ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній, чтобы находящіеся здѣсь груды мрамора и камней, остатки стѣнъ и фундаментовъ, колоннъ, подземныхъ ходовъ, мозаикъ и т. под. приурочить къ зданіямъ, извѣстнымъ изъ историч. свидѣтельствъ и облечь въ тѣ прекрасныя цѣльныя формы, которыя были здѣсь прежде, чтобы по этимъ скуднымъ остаткамъ прослѣдить исторію Рима отъ Ромула до послѣднихъ временъ имперіи. Хотя нѣкоторыя зданія настолько хорошо сохранились, что можно видѣть расположеніе отдѣльныхъ помѣщеній въ нихъ и судить объ ихъ первоначальномъ украшеніи по остаткамъ мрамора, мозаики и т. под.: тѣмъ не менѣе относительно назначенія и времени происхожденія многихъ изъ этихъ памятниковъ и до сего времени не установился опредѣленный взглядъ между археологами, нерѣдко вынужденными основываться въ своихъ сужденіяхъ,—вслѣдствіе недостаточности самыхъ памятниковъ,—на сообщеніяхъ древнихъ авторовъ и на различіи матеріала и способа построенія, употреблявшихся въ различныя эпохи существованія Рима. Цѣльныхъ памятниковъ зодчества вообще очень мало сохранилось въ Римѣ,—на всѣхъ нихъ большею частію ясно видна печать разрушенія или новыхъ реставрацій. Тѣмъ не менѣе изученіе ихъ въ высшей степени поучительно, потому что оно непосредственно вводитъ наблюдателя въ древне-классическую жизнь, представляя его глазамъ то, что сохранилось отъ древности, и возбуждая мысль и фантазію къ научному восполненію того, чего недостаетъ въ этихъ памятникахъ.

Не менѣе поучительно и изученіе *государственныхъ* или *общественныхъ* и *частныхъ музеевъ* Рима, въ которыхъ хранятся наиболѣе важныя предметы древне-классическаго искусства, домашняго быта, культа и т. под., найденныя при раскопкахъ. Хотя я осматривалъ и нѣкоторые изъ частныхъ

римскихъ музеевъ, во главнымъ образомъ мое вниманіе было обращено на слѣдующіе общественные музеи:

1) *Капитолійскій музей*, который во время своего 150-лѣтняго существованія обогатился многими памятниками древности. Изъ нихъ въ особенности важное значеніе имѣютъ: а) фрагменты плана Рима временъ имперіи на мраморныхъ плитахъ, найденные въ XVI стол. при перестройкѣ церкви Космы и Даміана (въ развалинахъ храма, приписываемаго Ромулу, сыну Максенціи), служащіе, несмотря на свою неполноту, важнѣйшимъ пособіемъ для изученія топографіи древняго Рима; б) троянскій рельефъ (*tabula iliaca*), найденный при раскопкахъ на скотномъ рынкѣ (*forum bovine*) и представляющій на мраморѣ изображеніе различныхъ сценъ изъ разрушенія Трои съ бѣгствомъ Энея въ серединѣ; в) богатое собраніе древнихъ надписей и произведеній искусства, изъ которыхъ въ особенности выдаются: знаменитая Капитолійская Венера (изъ паросскаго мрамора), одна несомнѣнно изъ самыхъ лучшихъ копій гнидоской Венеры Праксителя, умирающій гладіаторъ, фавнъ (изъ краснаго мрамора) и друг.

2) *Музей во дворцѣ консерваторовъ*, замѣчательный въ особенности по сохраняющимся въ немъ консульскимъ спискамъ (*fasti consulares*), отрывку надписи, бывшей на триумфальной колоннѣ, поставленной Г. Дуллию за побѣду, одержанную имъ на морѣ въ 260 г. до Р. Х., бронзовой статуѣ Капитолійской волчицы, которую относятъ ко времени эдиловъ Гнея и Кв. Огильвийевъ (296 г. до Р. Х.), и др.

3) *Музей Кирхера*, заключающій въ себѣ кромѣ многихъ другихъ важныхъ достопримѣчательностей, цисту Фискорони (она найдена въ Палестринѣ), представляющую собою видъ цилиндрической металлической шкатулки, покрытой прекрасно гравированными изображеніями и надписью, носящею на себѣ черты своего древняго происхожденія (ее относятъ къ III вѣку до Р. Х.), извѣстные акты арвальскаго братства и др.

4) *Латеранскій музей*, въ которомъ хранятся памятники, не нашедшіе мѣста въ Ватиканскомъ музеѣ, и между прочимъ большое собраніе погребальныхъ монументовъ. Изъ другихъ памятниковъ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе статуя Софокла, которая, какъ полагають, была поставлена за 300 л. до Р. Х. въ Афинахъ.

5) Но въ особенности высокій интересъ представляетъ *Ватиканскій музей*, единственный во всемъ мірѣ по богатому собранію лучшихъ произведеній древне-классическаго искусства. Онъ состоитъ собственно изъ нѣсколькихъ музеевъ (*museo Pio-Clementino*, *museo Chiaramonti*, *braccio nuovo*, *museo Gregoriano etrusco*, *galleria lapidaria*), заключающихъ въ себѣ между прочимъ такія всемірно-извѣстныя произведенія, какъ группа Лаокоона, Аполлонъ Бельведерскій, бюстъ Зевса, статуя Меркурія, приписывавшаяся прежде Антиною, торсъ Геркулеса, громадная бронзовая позолоченная статуя Геркулеса, колоссальная статуя Нила, Венеры Ватиканской и др. Здѣсь же находится богатѣйшее собраніе древне-римскихъ надписей. Въ особомъ отдѣленіи музея помѣщена богатая коллекція предметовъ, найденныхъ въ Этруріи, какъ то: погребальные монументы, статуи, металлическіе и глиняные предметы, служившіе для хозяйственнаго употребленія или украшенія, и т. под.

Не имѣя возможности, вслѣдствіе недостатка времени, съ одинаковымъ вниманіемъ относиться ко всѣмъ достопримѣчательнымъ памятникамъ древности, я особенное вниманіе обращалъ на тѣ изъ нихъ, которые могли служить наиболѣе необходимымъ пособіемъ къ непосредственному ознакомленію какъ съ характеромъ общественной и частной жизни древнихъ римлянъ въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ, такъ и съ исторіею латинскаго языка; при чемъ художественное значеніе этихъ памятниковъ имѣло для меня лишь второстепенный интересъ. Въ видахъ же концентрации своихъ занятій, я по преимуществу занимался изученіемъ древне-римскихъ погребальныхъ монументовъ, которые сво-

ими надписями и скульптурными изображениями представляют богатый материал для ознакомления не только съ особенностями латинскаго языка въ различныя эпохи его развитія, и въ частности съ народнымъ языкомъ римлянъ, но также съ ихъ культомъ и религіозно-нравственными воззрѣніями, общественными и частными отношеніями.

Тѣ же цѣли преслѣдовались мною и при обозрѣніи весьма богатаго *Національного музея въ Неаполѣ*. По своему разнообразію Національный музей едва ли уступаетъ музеямъ Римскимъ,—онъ заключаетъ въ себѣ богатую коллекцію предметовъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ областямъ древне-классической жизни и найденныхъ болѣею чатстію при раскопкахъ въ Южной Италіи. Такъ, здѣсь находятся прекрасныя образцы древней скульптуры, во главѣ которыхъ стоитъ: знаменитый фарнезскій Геркулесъ, группа Фарнезскаго вола, Венера Каллинигосъ, сдѣланные изъ мрамора, различнаго рода издѣлія изъ металла, стекла и терракотты (оружіе, домашняя утварь, музыкальные и хирургическіе инструменты, хозяйственныя орудія и пр.), богатое собраніе латинскихъ и осскихъ разнаго рода надписей, греческіе папирусы изъ Геркулана (на нихъ довольно ясно видѣнъ химически возстановленный текстъ), прекрасно исполненная модель Помпей и нѣкоторыхъ древнихъ зданій и т. под. Что же касается до самаго Неаполя, то я не обращалъ на него много вниманія, потому что онъ не имѣлъ особенно важнаго значенія въ историко-археологическомъ отношеніи.

Совершенно особый интересъ представляютъ *Помпеи*. Топографическіе вопросы и художественный интересъ здѣсь сами собою отодвигаются на задній планъ. Положеніе отдѣльныхъ частей этого города ясно видно, зданій замѣчательныхъ въ архитектурномъ отношеніи здѣсь мало, скульптурными произведеніями Помпей не богаты, здѣсь даже мраморъ,—въ противоположность Риму,—составляетъ

рѣдкость, изъ предметовъ искусства здѣсь обращаютъ на себя особое вниманіе лишь произведенія живописи (фрески) и мозаики, изъ которыхъ многіе прекрасно сохранились. Главный интересъ, представляемый Помпеями, чисто-антикварный. Хотя потоки лавы, массы горячаго пепла и сотрясеніе земли произвели свое разрушительное дѣйствіе надъ многими помпейскими зданіями съ различными находившимися въ нихъ предметами (многое было разрушено, впрочемъ, и вслѣдствіе безпорядочности прежде производившихся здѣсь раскопокъ), однако большая часть ихъ такъ хорошо сохранилась, что легко можно составить представленіе какъ о наиболѣе важныхъ недостающихъ частяхъ ихъ, такъ и объ общемъ видѣ города. Здѣсь нѣтъ такой настоящей нужды въ спеціальныхъ археологическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ, въ особой способности построенія различнаго рода комбинацій, въ особой легко возбуждаемой фантазіи, какая требуется напр. въ Римѣ, что бы понять значеніе памятниковъ, представляющихся взору наблюдателя, — здѣсь окружающая среда непосредственно переноситъ наблюдателя въ древне-италійскую жизнь и болѣею частію сама служитъ для него молчаливою, но лучшею учительницею. Хотя даже раскопанная часть этого города находится въ полуразрушенномъ состояніи, однако въ общемъ онъ удерживается тотъ же типъ, который былъ 18 вѣковъ тому назадъ, когда здѣсь кипѣла оживленная жизнь. Теперь уже нѣтъ этого оживленія, прежняго движенія, — все здѣсь тихо и мертво, но все краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о той жизни, которая была на этомъ мѣстѣ прежде. Здѣсь не сами жители говорятъ о себѣ, а то, что было создано ими, то, среди чего они жили и на чемъ ясно отпечатлѣлся характеръ ихъ жизни въ разнообразныхъ направленіяхъ. Едва мы входимъ въ древнія ворота, устроенныя въ стѣнѣ окружающей городъ, какъ наша нога ступаетъ по старой 18-вѣковой мостовой, построенной изъ большихъ мѣстныхъ вулканическихъ камней и огражденной узкими тротуарами;

мы переходимъ изъ одной улицы въ другую, которыя всё вообще тѣсны и мрачны; предъ нами одинъ за другимъ смѣняются многовѣковые полуразрушенные дома со всеми особенностями, отличающими ихъ отъ современныхъ домовъ; вскорѣ же намъ встрѣчаются ряды колоннъ, свидѣтельствующіе о прежде бывшей здѣсь базиликѣ, отъ которой сохранилась даже трибуна, служившая мѣстомъ засѣданія судейскаго персонала, и затѣмъ остатки форума съ окружающими его храмами, отъ которыхъ сохранились не только портики, но отчасти святилища (*cellae*), и другими публичными и частными зданіями, какъ зданіе сената, биржа, бани, театръ, биржевыя конторы, магазины, разныя мастерскія и фабрики (пекарни, цирюльни, суконныя и мыльныя фабрики и т. под.) и пр. Но мы можемъ знакомиться не только съ внѣшнимъ видомъ этихъ зданій, но и съ ихъ внутреннимъ устройствомъ и тѣми предметами, которыми они наполнялись въ древности (наиболѣе цѣнные изъ нихъ находятся въ Неапольскомъ и Помпейскомъ музеяхъ),—хозяйственными принадлежностями, ремесленными орудіями и инструментами, предметами культа и т. под. По отношенію къ культу особый интересъ представляетъ, кромѣ храмовъ и домашнихъ божницъ (*lararium* и *sacellum*), длинный рядъ погребальныхъ монументовъ, идущій за Геркуланскими воротами. Вообще, нигдѣ нельзя найти такъ много и такъ хорошо сохранившихся памятниковъ классической древности, какъ здѣсь, и ничто не можетъ дать столь полного и нагляднаго представленія о многихъ сторонахъ общественной и частной жизни римлянъ въ 1-й вѣкъ имперіи, какъ именно изученіе Помпейскихъ памятниковъ, не смотря на то, что до настоящаго времени разрыто менѣе половины этого города (по исчисленію *Руджіеро*, вся поверхность Помпей равняется 662,000 кв. метровъ, изъ которыхъ раскопано только 264,425 м.).

Съ Помпеями имѣетъ большое сходство и Геркуланъ, который впрочемъ менѣе представляетъ интереса въ

историко-археологическомъ отношеніи, нежели Помпеи, потому что разрыта лишь небольшая часть его, а остальная находится подъ землею и едва ли когда либо можетъ быть разрыта, потому что на слоѣ земли и лавы, покрывающемъ ее, находятся зданія и усадьбы жителей, вновь заселившихъ эту мѣстность. Изъ общественныхъ зданій здѣсь особенный интересъ возбуждаетъ большой театръ, который впрочемъ разрытъ не вполнѣ и весь покрытъ сверху слоємъ земли и лавы, такъ что осмотръ этого зданія возможенъ лишь при свѣтѣ огня. Другія зданія Геркулана не столько представляютъ интереса сами по себѣ, сколько по богатству и разнообразію предметовъ (въ особенности произведеній искусства), которые въ нихъ были открыты и которые теперь находятся большею частію въ Неапольскомъ музеѣ.

При обзорѣ городовъ сѣверной Италіи я съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ *Флоренціи*, представляющей интересъ вслѣдствіе своего богатаго музея (*Galleria degli Uffizi*), который въ особенности важное значеніе имѣетъ для изученія древне—классическаго искусства. Въ немъ между прочимъ хранились всемірно—извѣстныя произведенія скульптуры: Венера медичейская и группа Ніобидъ.

Хотя и многія другія мѣстности Италіи представляютъ интересъ въ историко—археологическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе я, имѣя въ виду кратковременность срока своей заграничной командировки, предпочелъ сосредоточить вниманіе по преимуществу на вышеуказанныхъ мѣстностяхъ, имѣющихъ наиболѣе важное значеніе, и затѣмъ опять отправиться въ Германію, чтобы ознакомиться съ лекціями Лейпцигскихъ профессоровъ по классической филологіи. Особое вниманіе мною было обращено на лекціи профессоровъ: *Г. Карциуса*, *Ляме* и *Риббека*.

Предметомъ лекцій проф. *Карциуса* служили элементы сравнительнаго языковѣдѣнія. Сравнительное языковѣдѣніе можно назвать наукою новою. Хотя стоящіе во главѣ этой

науки столь глубокіе изслѣдователи, какъ *В. Гумбольдтъ*, *Бопъ*, *Поттъ* и др. не только положили твердое основаніе ей, но и пролили свѣтъ на многія темныя явленія въ области отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ; тѣмъ не менѣе еще не вполне установлено мѣсто и значеніе ея въ ряду другихъ филологическихъ наукъ. На это обстоятельство въ особенности обратилъ вниманіе проф. Курціусъ. Онъ признаетъ неполнымъ, одностороннимъ изученіе языка, религіи, частной и общественной жизни какого-либо народа въ отдѣльности, безъ сопоставленія съ соотвѣтствующими явленіями у другихъ сродныхъ народовъ. Вся область жизни каждаго народа находится въ тѣсной связи съ жизнію другихъ сродныхъ народовъ, въ опредѣленномъ взаимоотношеніи,—и это въ особенности выражается въ языкѣ. Что не ясно въ жизни одного народа, то можетъ объясняться аналогическими явленіями въ жизни другихъ сродныхъ народовъ; что не получило полнаго выраженія и развитія или утрачено въ одномъ языкѣ, то восполняется въ другомъ. Поэтому при сравнительномъ изученіи языковъ многое, кажущееся темнымъ, выясняется, многія мнимыя неправильности подводятся подъ общіе законы. Указаніе этой взаимной связи, этихъ общихъ законовъ чрезъ разсмотрѣніе частнаго, но взятаго въ его отношеніи къ общему, составляетъ главную цѣль сравнительнаго языковѣдѣнія. Такимъ образомъ для достиженія этой цѣли по отношенію къ *индогерманскимъ* языкамъ (проф. Курціусъ именно это названіе предпочитаетъ прочимъ для общаго обозначенія языковъ кавказской расы) нѣтъ настоящей нужды въ спеціальномъ изученіи всѣхъ этихъ языковъ, но достаточно основательнаго изученія нѣсколькихъ изъ нихъ, и—главнымъ образомъ,—роднаго и классическихъ языковъ,—въ противномъ случаѣ легко можно прійти,—въ особенности начинающему филологу,—къ бесплодной поверхностности, невозможности привести въ опредѣленную связь громадную массу матеріала. Имѣя въ виду эту практическую цѣль, проф. Курціусъ въ

своихъ лекціяхъ знакомилъ слушателей съ характеромъ индогерманскихъ языковъ вообще и съ главными отличительными особенностями отдѣльныхъ языковъ индогерманской группы въ частности, обращая вниманіе по преимуществу на языки: санскритскій, греческій, латинскій и нѣмецкій. При изложеніи общаго ученія объ элементахъ словъ, — о гласныхъ и согласныхъ звукахъ, корняхъ, основахъ, аффиксахъ (префиксахъ, инфиксахъ, суффиксахъ), о сложении, удвоеніи и измѣненіи словъ и т. под., онъ слѣдовалъ главнымъ образомъ своему сочиненію „Grundzüge der griechischen Etymologie“. При этомъ, такъ же какъ при разсмотрѣніи другихъ филологическихъ вопросовъ, онъ постоянно старался опредѣлять тѣ законы, по которымъ совершается измѣненіе словъ и ихъ элементовъ, и указать тѣ ступени, по которымъ совершалось прогрессивное развитіе языковъ, отмѣчая всѣ важнѣйшія изслѣдованія въ области каждаго разсматриваемаго имъ вопроса и критически опредѣляя ихъ значеніе въ исторіи науки. Лекціи его служили обобщеніемъ спеціальныхъ изслѣдованій въ области сравнительнаго языкознанія и въ критикѣ ихъ.

Проф. *Риббекъ* въ своихъ лекціяхъ по исторіи римской поэзіи имѣлъ въ виду главнымъ образомъ прослѣдить постепенный ходъ развитія римской поэтической литературы отъ первыхъ ея началъ до той высокой ступени, которой она достигла въ вѣкъ Августа, указать условія, при которыхъ совершалось это развитіе, и опредѣлить мѣсто и значеніе каждаго изъ важнѣйшихъ ея представителей. При разсмотрѣніи литературной дѣятельности того или другаго автора въ отдѣльности, онъ дѣлалъ краткій біографическій очеркъ, отмѣчая по преимуществу то, что могло вліять на характеръ и развитіе его литературной дѣятельности, и затѣмъ сосредоточивалъ вниманіе на разборѣ сочиненій, — на ихъ содержаніи, литературной формѣ, стилистическихъ и метрическихъ особенностяхъ, времени происхожденія, если этотъ вопросъ не имѣлъ опредѣленнаго рѣшенія, на источ-

никахъ, которыми пользовался рассматриваемый писатель, на рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и критическихъ изслѣдованіяхъ, коротко, но мѣтко опредѣляя ихъ значеніе, и т. под. Для ознакомленія слушателей съ наиболѣе важными особенностями относительно содержанія или формы рассматриваемыхъ сочиненій онъ читалъ наиболѣе характерныя выдержки изъ нихъ, сопровождалъ ихъ пояснительными замѣчаніями. Особое вниманіе онъ посвятилъ исторіи драмы въ Римѣ. Указавши на первые національныя задатки безыскусственной драмы у римлянъ, онъ съ особою подробностію остановился на художественной драмѣ, постоянно сопоставляя латинскія драматическія произведенія съ греческими, которыя служили образцомъ для римскихъ поэтовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчая также и проявленіе римскаго національнаго элемента, обнаружившагося по преимуществу у Плавта. Впрочемъ лекціи проф. Риббека о главномъ представителѣ римской драмы, Плавтѣ, были сравнительно кратки. Онъ ограничился лишь общою характеристикою литературной дѣятельности этого поэта и краткимъ обзоромъ результатовъ научныхъ новѣйшихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ его произведеніяхъ, рекомендуя своимъ слушателямъ для болѣе обстоятельнаго изученія обратиться по преимуществу къ изслѣдованіямъ своего „гениальнаго, великаго, образцоваго учителя и руководителя—Ричля“. Подобнымъ образомъ поступалъ онъ иногда и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, уже достаточно обработаннымъ въ современной наукѣ, чтобы сосредоточить свое вниманіе на другихъ пунктахъ, менѣе разработанныхъ, или на такихъ, рассмотрѣніе которыхъ было необходимо для пониманія общаго хода развитія поэзіи въ Римѣ. Лекціи проф. Риббека вообще были строко—научны и иногда принимали характеръ даже спеціальныхъ изслѣдованій.

Предметомъ лекцій профес. Ланге служила рѣчь Цицерона *de domo* съ введеніемъ о римскихъ богослужебныхъ древностяхъ (*Sacralalterthümer*). Къ сожалѣнію, я не могъ

слышать первых лекцій проф. Лянге (такъ же, какъ я не засталъ начала лекцій и другихъ профессоровъ, будучи задержанъ путешествіемъ по Италіи), въ которыхъ онъ излагалъ свой взглядъ на эту рѣчь и приводилъ доводы въ пользу подлинности ея. Въ слышанныхъ мною лекціяхъ онъ представилъ краткій, но многосодержательный и глубоко—интересный очеркъ римскихъ религіозныхъ игръ, римскаго календаря, римскихъ общественныхъ и частныхъ богослужебныхъ дѣйствій и т. под. Хотя эти лекціи должны были служить собственно введеніемъ къ чтенію вышеназванной рѣчи Цицерона, однако онѣ обнимали собою почти всю совокупность римскаго религіознаго культа во всѣхъ его важнѣйшихъ проявленіяхъ и составляли какъ бы дополненіе къ его „Римскимъ государственнымъ древностямъ“,—болѣе краткое, но въ сущности сходное по методу изложеніе. Онѣ представляли собою спокойную критическую обработку матеріала, заключающагося въ памятникахъ древней письменности и литературы, на которые онъ постоянно ссылался, обращая вниманіе въ особенности на свидѣтельства Цицерона. При интерпретаціи рѣчи Цицерона *de domo* онъ въ особенности обращалъ вниманіе на выясненіе хода мыслей въ этой рѣчи, на грамматическія и стилистическія особенности, также на современныя Цицерону историческія обстоятельства. Равно и при критикѣ текста проф. Лянге особенно высокое значеніе приписывалъ языку Цицерона, отдавая предпочтеніе тѣмъ разночтеніямъ, аналогіи которыхъ находились въ другихъ мѣстахъ произведеній этого оратора. Впрочемъ, критикуя текстъ, проф. Лянге постоянно обнаруживалъ строгій научный консерватизмъ; критика эта направлялась не къ введенію исправленій, новыхъ чтеній, а къ болѣе твердому обоснованію чтеній, принятыхъ въ лучшихъ рукописяхъ и критическихъ изданіяхъ.

Въ концѣ лѣтняго учебнаго семестра я отправился опять въ Берлинскій Университетъ, желая познакомиться съ лекціями по нѣкоторымъ изъ тѣхъ филологическихъ на-

укъ, которыхъ прежде не слушалъ въ этомъ Университетѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться богатою королевскою библіотекою. Въ Берлинѣ я по преимуществу посѣщалъ лекціи профессоръ *Гюбнера* (исторія римской литературы до смерти Августа и латинская эпиграфика) и *Валена* (произведенія Катулла).

Проф. *Гюбнеръ* въ лекціяхъ по исторіи римской литературы съ точностію слѣдовалъ программѣ, изданной имъ въ 1878 г. подъ заглавіемъ: *Grundriss zu Vorlesungen über die römische Literaturgeschichte*, 4 Aufl. Лекціи его служили развитіемъ пунктовъ, намѣченныхъ въ этой программѣ, и имѣли вообще болѣе общій характеръ, нежели лекціи проф. Риббека. Проф. *Гюбнеръ* обыкновенно излагалъ общій ходъ развитія того или другаго рода римской литературы и, переходя къ разсмотрѣнію литературной дѣятельности отдѣльныхъ авторовъ, опредѣлялъ ихъ значеніе въ исторіи этого развитія и знакомилъ съ ихъ сочиненіями по ихъ содержанію и формѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ лекціи переходили въ болѣе или менѣе обстоятельное изслѣдованіе частныхъ вопросовъ (какъ у проф. Риббека), наприм. вопроса объ авторѣ сочиненія *Rhetorica ad C. Herennium*. Проф. *Гюбнеръ* представилъ рядъ специальныхъ доводовъ, приводящихъ къ заключенію, что авторомъ этого сочиненія былъ по всей вѣроятности Кв. Корнифицій. Но съ особымъ вниманіемъ онъ отнесся къ библіографіи. При разсмотрѣніи произведеній каждаго изъ римскихъ классиковъ онъ указывалъ важнѣйшія рукописи, печатныя критическія и объяснительныя изданія и изслѣдованія о различныхъ сторонахъ разсматриваемыхъ произведеній. Эти указанія сопровождавшіяся большею частію краткою оцѣнкою приводившихся изданій, составляли одну изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ въ лекціяхъ проф. *Гюбнера*.

Лекціи проф. *Гюбнера* о латинской эпиграфикѣ состояли въ изложеніи свѣдѣній объ эпиграфикѣ и ея значеніи вообще, и о каждомъ родѣ эпиграфическихъ памятниковъ

въ частности, также въ чтеніи и объясненіи важнѣйшихъ латинскихъ надписей по слѣдующимъ изданіямъ: *Priscae latinitatis monumenta*, ed. F. *Ritschl*; *Corpus inscriptionum latinarum*; acad. litt. red. Boruss. ed.; *Exempla inscriptionum latinarum*, ed. *Wilmanns*.

Проф. *Валень* при чтеніи *Катулла* слѣдовалъ тому же методу, какого онъ держался въ прошлый зимній семестръ при комментированіи сочиненія Цицерона *de legibus*. Особенности изложенія обусловливались самымъ характеромъ произведеній *Катулла*. Такъ, проф. *Валень* обращалъ особое вниманіе на языкъ *Катулла*, сравнивая разбираемыя мѣста этого поэта съ другими аналогическими выраженіями его же или другихъ поэтовъ, особенно *Проперція*, выяснялъ часто самый ходъ мыслей, иногда довольно темный. дѣлалъ обстоятельныя объясненія нерѣдко изъ греческо-римской мѣологии и т. под.

Изъ посѣщенія лекцій германскихъ профессоровъ—филологовъ, изъ ознакомленія съ современною филологическою обширною научною и учебною литературою въ богатыхъ библіотекахъ Берлина и Лейпцига и отчасти изъ разсмотрѣнія программъ тѣхъ германскихъ университетовъ, которыхъ посѣтить мнѣ не представлялось возможности, я вынесъ убѣжденіе, что крайнее формально-критическое направленіе, во главѣ котораго въ первой половинѣ текущаго столѣтія стоялъ *Готфридъ Германъ*, въ настоящее время уже не находитъ такихъ строгихъ послѣдователей, какъ прежде. Даже ученики *Фр. Ричля*, бывшаго ученикомъ Германа (онъ впрочемъ уклонился отъ нѣкоторыхъ крайностей своего учителя) не ограничиваютъ филологической дѣятельности критико-граматическою стороною, но соединяютъ ее съ реальною. Современный взглядъ на классическую филологію отличается такою широтою и глубиною, какія никогда не обнаруживались съ такою силою. Цѣль, которую теперь она преслѣдуетъ, состоитъ въ основательномъ научномъ изученіи духа древне-классической жизни во

всѣхъ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ чрезъ критическое изслѣдованіе сохранившихся до нашего времени памятниковъ письменности, литературы, искусства и вообще разныхъ вещественныхъ памятниковъ, хотя не имѣющихъ художественнаго значенія, но могущихъ служить свидѣтельствомъ о минувшей духовной жизни грековъ и римлянъ (домашняя утварь, оружіе, предметы украшенія и т. под.), или, по выраженію *Ави. Бѣка*, „познаніе познавшаго“, понимая познаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Но полное осуществленіе этой задачи, конечно, не возможно для силъ отдѣльныхъ лицъ,—она можетъ быть достигаема лишь общою совокупною дѣятельностію многихъ силъ, при „раздѣленіи труда“. Поэтому современная филологическая дѣятельность приняла характеръ специальныхъ изслѣдованій различныхъ частныхъ предметовъ изъ обширной области классической филологіи, хотя всѣ эти specialныя работы направляются къ одной общей цѣли, объединяются въ основной идеѣ филологіи.

Это направленіе филологіи находитъ выраженіе и въ университетскомъ преподаваніи. Главныя усилія нѣмецкихъ филологовъ—профессоровъ направлены, по видимому, къ тому, чтобы практически ознакомить слушателей съ приемами критической разработки разныхъ специальныхъ предметовъ изъ области филологіи, указать способы и дать средства къ самостоятельнымъ критическимъ специальнымъ работамъ. Съ этою цѣлью германскіе профессора занимаются въ аудиторіяхъ большею частію критическимъ изслѣдованіемъ самыхъ источниковъ филологіи,—разборомъ древнихъ надписей, критикою текста классиковъ, палеографическими изысканіями и т. под., не оставляя безъ вниманія впрочемъ и другихъ областей филологіи,—исторіи литературы и языка, науки греческихъ и римскихъ древностей и проч. Съ этого же цѣлью при германскихъ университетахъ устраиваются филологическія семинаріи и филологическія общества, члены которыхъ, состоящіе изъ студентовъ и вольнослушателей

университета, занимаются, подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, по преимуществу критикою текста классиковъ, наиболѣе способствующею къ приобрѣтенію и развитію критическаго такта, необходимаго при самостоятельныхъ спеціальныхъ научныхъ работахъ. Для ориентированія же въ обширной области классической филологіи, для того, чтобы начинающіе филологи при спеціальныхъ изслѣдованіяхъ не уклонялись въ сторону отъ основной идеи филологіи, въ германскихъ университетахъ обыкновенно излагаются курсы энциклопедіи и методологіи филологіи, выясняющіе не только общее понятіе о филологіи, но также мѣсто, значеніе и методы изслѣдованія каждой изъ отдѣльных областей, входящихъ въ ея составъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ прибавить, что слушаніе лекцій по классической филологіи въ германскихъ университетахъ, ознакомленіе съ филологическою литературою въ богатыхъ библіотекахъ Берлина и Лейпцига, и непосредственное изученіе памятниковъ классической древности въ Италіи были въ высшей степени полезны для меня, проливши свѣтъ на многое такое, что прежде казалось мнѣ темнымъ или непонятнымъ“.

Справка. Помощникъ ректора по Церковно-практическому Отдѣленію, разсматривавшій отчетъ доцента г. Дроздова, заявилъ Совѣту Академіи о томъ, что онъ находитъ заграничную командировку его выполненною съ успѣхомъ и признаетъ полезнымъ напечатать этотъ отчетъ, тѣмъ болѣе, что отчетъ г. Дроздова за первое полугодіе 1879/80 учеб. года уже напечатанъ.

Постановлено: Объ исполненіи доцентомъ Ник. Дроздовымъ заграничной командировки, состоявшейся по указу Св. Синода отъ 16 іюля 1879 г. за № 2491 съ Высочайшаго соизволенія, записать въ формулярный списокъ о службѣ его, а представленный отчетъ о семъ напечатать вмѣстѣ съ этимъ протоколомъ Совѣта.

В.П. Представленіе Коммисіи изъ орд. профессоръ Ив. Малышевскаго, Ник. Петрова и секретаря Совѣта Ив. Исаева отъ 17 сентября: „Во исполненіе порученія, даннаго Совѣтомъ Академіи предъ кавикулами въ собраніи 13 іюня, Коммисіею составленъ уставъ для учреждаемаго или, точнѣе сказать, возстановляемаго при Академіи подъ древнимъ именемъ „Богоявленскаго Братства“ для вспомошествованія бѣднымъ студентамъ Академіи. При составленіи его приняты были во вниманіе уставы другихъ подобныхъ братствъ, существующихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и особенно уставъ „Братства Преподобнаго Сергія при Московской Академіи“, какъ такой, который утвержденъ позднѣе другихъ и въ установленномъ новомъ порядкѣ. Проектъ устава Богоявленскаго Братства при семъ прилагается“.

При сужденіи о семъ проектѣ устава ректоръ Академіи обратилъ вниманіе Совѣта на пользу внесенія въ оный такого положенія, чтобы денежныя пособія Братства студентамъ не считались безвозвратными, но чтобы таковыя вносились ими по частямъ или единовременно послѣ вступленія ихъ на службу при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это обязательство съ одной стороны будетъ предостерегать студентовъ отъ излишняго забора денегъ у Братства безъ крайней нужды, а съ другой стороны дастъ Братству немаловажный ресурсъ при тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, какія могутъ быть у него изъ членскихъ взносовъ и изъ пожертвованій членовъ и стороннихъ лицъ. Общее собраніе Совѣта Академіи нашло цѣлесообразнымъ и полезнымъ внести въ уставъ Братства предложенное положеніе и предположило выразить его такъ: § 3. „Всѣ денежныя выдачи Братства студентамъ считаются заимообразными, подлежащими возврату отъ нихъ по частямъ или единовременно послѣ вступленія ихъ на службу, если не будутъ они находиться въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ въ слѣдствіе болѣзни или по другимъ причинамъ“.

Постановлено: Проектированный уставъ Богоявленскаго

Братства при Академіи одобрить, съ добавленіемъ вышеизложеннаго положенія и установленнымъ порядкомъ представить на утвержденіе высшаго начальства.

VIII. Ректора Академіи Епископа Михаила предложеніе отъ 24 октября: „Въ концѣ минувшаго сентября исполнилось 35-лѣтіе профессорской при Академіи службы заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ философіи Д. В. Поспѣхова,—срокъ, далѣе котораго, по нынѣ дѣйствующему академическому уставу (§ 59), профессорская служба при Академіи не можетъ продолжаться.

Но принимая во вниманіе:

1) крѣпость и бодрость духовныхъ силъ профессора Поспѣхова, по которымъ онъ вполне можетъ и способенъ продолжать профессорскую службу при Академіи съ тою же энергіею и пользою, съ какими онъ проходилъ оную доселѣ,

2) дознанную его опытность и искусство въ веденіи имъ своего дѣла, по которымъ оставленіе имъ службы при Академіи было бы лишеніемъ для Академіи незамѣнимымъ въ настоящее время, такъ какъ одинъ изъ двухъ остальныхъ преподавателей философіи въ Академіи еще съ весьма недавняго времени состоитъ въ этой должности,

3) доброе и сильное вліяніе его на философское образованіе учащагося въ Академіи юношества, каковое вліяніе не можетъ быть восполнено въ настоящее время ничѣмъ по указанной сейчасъ причинѣ,

4) ученые труды его, доселѣ имъ не ослабно продолжаемые и свидѣтельствующіе о свѣжести и энергіи его духовныхъ силъ и о неослабѣвающемъ трудолюбіи,

5) примѣрную исправность и тщательность его въ исполненіи обязанностей какъ по должности профессора и помощника ректора, такъ и возлагаемыхъ на него особенными порученіями Академическаго Совѣта,

предлагаю Совѣту Академіи ходатайствовать предъ высшимъ Начальствомъ объ оставленіи профессора Поспѣ-

хова на службѣ при Академіи въ должности профессора по преподаваемому имъ предмету, въ видѣ исключенія, еще на новое пятилѣтіе.

При семъ не могу не выразить предъ Совѣтомъ желанія, чтобы постановленіе академическаго устава (§ 59) объ увольненіи отъ службы при Академіи профессоровъ, прослужившихъ 35 лѣтъ, какъ мѣра примѣненная и примѣняемая единственно только къ духовнымъ Академіямъ и нигдѣ еще въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не практикуемая, какъ мѣра, лишившая уже наши Академіи немало крѣпкихъ силъ, ко вреду науки и преподаванія, и грозящая и впредь такими же лишеніями, какъ мѣра, не совмѣстимая съ правильно понимаемымъ прогрессивнымъ движеніемъ науки и преподаванія въ Академіи, было совсѣмъ изъято изъ академическаго устава, и чтобы Совѣтъ Академіи принялъ на себя починъ въ ходатайствѣ объ отмѣненіи сего постановленія, равно какъ и постановленія о баллотированіи на 5-лѣтія послѣ 25—лѣтія профессорской службы при Академіи“.

По выслушаніи сего предложенія, профессоръ Терновскій просилъ у председателя Совѣта позволенія прочитать свое заявленіе въ дополненіе къ предложенію его. Въ запискѣ Терновскаго, прочитанной имъ, изложено:

„Въ числѣ предметовъ, подлежащихъ обсужденію Совѣта Академіи въ настоящемъ засѣданіи 24 октября, значится предложеніе Ректора Академіи по поводу истеченія 35-лѣтія службы проф. Д. В. Пospѣхова. Если не ошибаюсь, предложеніе Его Преосвященства имѣетъ цѣлю возбужденіе ходатайства Совѣта Академіи предъ высшимъ Начальствомъ объ отмѣнѣ обязательнаго 35-лѣтняго срока, которымъ по существующему постановленію заканчивается служебная дѣятельность профессоровъ Академіи. Въ такомъ случаѣ, выражая полное сочувствіе сущности означеннаго предложенія, осмѣливаюсь съ своей стороны предложить, не найдетъ-ли возможнымъ Совѣтъ Академіи ходатайство-

вать вмѣстѣ съ тѣмъ объ увеличеніи числа ординатуръ, примѣрно до 14.

Основанія въ пользу такого ходатайства могутъ быть представлены слѣдующія:

1. По университетскому уставу (1863 г.), которымъ не опредѣляется конечный срокъ профессорской службы,—полагается 39 ординатуръ, 18 экстраординатуръ и 31 доцента. Такимъ образомъ количество ординатуръ составляетъ болѣе $\frac{2}{3}$ общаго числа профессоровъ и $\frac{4}{5}$ общаго числа штатныхъ преподавательскихъ мѣстъ. Дальнѣйшія соображенія покажутъ, почему университетская пропорція штатныхъ преподавательскихъ должностей была бы желательна и для Академіи.

2. Съ отмѣною окончательнаго 35-лѣтняго срока профессорской службы весьма естественно ожидать, что профессора Академіи будутъ оканчивать свою службу только съ жизнію. Ограниченность пенсіи будетъ побуждать заслуженнаго профессора продолжать службу до послѣднихъ силъ, а его заслуги и авторитетъ обезпечать ему избраніе со стороны академическаго Совѣта. При такомъ порядкѣ вещей, на основаніи данныхъ опыта, ¹⁾ естественно ожидать, что ординатура будетъ дѣлаться вакантною одинъ разъ въ теченіи десяти лѣтъ. Слѣдовательно младшій экстраординарный профессоръ можетъ ожидать себѣ ординатуры чрезъ 90 лѣтъ, а младшій доцентъ чрезъ 170 лѣтъ. Говоря иначе,—промоція по академической службѣ будетъ поставлена въ зависимость отъ крайне—рѣдкихъ, исключительныхъ обстоятельствъ, не подлежащихъ расчетамъ человѣческимъ, и каждый долженъ будетъ считать для себя окончательнымъ то званіе, какое занимаетъ въ данное время. Когда такое положеніе дѣлъ выяснится, то въ рядахъ млад-

¹⁾ Съ 1863 года въ Киевской Академіи въ теченіи 18 лѣтъ скончались два ординарныхъ профессора: М. С. Гуляевъ и К. И. Севорцовъ. Смерть обоихъ можетъ быть названа преждевременною.

шей академической братіи произойдутъ частыя перемѣны и образуется замѣтная пустота, такъ какъ положеніе вѣчнаго доцента не можетъ быть привлекательнымъ для чловека трудолюбиваго и талантливаго. Что же касается до преподавателей, проводившихъ свои лучшіе годы на академической службѣ и приближающихся къ сроку выслуги пенсіи,—то они вѣроятно никуда не уйдутъ, по крайней мѣрѣ до выслуги пенсіи; но и со стороны такихъ лицъ нельзя считать несправедливымъ и чрезмѣрнымъ желаніе хотя къ концу четверть—вѣковой службы получить чрезъ ординатуру право на высшую пенсію.

3. Неудобства вышеизложеннаго положенія дѣлать могутъ быть отклонены умноженіемъ числа ординатуръ сообразно университетской пропорціи,—съ 9 до 14, для чего потребуется увеличеніе академическаго бюджета отъ 5000 до 9000 р. с. въ годъ. Ходатайство о подобномъ увеличеніи бюджета не будетъ представляться чрезмѣрно смѣлымъ, если будутъ приняты во вниманіе слѣдующія обстоятельства:

а) до послѣдняго времени суммы, ассигнованныя на содержаніе ординарныхъ профессоровъ въ академіяхъ, оставались не вполне израсходованными, такъ что общая сумма сбереженій по этой статьѣ въ теченіи 10 лѣтъ дѣйствія новаго академическаго устава простирается далеко за сто тысячъ. Такимъ образомъ правительство, умножая число ординатуръ будетъ на первый разъ расходовать старыя по этой статьѣ сбереженія.

б) Дѣло возможное, что и вновь учрежденныя ординатуры не всѣ скоро будутъ заняты, такъ какъ доступъ къ ординатурѣ соединенъ съ безтруднымъ приобрѣтеніемъ степени доктора.

в) Наконецъ, при умноженіи числа студентовъ съ 120 до 180, средній расходъ на образованіе каждаго студента, даже при увеличеніи академическаго бюджета на 9000 р. с., окажется ниже прежняго. До послѣдняго времени на образованіе каждаго студента расходовалось въ годъ (58.400:

120) 486 р. 66 к., въ настоящее время съ увеличеніемъ числа студентовъ даже при увеличеніи бюджета средняя стоимость образованія каждаго студента не будетъ превышать (67.400: 180) 374 р. 45 к.

Представляя Совѣту Академіи настоящее мнѣніе, покорнѣйше прошу подвергнуть оное разсмотрѣнію“.

По прочтеніи сего заявленія, предсѣдатель собранія Совѣта обратилъ вниманіе на то, что въ данномъ случаѣ подлежатъ обсужденію два вопроса: а) объ оставленіи профессора Поспѣхова на занимаемой имъ каедрѣ, въ видѣ исключенія, на новое пятилѣтіе, и б) объ изытіи изъ академическаго устава постановленія (59 §) касательно увольненія отъ службы при Академіи профессоровъ, прослужившихъ 35 лѣтъ, и относительно баллотированія на 5-лѣтія послѣ 25 лѣтъ профессорской службы при Академіи, и что заявленіе проф. Терновскаго относится ко второму изъ сихъ вопросовъ.

По первому вопросу, послѣ частныхъ сужденій, отобранны были голсса и предложеніе Ректора Академіи принято всѣмъ собраніемъ, кромѣ одного члена.

Постановлено: Установленнымъ порядкомъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ оставленіи заслуженнаго ординарнаго профессора Д. Поспѣхова въ занимаемой имъ при Академіи должности на новое пятилѣтіе, въ видѣ исключенія, по вниманію къ достоинствамъ и заслугамъ его, указаннымъ въ предложеніи Ректора Академіи.

IX. Отношеніе Совѣта С. Петербургскаго Университета отъ 17 октября 1880 г. за № 1100: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 9 день мая сего года, Всемилоствѣйше соизволилъ на предоставленіе Совѣту С. Петербургскаго Университета составить въ память бывшаго профессора здѣшняго Университета Измаила Ивановича Срезневскаго фондъ,

изъ процентовъ котораго могла бы быть учреждена премія его имени за лучшія сочиненія по Славянской филологіи, и для осуществленія сего предположенія 1) открыть подписку при С. Петербургскомъ Университетѣ, 2) обратиться къ содѣйствію другихъ учреждений и ученыхъ обществъ и 3) подписку эту прекратить 1 января 1883 года,—но безъ разрѣшенія общей по имперіи подписки и публикаціи въ газетахъ. Совѣтъ Университета имѣетъ честь сообщить о вышеизложенномъ Совѣту Кіевской дух. Академіи, съ покорнѣйшею просьбою предложить т.г. профессорамъ и преподавателямъ духов. Академіи, не пожелать ли кто изъ нихъ участвовать въ составленіи капитала на учрежденіе преміи въ память заслуженнаго профессора Срезневскаго и о послѣдующемъ почтить увѣдомленіемъ“.

Справка. Изъ Ив. Срезневскій избранъ былъ въ почетные члены Кіевской дух. Академіи съ 1 октября 1869 года.

Постановлено: Всѣхъ преподавателей Академіи привести въ извѣстность объ изложенномъ въ отношеніи Совѣта С. Петербургскаго Университета и о послѣдующемъ увѣдомить его.

1880 года 24 октября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, присутствовали инспекторъ, два помощника ректора и пять членовъ Совѣта; не присутствовали по болѣзни помощникъ ректора по богословскому отдѣленію Д. Поспѣховъ и членъ Совѣта отъ церковно-историческаго отдѣленія профессоръ протоіерей А. Воскресенскій.

Слушали: I. Объявленное въ 42 № „Церковнаго Вѣстника“ за 1880 годъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ

13/28 сентября сего года за № 1923: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. Синодальнаго Оберъ-прокурора, отъ 30 іюля сего года за № 7161, съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, по поводу обложенія оцѣночнымъ въ пользу города сборомъ квартиръ должностныхъ лицъ въ зданіяхъ духовно-учебныхъ заведеній. И по справкѣ приказали: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ городскія управы обложили сборами въ пользу городовъ квартиры въ казенныхъ зданіяхъ, занимаемыя должностными лицами разныхъ духовно-учебныхъ заведеній. Правленія сихъ заведеній просятъ о разъясненіи: слѣдуетъ ли платить эти налоги. Сверхъ сего въ одной изъ губерній квартиры должностныхъ лицъ въ зданіяхъ семинаріи и училища привлечены губернскою земскою управою къ земскому налогу. На основаніи Высочайше утвержденныхъ 14 мая 1867 г. и 30 мая 1869 года уставовъ духовныхъ семинарій, училищъ и академій (§§ 186, 127 и 176), зданія этихъ учебныхъ заведеній свободны отъ денежнаго въ пользу города сбора, за исключеніемъ тѣхъ изъ сихъ зданій, которыя приносятъ доходъ посредствомъ отдачи ихъ въ наемъ; равнымъ образомъ, на основаніи 4 п. 129 ст. Высочайше утвержденного 16—28 іюня 1870 г. городского положенія (Свод. зак. Т. II. ч. 1, кн. IV, разд. 11, ст. 2076, изд. 1876 г.), недвижимыя имущества, принадлежащія духовнымъ вѣдомствамъ (какъ христіанскихъ, такъ и нехристіанскихъ исповѣданій), не приносящія дохода, не подлежатъ оцѣночному сбору, не исключая изъ него и тѣхъ частей этихъ имуществъ (зданій), которыя заняты квартирами должностныхъ лицъ, такъ какъ, по примѣчанію къ приведенной 129 ст. (2076), квартиры должностныхъ лицъ подлежатъ оцѣночному сбору въ зданіяхъ, принадлежащихъ казнѣ и означеннымъ въ пунктѣ 3 сей статьи заведеніямъ, обществамъ и установленіямъ; но этотъ пунктъ до духовнаго вѣдомства не относится, ибо объ имуществахъ этого вѣдомства

сказано въ пунктѣ 4-мъ. По сему и принимая во вниманіе, что зданія духовно-учебныхъ заведеній принадлежатъ духовному вѣдомству и что квартиры въ сихъ зданіяхъ, отводимыя нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ, на основаніи вышеприведенныхъ уставовъ и штатовъ духовно-учебныхъ заведеній, не приносятъ духовному вѣдомству никакого дохода, Святѣйшій Синодъ находитъ, что, на основаніи прямого и буквального смысла изложенныхъ узаконеній, квартиры должностныхъ лицъ въ зданіяхъ духовно-учебныхъ заведеній не подлежатъ одѣлочному въ пользу города сбору. Но министръ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по сему предмету, отозвался въ томъ смыслѣ, чтобы сами учрежденія, до которыхъ относятся требованія налоговъ, приносили жалобы на то въ установленномъ порядкѣ; равнымъ образомъ и правительствующій Сенатъ въ заключеніи, утвержденномъ Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 17 января 1878 г., по дѣлу о сложеніи наложеннаго Вологодскою городскою управою на квартиры должностныхъ лицъ въ зданіяхъ мѣстной семинаріи сбора въ пользу города, не призналъ за собою права входить въ разсмотрѣніе существа сего дѣла, за несоблюденіемъ установленнаго порядка для обжалованія требованій городской управы. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго при Синодѣ Управленія, признаетъ нужнымъ объявить чрезъ напечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ для руководства, чтобы правленія духовно-учебныхъ заведеній, въ случаѣ требованія городскими управами въ пользу городскихъ кассъ налоговъ съ частей зданій сихъ учебныхъ заведеній, занимаемыхъ, на основаніи уставовъ и штатовъ, квартирами должностныхъ лицъ, протестовали противъ такихъ требованій установленнымъ въ ст. 151 и 153 (2095 и 2097) городского положенія порядкомъ съ изложеніемъ въ такихъ протестахъ вышеизложенныхъ соображеній. Равнымъ образомъ предоставить начальствамъ духовно учебныхъ заведеній, въ случаяхъ предъ-

явленій со стороны земскихъ управъ требованія налоговъ въ пользу земствъ съ помѣщеній, занимаемыхъ въ семинарскихъ зданіяхъ квартирами должностныхъ лицъ, протестовать установленнымъ въ положеніи о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ порядкомъ (Свод. зак. Т. 11, ч. 1, кн. IV, разд. 1, ст. 1930 и 1935, изд. 1876 г.) противъ требованій земскихъ управъ налоговъ въ пользу земствъ съ помѣщеній, занимаемыхъ въ семинарскихъ зданіяхъ квартирами должностныхъ лицъ, такъ какъ въ означенномъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ не содержится опредѣлительныхъ правилъ о привлеченіи къ земскому обложенію зданій духовно-учебныхъ заведеній. Для исполненія сего сообщить въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ выписку изъ настоящаго опредѣленія“.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

II. Сданный Высокопреосвященнѣйшимъ Филооеемъ Митрополитомъ Киевскимъ 29 сентября 1880 года для надлежащаго распоряженія указъ Св. Синода отъ 22 сентября сего года за № 7: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета объ отмѣнѣ циркулярнаго распоряженія Св. Синода отъ 27 августа 1875 года за № 37 касательно особыхъ отмѣтокъ въ выдаваемыхъ воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній увольнительныхъ свидѣтельствъ—въ видахъ огражденія начальныхъ училищъ отъ неблагонадежныхъ преподавателей. Приказали: имѣя въ виду, что распоряженіе Святѣйшаго Синода отъ 27 августа 1875 года за № 37, объ особыхъ отмѣткахъ въ свидѣтельствахъ увольняемыхъ изъ духовныхъ академій, семинарій и училищъ, до окончанія курса, воспитанниковъ относительно ихъ благонадежности къ прохожденію учительской должности, состоялось съ цѣлію согласованія мѣропріятій духовнаго вѣдомства съ принятыми тогда по вѣдомству Министерства На-

роднаго Просвѣщенія и распространенными на высшія и среднія учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ правилами для огражденія начальныхъ училищъ отъ неблагонадежныхъ преподавателей; что нынѣ требованіе относительно отмѣтокъ въ свидѣтельствахъ отмѣнено по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія и замѣнено въ ономъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 18 января текущаго года положенія Комитета Министровъ, другимъ распоряженіемъ, которое въ его примѣненіи будетъ распространяться и на воспитанниковъ духовно—учебныхъ заведеній, поступающихъ на учительскія должности въ начальныхъ народныхъ училищахъ, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: циркулярное распоряженіе Святѣйшаго Синода, отъ 27 августа 1875 г. за № 37, о вышеупомянутыхъ особыхъ отмѣткахъ въ выдаваемыхъ воспитанникамъ духовно—учебныхъ заведеній свидѣтельствахъ, считать отмѣненнымъ; о чемъ, для объявленія Совѣтамъ духовныхъ академій и Правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, дать знать, по принадлежности, епархіальнымъ Преосвященнымъ особыми печатными указами“.

Справка. Указомъ Св. Синода отъ 27 августа 1875 года за № 37 было предписано Совѣтамъ дух. академій и Правленіямъ дух. семинарій и училищъ, чтобы при выдачѣ свидѣтельствъ воспитанникамъ уволеннымъ по чему—либо до окончанія курса, если они признаютъ такихъ воспитанниковъ благонадежными къ исполненію учительскихъ обязанностей, дѣлали о семъ, сверхъ другихъ установленныхъ отмѣтокъ, и особыя отмѣтки на ихъ свидѣтельствахъ въ слѣдующемъ видѣ: „къ удостоенію учительскаго званія препятствія не встрѣчается“; въ противномъ же случаѣ выдавали бы документы безъ всякихъ въ этомъ отношеніи отмѣтокъ.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію объявленную въ настоящемъ указѣ Св. Синода отмѣну указа отъ 27 августа 1875 г. за № 37.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ 13 октября 1880 года для распоряженія указъ Св Синода отъ 6 октября сего года за № 3640: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали полученный 10 іюня сего года рапортъ начальника Пекинской духовной Миссіи архимандрита Флавіана о томъ, что, съ увольненіемъ отъ службы по Миссіи священника Рахинскаго, всѣ три должности членовъ Пекинской духовной Миссіи останутся вакантными и что въ настоящее время настоятъ неотложная надобность въ назначеніи хотя одного члена Миссіи; въ противномъ случаѣ, встрѣтится крайнее затрудненіе въ исполненіи миссіонерскихъ обязанностей. Приказали: По разсмотрѣніи сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить Вашему Преосвященству объявить въ подвѣдомыхъ Вашему Преосвященству духовной Академіи и епархіи о томъ, не пожелаетъ ли кто изъ оканчивающихъ академическій курсъ и другихъ лицъ съ высшимъ образованіемъ принять монашество и занять вакантныя должности членовъ въ Пекинской духовной Миссіи нашей съ содержаніемъ по 1,300 рублей въ годъ. О чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Справка. Въ Совѣтъ Кіев. дух. Академіи поступило предложеніе Высокопреосвященнѣйшаго Исидора Митрополита С. Петербургскаго и Новгородскаго отъ 12 сентября 1880 г. съ порученіемъ объявить окончившимъ курсъ въ академіи воспитанникамъ, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ поступить въ Пекинъ въ число членовъ тамошней Русской православной Миссіи. Въ исполненіе сего Ректоромъ Кіевской духовной Академіи отъ 23 того же сентября за № 675 донесено Его Высокопреосвященству, что изъ 25 кандидатовъ, окончившихъ въ семъ году курсъ въ Кіевской дух. Академіи, 23 центральнымъ Управленіемъ духовно—учебнаго вѣдомства уже назначены на службу въ этомъ вѣдомствѣ, а остальные 2 не имѣютъ желанія поступить въ число членовъ Русской православной Миссіи въ Пекинъ.

Постановлено: За неимѣніемъ въ Киевской дух. Академіи лицъ, желающихъ занять вакантныя должности членовъ Пекинской дух. Миссіи, передать копію съ сего указа Св. Синода въ Киевскую дух. Консисторію и въ Редакцію „Кіев. Епарх. Вѣдомостей“ для напечатанія во всеобщее свѣдѣніе по Киевской епархіи.

IV. Сданныя Его Высокопреосвященствомъ отношенія Г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода:

а) отъ 11 сентября 1880 года за № 4298: „Высочайшимъ указомъ, даннымъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ въ 20-й день іюня сего года, Всемилостивѣйше пожалованы орденомъ Св. Станислава слѣдующія лица вѣдомства Православнаго Исповѣданія: доцентъ Киевской духовной Академіи, магистръ богословія, Николай Дроздовъ, помощникъ инспектора Киевской духовной семинаріи, студентъ семинаріи, Гавріиль Ильяшевичъ и учитель Кіево—Подольскаго духовнаго училища, Коллежскій Секретарь, Константинъ Троцкій, съ которыхъ за орденскіе знаки причитается по 15 рублей“.

в) отъ 15 сентября за № 4680: „Высочайшимъ указомъ, даннымъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ въ 20 день іюня сего года Всемилостивѣйше пожалованы орденомъ Св. Анны слѣдующія лица вѣдомства Православнаго Исповѣданія: экстраординарные профессора Киевской духов. Академіи докторъ богословія Іоакимъ Олесницкій, магистры богословія Алексѣй Розовъ, Иванъ Корольковъ, и Θεодоръ Смирновъ, учителя Киевской духовной семинаріи: магистръ богословія Павелъ Розановъ и кандидатъ богословія Павелъ Забѣлинъ, которые должны внести за орденскіе знаки по 20 рублей“.

Справка. Профессорамъ Ак. Олесницкому, Розову, Смирнову, Королькову и доценту Дроздову орденскіе знаки съ грамотами переданы непосредственно подъ расписку ихъ, а другимъ поименованнымъ лицамъ высланы оныя чрезъ Правленіе Киевской духовной Академіи и Кіево—Подольскаго

дух. училища. Деньги за ордены взысканы и отосланы въ Капитулъ Орденовъ. Какъ о полученіи орденскихъ знаковъ и выдачѣ ихъ по принадлежности, такъ и о взысканіи слѣдующихъ по закону денегъ съ пожалованныхъ лицъ и объ отсылкѣ ихъ въ Капитулъ Орденовъ, отъ имени Его Высокопреосвященства отправлено увѣдомленіе Г. Товарищу Оберъ-Прокурора Св. Синода сего 24 октября за № 751.

Постановлено: О Всемилостивѣйшемъ пожалованіи орденъ пяти преподавателямъ Академіи записать въ послужные списки ихъ, а самыя отношенія Г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода пріобщить къ дѣлу о наградахъ, за сдѣланнымъ по нимъ распоряженіемъ.

V. Сданное Его Высокопреосвященствомъ 15 октября 1880 года отношеніе Г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 9 того же октября за № 4944: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Думы знака отличія безпорочной службы, Всемилостивѣйше соизвоилъ пожаловать, въ 22 день августа сего года, знакъ отличія XL Библіотекарю Киевской духовной Академіи, Коллежскому Совѣтнику Константину Думитрашкову за безпорочную выслугу въ класныхъ чинахъ, по 28-е апрѣля 1880 года, 40 л., 7 м.. 1 дня. Препровождая сей знакъ съ грамотою за № 5, покорнѣйше прошу о полученіи ихъ увѣдомить.“

Справка. Знакъ отличія съ грамотою переданъ библіотекарю К. Думитрашкову подъ расписку 17 октября, а увѣдомленіе о полученіи его Г. Товарищу Оберъ-прокурора Св. Синода отъ имени Его Высокопреосвященства отправлено 24 октября за № 752.

Постановлено: О Всемилостивѣйшемъ пожалованіи г. Думитрашкову знака отличія за XL лѣтъ безпорочной службы записать въ формулярный списокъ о службѣ его, а отношеніе Г. Товарища Оберъ-Прокурора пріобщить къ дѣлу.

VI. Отношеніе Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ отъ 13 октября 1880 г. за № 405: „По встрѣтившейся на-

добности Учебный Комитетъ имѣть честь покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской духовной Академіи сообщить Комитету свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія въ настоящее время окончившаго въ 1879 г. курсъ наукъ въ означенной Академіи кандидата Николая Ломаури, а также увѣдомить о томъ, можетъ ли Ломаури, по состоянію своего здоровья въ настоящее время, быть назначеннымъ на службу по духовно—учебному вѣдомству“.

Справка. Н. Ломаури, по окончаніи курса Академіи, просилъ не назначать его на службу въ теченіи года по случаю разстроеннаго здоровья его, о чемъ Совѣтомъ Академіи сообщено было Учебному Комитету; и за тѣмъ отправился онъ на родину свою въ губ. г. Тифлисъ, гдѣ и проживаетъ до настоящаго времени.

Постановлено: Увѣдомить Учебный Комитетъ о мѣстѣ нахожденія Н. Ломаури, а по вопросу о возможности для него въ настоящее время поступить на службу отнестись въ правленіе Тифлисской дух. Семинаріи.

VII. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода:

а) отъ 31 августа за № 4036: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 18 минувшаго Августа, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, окончившіе въ семь году курсъ въ Кіевской духовной Академіи кандидаты назначены на службу въ духовныя училища: помощниками смотрителей: Андрей Стерновъ въ Богуславское и Петръ Вельминъ въ Кіево-Софійское, и учителями: Даніилъ Понятовскій въ Слуцкое, Петръ Фиделинъ въ Каменецкое и Василій Тимоѣевъ въ Бахмутское, по русскому языку съ церковно-славянскимъ, Александръ Орловъ въ Пинское, Ивавъ Макаровичъ въ Кіево-Софійское и Теофанъ Ковальницкій въ Усть-Медвѣдицкое по греческому языку; Димитрій Горлицынъ въ Кіево-Подольское, Иванъ Григоровичъ въ Кіево-Софійское, Михаилъ Богоявленскій въ Шаргородское (съ 1 сентября), священникъ Николай Кирилловъ въ Екатеринодарское и Александръ Розовъ въ Черкасское по латинскому языку. Канцелярія Оберъ-Прокурора Свя-

тѣйшаго Синода имѣеть честь увѣдомить о семъ Совѣтъ Киевской духовной Академіи для зависящихъ, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженій, присовокупляя, что 1) объ ассигнованіи слѣдующихъ поименованнымъ кандидатамъ, по положенію, денегъ сообщено вмѣстѣ съ симъ Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ и 2) не получившіе за симъ назначенія кандидаты тойже Академіи: Петръ Бѣляевъ, Павелъ Стратилатовъ, Василиій Нарбековъ и Николай Оаворовъ имѣются въ виду для замѣщенія могущихъ открыться въ теченіи года вакансій учителей въ семинаріяхъ, а также вакансій смотрителей и ихъ помощниковъ въ духовныхъ училищахъ; до того времени Совѣтъ Академіи имѣеть обратить не получившихъ нынѣ назначенія казенно-коштныхъ воспитанниковъ въ епархіи по мѣсту ихъ родо-происхожденія, съ выдачею для проѣзда надлежащихъ билетовъ и прогонныхъ денегъ, и сообщить въ тоже время епархіальнымъ Преосвященнымъ для должнаго со стороны послѣднихъ, относительно таковыхъ воспитанниковъ, распоряженія, согласно существующимъ правиламъ“.

б) отъ 12 сентября за № 4308: „По утвержденнымъ Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 18 и 27 минувшаго августа, докладамъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидаты Киевской духовной Академіи Николай Оаворовъ, Петръ Бѣляевъ и Михаилъ Илуридзе опредѣлены на службу въ духовныя училища: первый смотрителемъ въ Уманское, второй помощникомъ смотрителя въ Слуцкое и послѣдній учителемъ по ариметикѣ и географіи въ Екатеринодарское. Канцелярія Оберъ-Прокурора имѣеть честь увѣдомить о семъ Академическій Совѣтъ, присовокупляя, что объ ассигнованіи слѣдующихъ поименованнымъ кандидатамъ, по положенію, денегъ сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ“.

Справка. О состоявшемся назначеніи поименованныхъ кандидатовъ на службу, по оставленнымъ ими адресамъ въ Канцеляріи Академіи, дано было имъ знать особыми по-

вѣстками немедленно по полученіи вышеприведенныхъ отношеній.

Постановлено: Отношенія Канцеляріи Оберъ Прокурора Св. Синода, за сдѣланнымъ по нимъ распоряженіемъ, приобщить къ дѣлу объ опредѣленіи воспитанниковъ Академіи на службу.

VIII. Сообщенныя Правленіемъ Киевской духовной Академіи, на основаніи 109 § уст. дух. акад., вѣдомости о наличныхъ суммахъ Академіи за истекшіе мѣсяцы августъ и сентябрь 1880 г.

а) По вѣдомости за августъ значится:	наличными деньгами.		билетами кре- дитныхъ учреж- деній.		и то го.	
	рубли	коп.	рубли	коп.	рубли	коп.
Къ 1-му августа остава- лось	42.216	34	191.291	—	233.507	34
Въ теченіи августа по- ступило на приходъ	10.372	9	—	—	10.372	9
И то го . .	52.588	43	191.291	—	243.879	43
Въ теченіи августа из- расходовано.	7.165	8 ¹ / ₄	—	—	7.165	8 ¹ / ₄
Къ 1 сентября 1880 года остается	43.423	34 ³ / ₄	191.291	—	236.714	34 ³ / ₄
б) По вѣдомости за сентябрь значится:						
Къ 1-му сентября оста- валось.	43.423	34 ³ / ₄	191.291	—	236.714	34 ³ / ₄
Въ теченіи сентября по- ступило на приходъ.	5.571	8	—	—	5.751	8
И то го . .	51.174	42 ³ / ₄	191.291	—	242.465	42 ³ / ₄
Въ теченіи сентября из- расходовано.	18.941	41 ¹ / ₄	—	—	18.941	41 ¹ / ₄
Къ 1-му октября 1880 года остается	32.233	1 ¹ / ₂	191.291	—	223.524	1 ¹ / ₂

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ вѣдомость о лекціяхъ, опущенныхъ г.г. преподавателями въ сентябрь сего 1880 года. По сей вѣдомости значится, что опущены лекціи по болѣзни:

1) по еврейскому языку профессоромъ Ак. Олесницкимъ 1 лекція (3 ч.),

2) по психологіи профессоромъ Д. Поспѣховымъ 1 лекція (13),

3) по латинскому языку привать-доцентомъ І. Лисичинымъ 2 лекціи (20 ч.),

4) по нѣмецкому языку лекторомъ В. Ределинымъ 2 лекціи (29 ч.),

5) по англійскому языку лекторомъ А. Михайловскимъ 1 лекція (19 ч.),

6) по новой общей церковной исторіи профессоромъ, А. Вороновымъ 6 лекцій (22, 24, 27 и 29 ч.ч.),

7) по древней гражданской исторіи доцентомъ Н. Тумасовымъ 1 лекція (25 ч.) и

8) по священному писанію ветх. завѣта Преосвященнымъ Михаиломъ 1 лекція (25 ч.).

Постановлено: Записать въ протоколъ настоящаго засѣданія для напечатанія въ академическомъ журналѣ и внесенія въ годовой отчетъ по силѣ X пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

X. Донесеніе инспектора Академіи отъ 3-го октября: „Долгъ имѣю донести Совѣту Академіи, что въ теченіи второй половины августа и всего сентября студенты вели себя вообще хорошо и исправно. Къ сему честь имѣю присовокупить, что изъ отпуска на прошедшіе каникулы всѣ студенты въ Академію явились, исключая только Маргаритова Николая, Балковского Ананія, Смирнова Даниіла, Клитина Николая и Доброловскаго Константина, которые выслали

медицинскія свидѣтельства о ихъ болѣзни, каковыя при семъ представляются*.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

ХІ. Представленія Отдѣленій Академіи: а) Церковно-практическаго отъ 23 октября о выпискѣ для академической библіотеки 32 сочиненій, необходимыхъ для разныхъ каѳедръ сего отдѣленія на сумму 120 рублей приблизительно, и б) Церковно-историческаго Отдѣленія отъ 24 октября о приобрѣтеніи 5 изданій русскихъ, необходимыхъ для каѳедръ сего отдѣленія приблизительно на 50 рублей.

Постановлено: Приобрѣтеніе поименованныхъ въ представленіяхъ Отдѣленій книгъ разрѣшить.

ХІІ. Помощника ректора по богословскому отдѣленію предложеніе Совѣту Академіи баллотировать приватъ-доцента, магистра богословія, К. Попова въ званіе штатнаго доцента по занимаемой имъ каѳедрѣ патристики.

Справка. 1) К. Поповъ состоитъ на духовно-учебной службѣ съ 17 іюля 1875 года, а при Киевской дух. Академіи въ званіи приватъ-доцента съ 1-го марта 1878 года. Степени магистра богословія онъ удостоенъ Совѣтомъ Академіи 11 минувшаго сентября и утвержденъ въ ней Высокопреосвященнѣйшимъ Филофеемъ митрополитомъ Киевскимъ 25 того же сентября.

2) При Киев. д. Академіи состоятъ четыре доцентскія вакансіи.

Постановлено: За неимѣніемъ препятствій подвергнуть Конст. Попова въ настоящее засѣданіе баллотировкѣ на должность доцента и составить о семъ актъ за подписью избирателей.

ХІІІ. Актъ избранія въ званіе доцента Киев. д. Академіи: „1880 года 24 октября въ собраніи Совѣта Киевской духовной Академіи, въ составѣ 9-ти членовъ его, на осно-

ваніи § 86 Б. 6. уст. дух. акад. произведена закрытая баллотировка приватъ-доцента сей Академіи Константина Попова въ званіе доцента ея по занимаемой имъ штатной кафедрѣ патрологіи. По окончаніи баллотировки оказалось, что К. Поповъ получилъ всѣ избирательные шары (9)⁴.

Справка. По уст. дух. акад. § 53 и § 86 Б. 6. доценты, по избранію Совѣта, утверждаются епархіальнымъ Преосвященнымъ.

Постановлено: Состоявшееся избраніе К. Попова въ званіе доцента, на основаніи уст. дух. акад. § 86. Б. 6, представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства митрополита Кіевскаго.

XIV. Донесеніе помощника ректора по церковно—практическому отдѣленію отъ 4 октября 1880 года о томъ, что изъ студентовъ II курса церковно—практическаго отдѣленія не подаль проповѣди къ назначенному сроку Маркъ Сулхановъ.

Справка. Инспекторъ Академіи заявилъ, что студентъ Маркъ Сулхановъ находится въ больницѣ.

Постановлено: Студ. Мар. Сулханова обязать представить проповѣдь по выздоровленіи его.

XV. Отношеніе Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 14 октября 1880 г. за № 9424: „Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ ¹¹/₂₇ апрѣля 1879 г. постановилъ, изъ числа высланныхъ изъ возсоединенныхъ съ православною уніатскихъ церквей Сѣдлецкой губерніи старыхъ богослужебныхъ уніатскихъ книгъ, по одному экземпляру каждаго названія и изданія отослать въ Церковно-археологическій музей Кіевской духовной Академіи,

и отдѣльно въ Киевскую духовную Академію. Вслѣдствіе сего Хозяйственное Управленіе, препроводивъ 16 прошедшаго сентября чрезъ посредство Россійскаго Общества транспортированія кладей въ Правленіе Киевской духовной Академіи означенныя книги, поименованныя въ прилагаемомъ спискѣ, въ числѣ коихъ заключаются и экземпляры, о высылкѣ коихъ просилъ Академическій Совѣтъ 2 ноября 1877 г. за № 725, имѣеть честь покорнѣйше просить о полученіи ихъ Управленіе увѣдомить“.

Списокъ богослужебныхъ уніатскихъ книгъ, отправленныхъ въ Правленіе Киевской духовной Академіи.

	Мѣсто изданія.	Годъ изданія.	Число экземп- ляровъ.
1) <i>Для Церковно-археологическаго музея Киевской духовной Академіи.</i>			
Ирмологій	Почаевъ	1794	1
Тріодъ постная	Почаевъ	1784	1
Тоже	Львовъ	1664	1
Миней праздничная	Супрасль	1708	1
Трифологіонъ въ 2 ч.	Львовъ	1651	1
Тоже	Почаевъ	1777	1
Октоихъ.	Львовъ	1739	1
Тоже	Супрасль	1728	1
Тоже	Почаевъ	1758	1
Тоже	Неизв.	изд.	1
Дѣянія св. Апостоловъ.	Львовъ	1654	1
Миней мѣсячная съ мѣсяца сен- тября по январь	Неизв.	изд.	1
Миней общая.	Почаевъ	1757	1
Часословъ	”	1777	1
Служебникъ.	”	1793	1
Тоже	Супрасль	1758	1
Тоже	”	1763	1
Тоже	Вильно	1692	1
Тоже	Неизв.	изд.	1
Тоже	Неизв.	изд.	1
Тріодъ цвѣтная	Львовъ	1642	1
Тоже	”	1646	1

Тоже	Почаевъ	1767	1
Евангеліе	Львовъ	1690	1
Служба Тѣла Христова.	Почаевъ	1762	1
Возсѣдованія праздникамъ св.			1
Евхаристіи и т. д.	"	1757	1
Псалтирь.	Львовъ	1697	1
Тоже	Неиз.	изд.	1
Требникъ	Почаевъ	1792	1
Тоже	Неиз.	изд.	1
Молитвословъ.	Супрасль	1757	1
Итого.	"	"	31

и 2) для Киевской духовной Академіи.

Служебникъ.	Перемышль	1844	1
Тоже	Супрасль	1763	1
Тоже	"	1727	1
Тоже	Почаевъ	1791	1
Тоже	Неиз. изд.	1629	1
Тоже	Неиз.	изд.	1
Тріодъ цвѣтная	Почаевъ	1786	1
Тоже	Львовъ	1666	1
Тоже	Неиз.	изд.	1
Минея общая.	Рукописная		1
Евангеліе.	Почаевъ	1771	1
Дѣянія св. Апостоловъ.	Львовъ	1696	1
Тоже	"	1666	1
Тріодъ постная	"	1717	1
Тоже	"	1717	1
Анфологіонъ.	Неиз.	изд.	1
Минея праздничная	Львовъ	1738	1
Тоже	"	1643	1
Октоихъ	Почаевъ	1774	1
Тоже	Супрасль	1728	1
Тоже	Неиз.	изд.	1
Ирмологій	Рукописный		1
Тоже	Неизв.	изд.	1
Псалтырь	Почаевъ	1774	1
Часословъ	Неиз.	изд.	1
Требникъ	Супрасль	1763	1
Тоже	Неиз.	изд.	1
Тоже	Супрасль	неиз. года.	1
Итого.	"	"	28
А всего.	"	"	59

Справка. Профессоръ Н. Петровъ отъ 6 октября донесъ Совѣту Академіи, что онъ „3 октября сего года получилъ изъ Киевской Конторы транспортированія владѣй два тюка съ рукописями и старопечатными книгами, вѣсомъ въ шесть пудовъ и тридцать фунтовъ, адресованные въ Церковно археологическое Общество при Киевской духовной Академіи изъ Святѣйшаго Синода, и въ этихъ тюкахъ заключались 56 книгъ и 3 рукописи“. Списокъ сихъ книгъ имъ приложенъ. По сличеніи этого списка съ спискомъ Хозяйственнаго Управленія оказалось, что поименованныя въ томъ и другомъ спискѣ книги однѣ и тѣже, но у четырехъ по списку Хозяйственнаго Управленія означены не тѣ годы изданія, что могло зависѣть въ однихъ случаяхъ отъ трудности разобратить при ветхости книгъ, а въ другихъ случаяхъ отъ ошибки переписчика списка книгъ. Въ заключеніе донесенія профессора Петрова сказано: „Изъ перечисленныхъ старопечатныхъ книгъ только восемнадцать значится въ указѣ Св. Синода, отъ 13 марта 1875 г. за № 626, объ отпускѣ изъ склада Св. Синода полного круга униатскихъ богослужебныхъ книгъ для Церковно-археологическаго музея при Киевской духовной Академіи, каковой указъ данъ былъ въ свое время въ Совѣтъ Киевской духовной Академіи. Донося о семъ Совѣту Киевской духовной Академіи, долгомъ считаю присовокупить, что по смыслу означеннаго указа Св. Синода, должны быть высланы, но неполучены еще слѣдующія двадцать семь книгъ:

1. Тріодъ цвѣтная. Черниговъ 1685 г., въ листъ.
2. Литургіаріонъ. Львовъ. 1691 г., въ листъ.
3. Евхологіонъ. Львовъ 1719 г., въ 4-ю долю.
4. Апостолъ. Львовъ 1719 г., въ листъ.
5. Евангеліе. Львовъ 1722 г., въ листъ.
6. Октоихъ. Могилевъ 1730 г., въ 4-ю долю.
7. Литургіаріонъ. Уневъ. 1733 г., въ листъ.
8. Тоже, 2 изданія.
9. Евхологіонъ. Уневъ 1739 г., въ 8-ю долю.

10. Требникъ—Молитвословъ. Почаевъ 1741 г., въ 8 д.
11. Тріодъ. Почаевъ. 1747 г., въ листъ.
12. Литургіаріонъ. Уневъ. 1747 г., въ листъ.
13. Литургіаріонъ. 3 изд. Почаевъ. 1755 г., въ листъ.
14. Ирмологъ. Львовъ. 1857 г., въ листъ.
15. Литургиконъ. Львовъ. 1759 г., въ листъ.
16. Апостолъ. Почаевъ 1759 г., въ листъ
17. Миней служебная за цѣлый годъ. Почавъ 1761 г., въ листъ.
18. Литургіаріонъ. Почаевъ. 1765 г., въ листъ.
19. Тріодъ цвѣтная. Почаевъ. 1768 г., въ листъ.
20. Евхологіонъ. Почаевъ. 1771 г. въ 4 долю.
21. Служебникъ Вильно. 1773 г., въ листъ.
24. Акаѣисты различные. Почаевъ. 1776 г., въ 4 долю.
23. Часословъ. Почаевъ. 1777 г., въ листъ.
24. Литургіаріонъ. Почаевъ. 1778 г. въ листъ.
25. Апостолъ. Почаевъ. 1783 г., въ листъ.
26. Евхологіонъ. Почаевъ. 1788 г., въ листъ.
27. Октоихъ. Почаевъ. 1758 г. въ листъ.

Постановлено: Книги и рукописи сдать въ музей и въ бібліотеку Академіи по принадлежности, а Хозяйственное Упрвленіе увѣдомить о полученіи ихъ съ приложеніемъ списка всѣхъ старопечатныхъ книгъ униатскихъ, которыя еще не отпущены въ Кіевскую дух. Академію, по подлежать отпуску въ оную по силѣ указа Св Синода.

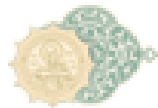
XVI. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „По заведенному порядку въ началѣ сего учебнаго года Канцелярією Академіи сданъ былъ студентамъ, переведеннымъ въ IV курсъ, листъ съ означеніемъ въ немъ установленныхъ группъ наукъ для спеціальнаго изученія съ цѣлію пригтовленія къ магистерскому испытанію и къ преподаванію въ духовныхъ семинаріяхъ. На этомъ листѣ заявили свое желаніе слушать практическо-спеціальныя лекціи: 1) по

священному писавію съ еврейскимъ языкомъ изъ студентовъ богословскаго отдѣленія Иларіонъ Балабушевичъ; 2) по богословію основному, догматическому и нравственному Иванъ Олесницкій, Н. Дубровскій, А—ръ Булгаковъ, Игнатій Чемена; 3) по пастырскому богословію, гомилетикѣ, литургикѣ и каноническому праву Мих. Чепикъ и Ник. Стасиневичъ; 4) по всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви Павелъ Петрушевскій и Стефанъ Ефимьевъ; 5) по всеобщей и русской гражданской исторіи и по исторіи русской церкви Павелъ Лукьяновичъ, Алексій Бурневскій, Аристархъ Саббатовскій, Мих. Орлинъ, Ник. Любарскій, Пав. Марковскій, Ник. Хойнацкій и Конст. Доброловскій; 6) по словесности, исторіи литературы и логикѣ съ пастырскимъ богословіемъ Ив. Копаневичъ, Егоръ Ливотовъ, Конст. Тимковскій и Вас. Пащевскій, съ гомилетикою—Вл. Тиминскій; 7) по психологіи, исторіи философіи и педагогикѣ—съ основнымъ богословіемъ Аристархъ Бутовскій и Петръ Калачинскій, а съ исторіею русской церкви—Симеонъ Трегубовъ; 8) по греческому языку съ основнымъ богословіемъ Дим. Серединскій и Алексій Мирожинъ, съ догматическимъ богословіемъ Ив. Яновскій и съ пастырскимъ богословіемъ Конст. Билецкій; и 9) по латинскому языку съ основнымъ богословіемъ Алексій Майерановъ, съ исторіею русской церкви Николай Маргаритовъ и съ пастырскимъ богословіемъ Андрей Балановскій“.

Справка. Копія съ сего подписнаго листа снята для приведенія преподавателей Академіи въ извѣстность о состоявшемся распредѣленіи студентовъ IV курса по установленнымъ группамъ.

Постановлено: Подлинный листъ съ подписками студентовъ IV курса приобщить къ дѣламъ.

XVІІ. Прошеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Д. Поспѣхова отъ 16 октября объ исходатайствванні ему

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

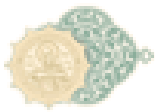
Съ 18 февраля 1881 г. выходитъ въ Кіевѣ

„ТРУДЪ“

газета экономическая, общественная, политическая и литературная.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Официальный отдѣлъ: Правительственныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. **II. Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ: экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправленія. **III. Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и социальному положенію Южнаго и Югозападнаго края.** **IV. Статьи по вопросамъ городского хозяйства и управленія. Хроника городскихъ событий и происшествій.** **V. Статьи по части исторіи, статистики, педагогич., этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія.** **VI. Критика и библиографія.** **VII. Отдѣлъ „Среди газетъ и журналовъ“.** **VIII. Фельетонъ.** Очерки и рассказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обозрѣнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событий и происшествій. **IX. Корреспонденціи.** **X. Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ иностранной политики.** **XI. Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гавастъ и собственныхъ корреспондентовъ. **XII. Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. **XIII. Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.** **XIV. Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и лодовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. **XV. Объявленія.**

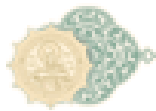
Газета **ВЫХОДИТЬ** въ форматъ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: по **понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	6 руб. — коп.,	на полгода	4 руб.
Безъ доставки	» » »	4 » 50	» » »	3 »
Съ пересылк. иногороднымъ	» »	8 » —	» » »	5 »

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Норчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ**: въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова, Москва, Софійка, церковн. домъ.—Въ **Парижѣ**, Agence Navas et Cie—Place de la Bourse 8, à Paris —Въ **Варшавѣ**, агент. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.

недѣлю. „Воскресное Чтеніе“ будетъ выходить также еженедѣльно, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, не менѣе одного листа въ недѣлю. „Труды Киевской духовной Академіи“ будутъ выходить еженеѣднчно книжками не менѣе 12 листовъ, изъ коихъ около 5 заняты переводомъ твореній блаж. Іеронима и Августина и не менѣе 7—оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ“ составятся: одинъ томъ твореній бл. Августина, одинъ томъ твореній бл. Іеронима и три тома статей, каждый около 30 печатныхъ листовъ, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р; Трудовъ Киевской Духовной Академіи—7 р; Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р; Епарх. Вѣдомостей съ Трудомъ—10 р; Воскреснаго Чтенія съ Трудомъ—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудомъ—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Киевской духовной Академіи, въ Киевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Киевѣ, на Крещатику, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVI (1853—54), XVII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVI (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою.

„Труды Киевской духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1869 годы (кроме 1867 г.) по 2 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 60 к.; за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 к. безъ пересылки, съ пересылкою 4 р.; за 1874 годъ 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 р.; за 1875 годъ 6 руб.; за 1876, 1877, 1878, 1879 и 1880 гг. по 7 руб.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія“ дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе „Воскресное Чтеніе“ получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
БИБЛІОТЕКА
твореній св. Отцевъ и учителей церкви
западныхъ:

Книга	1 —	Творенія св. Кипріяна Е. Карфаген.,	часть	1
"	2 —	" св. Кипріяна	"	2
"	3 —	Творенія бл. Іеронима Стридонск.,	часть	1
"	4 —	" бл. Іеронима	"	2
"	5 —	" бл. Іеронима	"	3
"	6 —	" бл. Іеронима	"	4
"	7 —	Творенія бл. Августина Е. Иппонійск.,	часть	1
"	8 —	" бл. Іеронима	"	5
"	9 —	" бл. Августина.	"	2
"	10 —	" бл. Августина.	"	3
"	11 —	" бл. Іеронима	"	6

Цѣна каждой книги Библиотеки 2 руб. сер. съ пересылкою.

Адресъ: въ редакцiю журнала „Труды Киевской духов-
ной Академіи“, въ Кіевѣ.

Заслуженный профессор Д. Посьховъ.

Печатать дозволяется. 1 марта, 1881 г.

Кіевская духовная Академія.